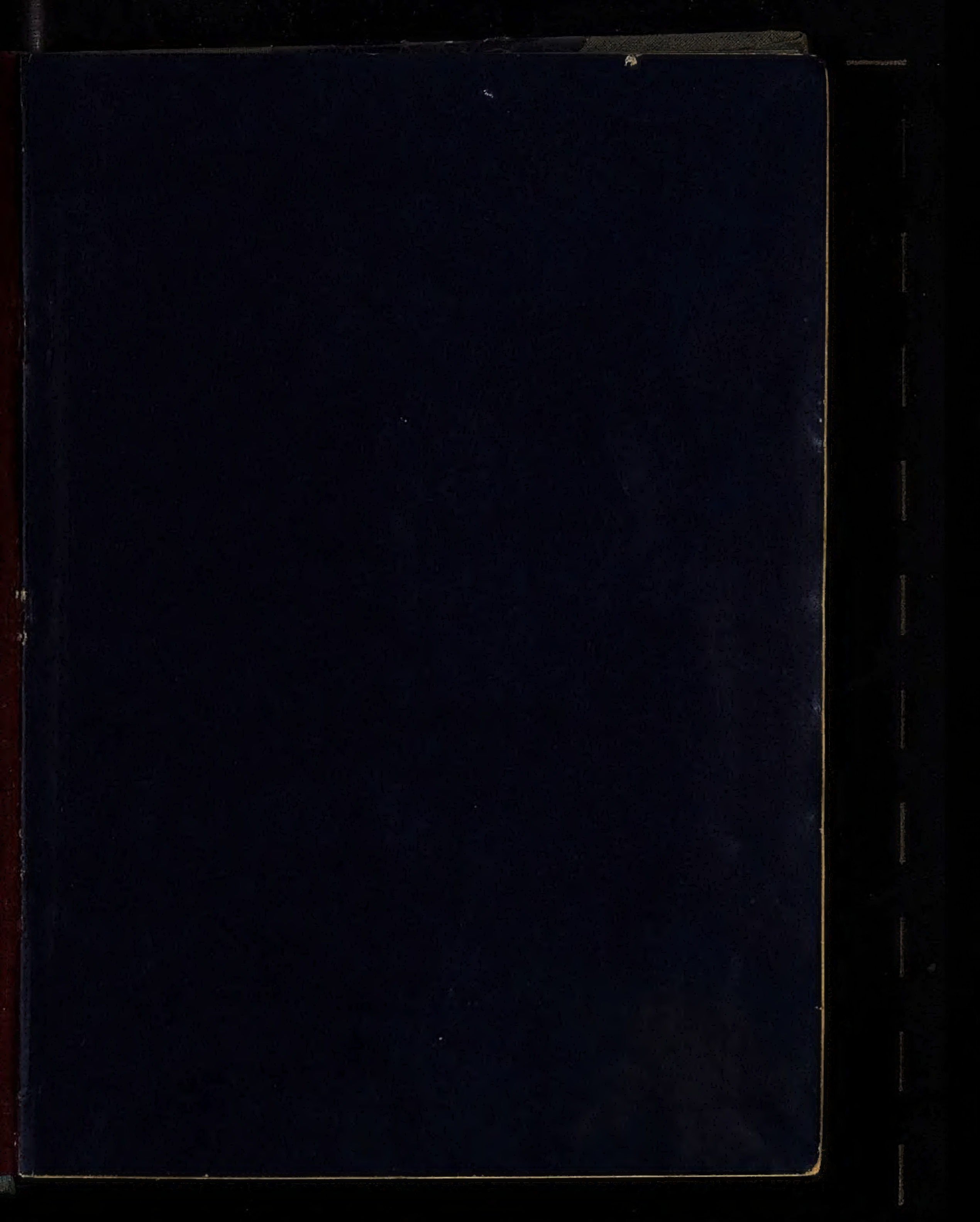
Гофман

Война упущенных возможностей

БИБЛИОТЕКА МЕМУАРОВ

ГЕНЕРАЛ ГОФМАН

ВОЙНА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА — ПЯТНИЦКАЯ, 71
Гиз 8836. Главлит 34828.
Тираж 7.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Генерал Гофман является для нас наиболее памятной фигурой из всех немецких военноначальников эпохи мировой войны, благодаря его участию в мирных переговорах в Брест-Литовске. Блестящая характеристика Гофмана и всех его соратников дана тов. Троцким в статье «Брестский этап», где он живописует их, как «представителей могущественного тогда милитаризма, насквозь проникнутого победоносным солдафонством, кастовой надменностью и величайшим презрением ко всему не истинно гогенцоллернско-прусско-немецкому». Несколько дальше, говоря о самом Гофмане, тов. Троцкий указывает, что «во все время конференции он не переставал громыхать и угрожать нам — представителям побежденной страны».

Действительно, Гофман во всех отношениях является идеальным образчиком прусского солдафона. Даже его наружность настолько ярко типична, что начинает уже переходить в карикатуру: круглое лицо с низким лбом, неподражаемо надменный взгляд, презрительно вздернутая толстая губа, совершенно одеревенелая фигура с выпяченной грудью — все это производит впечатление не реального человека, а скорей карикатурного портрета прусского генерала из Simplizissimus'a.

В своей книге «Война упущенных возможностей» (Der Krieg der versäumten Gelegenheiten) Гофман рисуется впрочем не просто солдафоном, но вдобавок солдафоном, находящимся в оппозиции к своим собратьям. Задачей его является исследовать причину крушения германского импе-

риализма и найти лиц, виновных в этом. Свою задачу Гофман разрешает очень просто, «по-генеральски». Прежде всего для него совершенно ясно, что крушение Германии сводится к определенному количеству проигранных сражений или же неправильно (с его точки зрения) выполненных операций. Главная часть его книги, не лишенная интереса для специалиста, и заключается в критике военных действий, в выявлении тех «возможностей», которые, будучи своевременно использованы, несомненно обеспечили бы Германии победу или почетный мир. При такой упрощенной постановке проблемы сразу же выясняются и виновники проигранной войны; это разумеется те генералы, которые руководили операциями: Мольтке, Фалькенгайн и, наконец, Людендорф, с которым, кстати, отношения у Гофмана были испорчены, хотя Людендорф и характеризует его великодушно в своих «Воспоминаниях», как «чрезвычайно одаренного и прокладывающего себе дорогу офицера».

Правда, даже для других военных (Людендорфа, Тирпица) было ясно, что война, да еще такого масштаба как мировая, не определяется лишь сражениями, что огромное значение имеют чисто политические факторы, также как и экономические. Но бравый Гофман почти полностью игнорирует все эти «невесомые данные» и судит обо всем, отправляясь исключительно от армии. Эта точка зрения, конечно, не случайна, и она вовсе не об'ясняется одной лишь ограниченностью Гофмана. Дело в том, что за последние три года войны в Германии фактически установилась военная диктатура. «Сверхчеловек» немецких милитаристов — Людендорф сумел концентрировать в ставке все нити внутренней и внешней жизни страны. Достаточно указать, что акт о восстановлении Польши был превозглашен по инициативе Людендорфа, закон о всеобщей трудовой повинности был разработан в ставке и т. д., и т. д. Недаром Эрцбергер указывает в своих мемуарах, что вплоть до перемирия Людендорф

«оставался почти неограниченным властителем Германии и частью сам решал политические вопросы, частью существенно влиял на их решение». Отсюда становится вполне понятным, почему все мысли такого «идеального солдафона», как Гофман, исходили от армии и возвращались к ней. Политика, вернее дипломатия, являлась для него своего рода резонатором, чутко вибрирующим в ответ на все военные действия, удачные или неудачные сражения, планы ставки и пр.

В книге Гофмана, впрочем, для нас особенно интересна не эта полемически-военная сторона, а те материалы, которые имеют отношение к послеоктябрьской России.

Когда русский фронт рухнул, перед Германией, по его мнению, открылись две возможности: «или решиться на водворение порядка в России, заключить дружественный союз с новым русским правительством, после чего обратиться к западу»... или использовать освободившиеся на русском фронте военные контингенты для решительной схватки на Западе.

Как известно, временно был избран второй путь, повлекший брест-литовские мирные переговоры, при чем необычайно комичное впечатление производят самооправдания Гофмана в том, что, посоветовав заключить мир с Советским правительством, он «вовсе не хотел способствовать распространению большевизма...».

Наиболее яркие страницы его книги посвящены, как и надо было ожидать, брестским переговорам. Совершенно бессознательно Гофман раскрывает омерзительную картину тех мошеннических проделок, которые были задуманы, а частью и осуществлены правящими кругами Австрии и Германии на конференции. Достаточно указать на тот обман, который был допущен в вопросе о переброске германских войск с восточного фронта на западный, о котором с необычайной откровенностью повествует Гофман: как оказывается, еще до открытия переговоров в Бресте, главная

масса германских войск была переброшена на запад. — «Я поэтому мог с легким сердцем согласиться с русскими», цинично указывает Гофман. Ярко изображены трения на конференции между немецкой, австрийской и турецкой делегациями, аннексионистская подоплека немецкого требования о самоопределении Курляндии и Литвы и т. п. Наконец, особенно хорошо освещена предательская роль, сыгранная в Бресте украинской мирной делегацией, которую, по выражению Людендорфа, «Гофман взял под свое особое покровительство». Вообще роль, которую играл сам Гофман на конференции, можно охарактеризовать крылатой фразой Вильгельма II: «где является гвардия, там нет места демократии».

Специфический интерес представляет глава, посвященная после-брестскому периоду отношений между Германией и Советской Россией.

Отметив те затруднения, которыми сопровождалась немецкая оккупация Украины и Прибалтики, Гофман сообщает план свержения Советского правительства, который он, как оказывается, предлагал осуществить уже в начале 1918 г. Проект его заключался в движении немецких войск па Смоленск-Москва-Петроград, реставрации монархического правления (царевич, а при нем регент — великий князь Павел Александрович, с которым немецкое командование находилось в постоянных сношениях) и заключении с «Новой Россией» союзного договора на выгодных для нее условиях. Эти страницы книги Гофмана пополняются теми сведениями о предполагаемой ликвидации Советской власти, которые мы находим у Людендорфа. Последний, убедившись, что мир на Востоке в конце концов оказался весьма тяжелым «военным миром», начал развивать план «короткого удара» на Петроград, при одновременном наступлении донских казаков на Москву. Таким путем можно было бы устранить Советское правительство и установить новое, зависимое

от Германии. Переходя от слов к делу, Людендорф торопится оказать помощь Краснову, Скоропадскому и др., довольно комично в то же время негодуя на «нарушение» Россией брестского договора. Характерно, что, стремясь консолидировать все анти-большевистские силы, Людендорф обращал свои благосклонные взоры и на Алексеева с его добровольческой армией. «Он действовал под английским влиянием — замечает с характерным цинизмом Людендорф, — но я думаю, что он был настолько предан России, что перешел бы на нашу сторону, если бы мы свергли Советское правительство».

История показала, что немецкие генералы просчитались в своих планах. В то время как они создавали свои проекты реставрации монархизма, революция уже стучала в двери Германии. Сверхчеловек милитаристов — Людендорф и его помощник — идеальный солдафон — Гофман принуждены были очистить оккупированные ими на Востоке территории, после чего быстро исчезла вся оставленная ими нечисть: державный гетман Скоропадский, генерал Краснов и др.

Свержение Советской власти осталось таким образом для немецких генералов одной из «упущенных возможностей».

В. Гурко-Кряжин.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Недавно пришлось мне прочесть в одной газете поступившее в редакцию письмо, в котором автор высказывает пожелание, чтобы всякий генерал или политик, который будет писать свои военные воспоминания или будет высказывать свои воззрения на войну и военное командование, — привлекался бы к судебной ответственности и был бы заключен в исправительную тюрьму. Такого рода пожелания отнюдь не действуют вдохновляющим образом на того, кто сам принимается за писание своих воспоминаний о войне.

Я, конечно, прекрасно понимаю, что штатским надоело читать военную критику, и они могут сказать: «какой смысл имеет теперь плакать о пролитом молоке». И все же для очень и очень многих наших современников и прежде всего для наших детей и вообще для нашего потомства очень важно знать о тех, кто занимал положение, дававшее возможность наблюдать ход событий войны и излагать свои впечатления и мнения о ней. Ведь когда-нибудь в будущем смогут же беспристрастно судить о том, должны ли мы были неизбежно проиграть войну, и на какие лица или обстоятельства падает вина в том, что мы ее проиграли.

Часто приходится слышать также мнение, что нетрудно де критиковать поступки и упущения, когда видны все их последствия. В этом отношении я нахожусь в счастливом положении, так как во все время войны ежедневно в кратких письмах к жене я излагал свои взгляды и впечатления. Таким образом я могу теперь ограничиться обоснованием моих выводов, опираясь на некогда мною написанное.

Хотя я и разделяю серьезные соображения о том, что мы еще не так далеко отошли от этих событий, чтобы быть в состоянии судить о них правильно, — тем не менее я решился выпустить в свет эту книгу.

Генерал-майор
ГОФМАН.

Шарлоттенбург,
март 1923 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОЙНА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ.

Приказ о мобилизации застал меня в Мюльгаузене (Эльзас), где я уже год как командовал батальоном в баденском пехотном имени принца Вильгельма полку. По мобилизационному расписанию я еще два года тому назад должен был занять место «первого офицера генерального штаба» [1]) при штабе армии, которой предстояло действовать на восточном фронте.

Восточная граница мне хорошо была знакома: в Восточной Пруссии и Познани я служил лейтенантом и ротным командиром, а равно бывал и по различным назначениям генерального штаба. Восточная Пруссия, где я прослужил семь лет, стала для меня второй родиной.

Русскую армию знал я теоретически и практически. По окончании военной академии и после экзамена по русскому языку я был командирован зимой 1898—1899 г.г. на шесть месяцев в Россию. Затем пять лет я состоял в русском отделе главного генерального штаба. Кроме того, я проделал всю русско-японскую кампанию в качестве военного атташе при японской армии. Находясь при второй японской дивизии, я видел, как русские сражались на Мотиенлинском перевале, у Ляояна, на р. Шахэ и под Мукденом.

Скажу здесь, забегая несколько вперед, что в японской войне русские, несомненно, очень многому научились.

---

[1]) Штаб-офицера для поручений. Прим. перев.

Если бы они в походе против нас вели себя столь же нерешительно, столь же мало и слабо наступали, так же боязливо реагировали бы на всякую фланговую угрозу, оставляли бы неиспользованными столько же резервов, как тогда на полях Манчжурии, то война была бы для нас гораздо более легкой.

Во всяком сражении победа давалась в руки Куропаткину, русскому главнокомандующему в войне против Японии. Ему нужна была только твердая решимость, чтобы удержать эту победу. Однако силы воли на это у него никогда нехватало.

Простейшим примером его тактики является битва при Ляояне. Японский фронтальный натиск с юга на Ляоян был отбит. Тогда генерал Куроки принял отважное решение переправиться с главными силами своей 1-й армии через реку Тайцзыхе, чтобы добиться развязки путем натиска на высоты восточнее Ляояна. Между Тайцзыхе и флангом гвардейской дивизии, сражавшейся на фронте 4-й японской армии, Куроки оставил всего 6 рот, — это на протяжении примерно одной немецкой мили [1], — разбросанных кучками по горным вершинам. Они должны были внушать русским представление о непрерывности фронта. Стоило только русским двинуться вперед на этом участке, — и судьба японской армии была бы решена. Гвардейская дивизия была бы взята в обхват, 4-я и 2-я японские армии отброшены на юго-запад, а Куроки оттеснен в горы.

Я сам пробыл тогда двое суток на участке одной из упомянутых японских рот. Густые линии русских в окопах имели мы от себя на расстоянии $2\frac{1}{2}$ — 3 тысяч метров, но они не шевелились. Когда потом войска Куроки оказались на северном берегу Тайцзыхе и 15-я бригада перешла в наступление на высоту, называвшуюся у японцев Мануйяма,

[1]) Немецкая миля — 7 верст. Прим. перев.

а у русских Суквантун, то внимание и забота Куропаткина сосредоточились исключительно на этом пункте.

Главная масса его резервов была скучена против одного угрожаемого места и израсходована в напрасных контратаках против высоты, занятой 15-й бригадой.

На южный фронт, где можно было бы иметь легкий успех, более не обращали никакого внимания, и, после неудачной попытки отбить высоту Суквантун, был отдан — без всякого на то основания — приказ об отступлении. Так было при Ляояне; нечто подобное же происходило на р. Шахэ и под Мукденом.

В войне с нами тактика у русских была уже иная. В походе против нас они более уже не повторяли ошибок японской войны. Одной из последних моих работ во время службы в русском отделе главного генерального штаба было воспроизведение плана развертывания русских сил против Германии согласно имевшимся в нашем распоряжении сведениям.

Наша разведывательная часть в мирное время работала не очень хорошо. Главная причина этого заключалась в том, что в ее распоряжении не находилось больших сумм, нужных для того, чтобы иметь за границей агентов и шпионов.

Насколько я теперь помню, только один раз, в 1902 г., удалось нам купить весь план русского развертывания сил у одного полковника русского генерального штаба. С этого времени, — мы знали, — русский мобилизационный план был изменен, но как, — это долго для нас было неясным.

В 1910 году, если не ошибаюсь, начальнику разведки штаба 1-го армейского корпуса в Кенигсберге, капитану Николаи, удалось добыть приказ о пограничном охранении, полученный одной из частей русской 26-й дивизии в Ковно. Из приказа видно было, что русские из находящихся в их распоряжении войск в первую очередь развертывали про-

тив нас две армии: так называемую виленскую армию и варшавскую.

Обе армии должны были начать наступление на Восточную Пруссию — одна к северу, другая к югу от Мазурских озер. Внутренние фланги обеих армий должны были продвигаться в направлении на Гердауен, стремясь к соединению позади цепи Мазурских озер. О составе этих армий находившийся в наших руках приказ никаких сведений не давал. В них, очевидно, должны были войти войска варшавского и виленского военных округов; войска киевского и одесского округов и южной части варшавского округа следовало считать предназначенными для действий против Австро-Венгрии. Но мы ничего не знали о назначении войск из округов петербургского, финляндского, московского, казанского, кавказского и округов сибирских. Что касается последних, то генеральный штаб не предполагал, — по крайней мере когда я работал в русском отделе (осень 1911 г.), — что русские в состоянии будут все свои восточно-сибирские войска перебросить в Европу.

У нас тогда думали, что нашей дипломатии удастся удержать Японию от вступления в ряды наших врагов. Если бы нашему министерству иностранных дел удалось это выполнить, то русские были бы вынуждены по крайней мере часть своих восточно-сибирских войск оставить на Дальнем Востоке.

Сам я во всяком случае не мог подавить в себе некоторого беспокойства насчет наших отношений с Японией.

Я невольно вспоминал мнение, высказанное весной 1904 г., тогдашним японским военным министром Тераучи. Про него говорили, будто он к нам, немцам, не очень расположен. Как-то на одном обеде речь зашла именно об этом. Тераучи признал, что это так, но добавил, что он имел в виду не германских военных, а германскую политику, так как

на Германии лежит доля ответственности за ту войну, которую ныне Япония должна вести против России.

«В 1894 г. мы взяли у китайцев Порт-Артур и владели им», сказал Тераучи. «Ультиматум Германии, России и Франции вынудил нас вернуть Порт-Артур китайцам; что Россия прибегла к ультиматуму, — это было понятно: она сама стремилась в Порт-Артур и в незамерзающий порт Дальний; что Франция поддержала Россию, — это было естественно, ибо она была с нею в союзе. Но какое вам было до этого дело?».

Над этим вопросом я призадумался, когда узнал, что тогдашний наш посланник в Токио (насколько мне стало известно, — не в очень ловкой форме и без соответствующих инструкций из Берлина) позволил своим более умным коллегам из Парижа и Петербурга при передаче ультиматума выдвинуть на первый план себя.

Я вспоминал, как зимой 1905 г. я остановился с женой около чайного домика в Симоносеки — городке, в котором подписан был японо-китайский мир, — и как я с опасением сказал: «будем надеяться, что нам за эту глупость не придется когда-нибудь платить».

К сожалению, мои опасения сбылись; японский ультиматум, вызвавший у нас такую бурю негодования, явился буквальным переводом ультиматума 1894 года, только вместо слов «Порт-Артур» теперь поставлено было «Тзинг-Тау».

Выше я упомянул о генерале Терауч᠎и. В первом походе, в котором ему молодым еще человеком пришлось принять участие, — это было во время гражданской войны 1868 года, — он был ранен стрелой из лука. От этой раны он стал сухоруким.

Терауч᠎и всегда представлялся мне символом быстрого развития японской армии. Армия эта в течение тридцати лет прошла расстояние, отделяющее вооружение луком и стрелами от вооружения современными пулеметами и автома-

тическими ружьями, а тот, кто в юности своей сражался в ее рядах при помощи лука и стрел, — тот на старости лет стал военным министром при современной армии в современной же войне.

Что касается принципов обучения японской армии, то тут, когда начали изучать европейские образцы, боролись два направления: представители одного высказывались за французский метод, представители другого — за германский. Последние одержали верх в связи с деятельностью известного генерала Мекеля в качестве преподавателя в японской военной академии.

К началу войны все войско обучено было по германскому уставу. Все инструкции и приказы были без изменения переведены на японский язык. Равным образом были приняты меры к тому, чтобы поставить по германскому же методу обучение офицеров генерального штаба. Таким образом наши германские основы обучения и командования были испытаны на войне, и мы могли быть довольны полученными результатами. Успех наших методов укрепил в японцах веру в наше военное искусство.

По окончании войны я пришел проститься к генералу Фуджи, начальнику штаба 1-й японской армии. Я сказал ему, что с нетерпением ожидаю узнать, какие изменения внесены будут в японский устав на основании опыта войны. Он ответил мне: «Я тоже. Мы посмотрим, какие новые инструкции изданы будут в Германии на основании донесений прикомандированных к нашей армии офицеров. Тогда мы эти инструкции переведем, как это делали и раньше».

Я не хотел бы закончить главу моих воспоминаний о Японии, не упомянув о некоторых иностранных военных атташе, с которыми меня свел случай в 1-й армии Куроки. Им суждено было сыграть исключительную роль в мировой войне. Кроме известного английского генерала сэра Джона Гамильтона и майора Кавиглиа, впоследствии итальянского

военного министра, к их числу принадлежали трое американцев: полковник Краудер и штаб-офицеры Пейтон-Марч и Першинг. В мировой войне получили известность: полковник Краудер, как организатор, Пейтон-Марч как начальник генерального штаба, и Першинг, как главнокомандующий новой американской армии.

Я был в большой дружбе с капитаном Марч, дававшим мне уроки английского языка. Он мне особенно нравился широтой своего военного кругозора, свойственной образованному уму, и своим открытым прямым характером.

Как я уже упомянул выше, русские многому научились во время японской войны. Характерно для русской действительности, что эти успехи скорее следует приписать личной инициативе отдельных лиц, чем распорядительности центральных властей.

Генерал Ренненкампф, не очень отличившийся, как военачальник во время японской войны, составил на основании опыта этой войны проект нового устава для пехоты. Он ввел его сначала в своем 3-м корпусе, а позже, уже будучи командующим виленским военным округом, и в войсках этого округа. Этот проект был затем, в качестве временного, введен во всей русской армии, но до выработки постоянного устава дело так и не дошло.

На вопрос о том, какое назначение даст русское командование главной массе своих войск, с нашей военной точки зрения следовало бы ответить, что самым естественным и правильным было бы направление их против нас, против Германии. Мы были сильнейшим противником; если бы удалось нас победить, то война против Австрии была бы детской игрой. Поэтому я думаю, что если бы германский генеральный штаб распоряжался русскими войсками, то против Австрии были бы назначены действовать оборонительно войска киевского и одесского военных округов, все же остальные силы были бы направлены против Германии.

Если бы русское командование стало на эту правильную точку зрения, то прошло бы во всяком случае много недель до окончания развертывания русских сил на германской границе, до сосредоточения всех частей, включая и сибирские.

Подобно тому, как неизвестно было нам назначение главных русских сил, так же неведома была нам и организация тех миллионов солдат старших призывов, находившихся в распоряжении русского командования.

До японской войны Россия, в противоположность германской и французской практике, стояла на той точке зрения, что уже в мирное время ей нужны некоторые кадровые части на случай мобилизации резервных войск. При недостаточном умственном развитии русского солдата, при недостатке в офицерах и в унтер-офицерах запаса такая точка зрения была, конечно, правильной. Для этой цели имелся ряд резервных бригад. При мобилизации путем удвоения их развертывали в «первоочередные резервные дивизии», а путем учетверения во «второочередные резервные дивизии».

В японскую войну образованные таким путем резервные дивизии оказались, повидимому, неудовлетворительными. Напомню неудачу резервной дивизии Орлова у Янтайских угольных копей. Среди густого гаоляна, стебли которого, вышиной в два—три метра, исключали всякую возможность осмотреться, эта дивизия неожиданно натолкнулась на бригаду 12-й японской дивизии. Японцы ударили в штыки и отбросили почти без сопротивления дивизию Орлова. Поэтому после войны резервные бригады были распущены и было введено формирование резервных дивизий по французскому образцу и под французским руководством.

Нам неизвестно было, сколько будет выставлено таких дивизий, сколько времени уйдет на их развертывание, будут ли они сведены в резервные корпуса и т. д.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТОЗВАНИЕ ГЕН. ФОН ПРИТВИЦ-ГАФРОНА.

К вечеру первого дня мобилизации я прибыл в Познань— центральный пункт мобилизации 8-й армии [1]). Во главе этой армии стоял генерал-полковник фон Притвиц-Гафрон.

Корпус генерала Войрша имел особое назначение: он должен был участвовать в наступлении австрийцев, находясь на их крайнем левом фланге. Для выполнения возложенной на него задачи этот корпус был снабжен далеко недостаточно. Он нуждался прежде всего в тяжелой артиллерии и в санитарных учреждениях, — последнее обстоятельство можно было назвать прямо-таки преступным упущением.

Командование 8-й армией могло оказывать на действия корпуса весьма слабое влияние. Телефонная связь поста-

---

[1]) Армия была в составе: 1-го арм. корпуса (ген. ф. Франсуа). 17-го арм. корпуса (ген. ф. Макензен), 20-го арм. корпуса (ген. ф. Шольц), 1-го рез. корп. (ген. Отто ф. Белов), 3-й рез. дивизии (ген. ф. Морген), 1-й кавал. дивизии (ген. Брехт), 2-й ландв. бригады, 6-й ландв. бригады, 70-й ландв. бригады. Кроме того, армии были подчинены корпусные округа следующих армейских корпусов: 1, 2, 5, 6, 17 и 20, а также восточные крепости и, наконец, корпус генерала Войрша, составленный из Познанского и Силезского ландвера.

20-й и 1-й арм. корпуса выставлены были на границе. Прочие части развертывались на следующих участках: 17-й арм. корп. в районе Дейч — Эйлау, 1-й рез. корп. в районе Нейденбурга, 3-я рез. дивизия в районе Гогензальца, 1-я кав. дивизия в районе Гумбинена, 2-я ландв. бригада в районе Тильзита, 7-я ландв. бригада в районе Гослерсгаузена.

влена была слабо, и во время наступления корпуса она, за отсутствием материала, совсем оборвалась.

Мне удалось лишь два раза в начале военных действий установить телефонную связь с корпусом, при чем меня тут ожидала очень приятная неожиданность. На мой телефонный вызов мне ответил мой лучший друг подполковник Кундт, один из наших одареннейших и умнейших офицеров генерального штаба. Я думал, что он находится в Южной Америке, так как он перед войной получил, как и некоторые другие офицеры, отпуск в Боливию. Но перед самым началом военных действий он получил отпуск на родину и успел счастливо добраться в Германию. Таким образом я узнал, что один из способнейших наших офицеров находится в рядах моих соратников.

Нашей армии поручено было защищать Восточную и Западную Пруссию от нападения русских. При этом она должна была стараться, в случае нападения превосходных сил, не дать себя окончательно разбить и равным образом не дать себя оттеснить в крепость Кенигсберг. На случай такого нападения в операционном плане имелось указание очистить Пруссию к востоку от Вислы и отвести армию за реку.

Такое указание операционного плана безусловно содержало в себе большую психологическую опасность для людей со слабыми нервами, но в остальном ни оно само, ни численность предназначенных для Вост. Пруссии сил не являлось для нас неожиданностью и в общем совпадало с нашими предположениями.

Как это теперь всем известно, военный план графа Шлиффена, прежнего начальника генерального штаба, предусматривал, в случае войны на два фронта, наступление главных германских сил на западной границе сильным правым флангом с внезапным походом через Бельгию, чтобы охватить северное крыло французских войск и опрокинуть его. Таким

образом предполагалось быстро добиться развязки на Западе. Восточный фронт тем временем должен был обходиться своими собственными силами и на помощь с другого фронта мог рассчитывать лишь с момента наступления развязки на Западе. С этой идеей мы, штабные офицеры шлиффенской школы, вполне освоились. Мы много раз имели с ней дело в больших военных играх и полевых поездках генерального штаба.

Командующий армией генерал фон Притвиц в мирное время мне был известен как умный, порой немного резкий начальник. Я также хорошо знал начальника штаба, генерал-майора графа фон Вальдерзее. Он имел репутацию высоко образованного и дельного штабного офицера. При об'явлении мобилизации он был обер-квартирмейстером, т.-е. принадлежал к числу наилучших офицеров генер. штаба в должности нач. штаба корпуса. К сожалению, он не мог проявить всей полноты своих знаний, так как он перенес незадолго перед войной тяжелую операцию, от последствий которой его потрясенная нервная система еще не оправилась.

Первый обмен мнений между мной и начальником штаба о предстоящей нашей армии задаче коснулся следующих вопросов: нас не беспокоила многократно уже обсуждавшаяся возможность кавалерийских атак большими массами неприятеля. С ними управились бы войска, охранявшие границу. Нам даже желательно было, чтобы русские в действительности предприняли такого рода атаку и при этом сразу потерпели бы неудачу. Прежде же всего наша армия должна была считаться с возможностью наступления известных нам уже армий, варшавской и виленской. Можно было предвидеть, что они составятся из войск виленского и варшавского военных округов (за исключением 14-го арм. корпуса, расположенного на Австро-Венгерской границе).

Мы допускали, что выступление обеих армий последует между 15 — 20 августа; их мобилизация могла закончиться

к 15-му числу и их развертывание должно бы занять немного времени, так как они стояли гарнизонами неподалеку от границы, но вряд ли можно было допустить, чтобы силы эти подкреплены были частями из Петербургского и Московского округов. Надо было полагать, что в районе Гродно — сообразно русским военным обычаям — развернуты будут войска в качестве резерва и для связи обеих армий. Резервные части к этому времени, вероятно, не поспеют на место назначения, так как для формирования их потребуется более значительное время.

При вступлении на германскую территорию наступление русских войск разрывалось преградой Мазурских озер. Русские могли наступать только одной армией севернее, другой — южнее сети озер. Следовательно наша армия должна была подготовиться к тому, чтобы атаковать и разбить какую-либо из русских армий в момент разобщения их Мазурскими озерами. Пока нельзя еще было предвидеть, которая из них предоставит нам для этого наилучшую возможность. Однако можно было предполагать, что виленская армия скорее выступит на арену, чем варшавская, которой приходилось пробиваться к нашей границе через довольно-таки бездорожную, болотистую и лесистую местность.

Последовавшие события подтвердили в общем правильность наших предположений. В ближайшие дни русскими предприняты были мелкие кавалерийские атаки, которые с легкостью были отбиты. На востоке виленская армия сильными отрядами продвигалась к нашей границе, в то время как на южной границе Вост. и Зап. Пруссии было пока сравнительно спокойно.

Рекогносцировка против варшавской армии была чрезвычайно затруднительна. Шпионы, из польских евреев, доставившие в первые дни кое-какие сведения, становились бесполезны по мере более тесного занятия русскими границы. В распоряжении армии находился лишь один отряд

летчиков, который вынужден был ограничиться единственно тем, чтобы дважды в день производить воздушную разведку путей, ведущих к границе. Но даже и при этих условиях не последовало бы неожиданного для нас появления варшавской армии, если бы русские не были настолько осторожны, совершая свои переходы ночью, а днем отдыхая в закрытых местах [1]). Мобилизация и развертывание нашей армии завершились полностью по предустановленному плану. 8 августа командующий прибыл со штабом в Мариенбург и в тот же день вступил в командование армией.

Еще до прибытия в Мариенбург между штабом армии и командиром 1-го арм. корпуса, генералом фон Франсуа, начался конфликт. Генерал Франсуа чувствовал себя в качестве командира восточно-прусского корпуса, как бы особенно призванным защищать Восточную Пруссию. Он стремился, — по мотивам с его точки зрения понятным, — к тому, чтобы ни один русский не вступил на восточно-прусскую землю, и чтобы ни одна вост.-прусская деревня не испытала на себе ужасов войны. Он был того мнения, что следует придерживаться наступательной тактики при обороне границы от наступления неприятеля, и хотел путем отдельных коротких ударов держать русские пограничные части вдали от границы. При этом генерал Франсуа упустил из виду, что таким путем 1-й арм. корпус уходит из рамок армии. Если бы даже командующий армией согласился с его планом, то и тогда могло случиться, что армия вынуждена была бы поддерживать 1-й арм. корпус на границе и даже к востоку от нее; тем самым армия была бы раздроблена и была бы вынуждена принять сражение впереди Мазурских озер, утратив, таким образом, выгоды их географического положения. Кроме того, генерал Франсуа допустил ошибку, не сообщив

---

[1]) Это неверно. Армия генерала Самсонова шла почти без дневок. Прим. перев.

о своих намерениях командованию армии. В результате штаб армии полагал, что ядро 1-го арм. корпуса стоит на р. Ангерап, тогда как в действительности оно продвинулось вперед на восток.

Из поступивших до 14 августа о неприятеле сведений вытекало, что противник с большими силами наступает южнее и севернее Роминтенского леса и что особенно оживленную деятельность он проявляет южнее этого леса. Отсюда командование армией заключило, что виленская армия, как это всегда предполагалось, выступила раньше варшавской. К тому же сведения летчиков попрежнему подтверждали, что на путях с юга никакого движения не замечается. Командованием принято было решение расположить главные силы армии для атаки против виленской армии [1]).

Ввиду предстоящей битвы штаб армии был переведен вечером того дня из Мариенбурга в Бартенштейн.

17 августа генерал-майор граф Вальдерзее к великому своему удивлению получил донесение от начальника штаба 1-го арм. корпуса о том, что генерал Франсуа не выполнил данного ему приказа, перешел с большей частью своих сил в наступление и под Сталюпененом вступил в бой. Командование армией распорядилось по телефону и телеграфу прекратить бой. Генерал-квартирмейстер Грюнерт

[1]) 20-й арм. корпус сосредоточен был большей частью у Ортельсбурга для охраны границы с юга; справа к нему примыкали: части Данцигского гарнизона для пограничной охраны у Нейденбурга, Грауденцского — у Лаутенбурга, Торнского — у Страсбурга, равно как и 70-я ландверная бригада в районе Млава — Сольдау. Озерную линию Николайкен-Летцен занимали: 3-я рез. дивизия с 6-й ландв. бригадой, 1-й рез. корпус по реке Ангерап, правым крылом к озеру Мауэр, 17-й арм. корпус по жел. дор. подвезен был к Даркмену; 1-му арм. корпусу приказано было остаться около Гумбинен — Инстербург. Главный резерв крепости Кенигсберг был подтянут к Инстербургу. 1-я кав. дивизия держалась впереди левого крыла, 2-я ландв. бригада на фронте Тильзит — Мемель.

послан был на автомобиле к генералу Франсуа, чтобы лично передать последнему этот приказ.

По поводу самовольных действий генерала Франсуа невольно напрашивается сравнение с событиями, имевшими место в союзной австро-венгерской армии в битве под Львовом. Там генерал Брудерман также имел приказ приготовиться со своими войсками и выжидать, но в нападение перейти лишь тогда, когда получено будет распоряжение верховного командования. Вопреки ясно выраженному приказанию генерал Брудерман самовольно перешел в наступление и тем самым значительно посодействовал потере Львовского сражения. Не могу судить о том, можно ли было путем энергичного вмешательства верховного командования удержать Брудермана. В случае с генералом Франсуа все-таки удалось во-время вывести корпус из сферы огня.

Прекращенный, таким образом, бой при Сталюпенене являлся сам по себе полным успехом, одержанным 1-м арм. корпусом. Превосходные силы русских были отброшены, несколько тысяч было взято в плен. Тем не менее, в связи с общей обстановкой, это было ошибкой. 1-й арм. корпус, хотя и победоносный, понес все-таки потери в людях и снаряжении и, что всего важнее, растратил физические силы, которые следовало бы поберечь для главной битвы. Кроме того, совсем не в наших интересах было препятствовать продвижению вперед виленской армии. Напротив, чем скорее она подвигалась, тем легче нам удалось бы ее разбить, прежде чем подоспеет с юга варшавская армия.

Тем временем продолжалось планомерное развертывание армии на линии р. Ангерап.

Рано утром 19 августа сам командующий отправился в Даркемен для совещания с генералом Макензеном и затем отбыл со штабом в Норденбург.

В полдень 19 августа у командования создалось впечатление, что русские войска, наступавшие к северу от Ромин-

тенского леса, достаточно приблизились, и был дан приказ перейти в наступление [1]).

Согласно приказу, 8-я армия рано утром 20 августа вступила в бой. К концу дня вырисовалась такая картина: наше правое крыло, под начальством генерала Отто фон-Белова, разбило противника; также и левое крыло генерала Франсуа победоносно подвигалось вперед. Зато центр, предводимый генералом Макензеном, сначала потеснив русские части, наткнулся потом на хорошо оборудованную русскую полевую позицию. Войска Макензена, не выждав надлежащей артиллерийской подготовки, ринулись в бой, но, потерпев тяжелые потери, не могли продвинуться вперед. В три часа пополудни штаб корпуса сообщил, что корпус разбит и что положение серьезно. 3-я рез. дивизия (ген. фон Морген) была двинута из Летцена командующим армией лишь в полдень 20 августа, так как обстановка южнее Роминтенского леса была еще не выяснена. Таким образом с результатом вступления в дело этой дивизии можно было считаться не ранее утра 21 августа. Несмотря на неудачу корпуса Макензена, битва развивалась для 8-й армии благоприятно. Продолжая наступление, можно было надеяться достичь решительного успеха путем охвата обоих неприятельских флангов.

Около 7½ часов вечера я стоял с генерал-майором Грюнертом на пороге нашего рабочего кабинета в Норденбурге. Мы только что обсудили с ним благоприятные виды на продолжение битвы на следующий день, как поступило донесение от генерала Шольца о том, что варшавская

---

[1]) Наступление вели: 1-й резервный корпус, 17-й арм. корпус, 1-й арм. корпус, глав. резерв крепости Кенигсберг, 1-я кав. дивизия; 1-й арм. корпус должен был охватить неприятельское северное крыло, в то время как 3-я рез. дивизия с 6-й ландв. бригадой стояли наготове в Летцене для атаки во фланг левого неприятельского крыла.

армия силой от четырех до пяти арм. корпусов перешла передовыми отрядами германскую границу на фронте Сольдау — Ортельсбург.

Обращаясь к генералу Грюнерту, я сказал: «Боюсь, что нервы командующего и начальника штаба не выдержат при таком известии. Я бы охотно скрыл его. Мы бы тогда завтра закончили битву и лишь потом обратились бы против варшавской армии». Генерал Грюнерт ответил: «Неужели вы решились бы скрыть от начальника штаба столь важное известие?».

Конечно, Грюнерт понимал, что я это говорил не серьезно. В это время командующий армией вышел с начальником штаба из своих комнат, бывших рядом с нашим помещением; сразу же по выражению лиц их обоих я понял, что известие было получено также и ими.

Генерал Притвиц пригласил нас к себе.

«Господа, — сказал он, — вы ознакомились, как я вижу, с донесением и понимаете, что, если мы продолжим сражение, варшавская армия пройдет нам в тыл и отрежет от Вислы. Поэтому наша армия прекратит сражение и отойдет назад за Вислу».

Генерал Грюнерт пытался доложить наше общее мнение о создавшемся положении: «битва при Гумбиннене развивается благоприятно; в 2 — 3 дня мы могли бы покончить с виленской армией и тогда найти еще время обратиться против варшавской; пока же генерал Шольц должен держаться со своим корпусом один».

Генерал фон Притвиц коротко оборвал доклад генерала Грюнерта и заявил, что решение отойти за Вислу им принято окончательно; что за тактические командные решения отвечает только он сам с начальником штаба, а не обер-квартирмейстер и не старший офицер для поручений.

Со своей стороны граф Вальдерзее тут же приказал мне изготовить надлежащие распоряжения по отходу армии

за Вислу. Я ответил, что непосредственный отход я не считаю возможным и что поэтому прошу мне указать, как мыслит себе командующий такой отход.

Последовал обмен мнениями по вопросу о способе выполнения отхода. Я и генерал Грюнерт с циркулем в руках доказывали, что просто отход за Вислу фактически невозможен, что придется отойти с боем, так как левый русский фланг оказывается ближе к Висле, чем мы; что, следовательно, необходимо остановить наступление варшавской армии и что всего лучше это сделать атакой против левого крыла этой армии.

Генерал фон Притвиц, потерявший, как и граф Вальдерзее, на мгновение самообладание, согласился с необходимостью предложенной нами меры. Он, правда, остался при своем мнении насчет того, что битву с Ренненкампфом следует прекратить, но отказался от отхода за Вислу и согласился с нашим мнением о том, что нужно ударить по левому крылу варшавской армии. На основании этого видоизмененного решения даны были вечером 20 августа предварительные распоряжения, наметившие основные линии битвы при Танненберге. Таким образом предварительный план был уже создан тогда.

Приказано было: 20-й арм. корпус перевести направо и сосредоточить у Гогенштейна; 1-й арм. корпус и 3-ю рез. дивизию — по жел. дороге (первый из Инстербурга, вторую из Ангербурга) на правом фланге 20-го арм. корпуса; таким образом главный резерв крепости Кенигсберг прикрывает посадку 1-го арм. корпуса и потом отходит на укрепленную линию Прегель-Дейме; 1-й рез. корпус и 17-й арм. корпус отходят фронтом прямо на запад.

По прибытии 1-го арм. корпуса и 3-й рез. дивизии на правый фланг 20-го арм. корпуса наступление варшавской армии должно было быть парализовано ударом трех этих частей на левое ее крыло и во фланг. Если бы сверх того 1-й рез. и

17-й армейский корпуса удалось вывести из зоны соприкосновения с противником, при чем последний не стал бы наступать горячо вслед, то, по плану командующего, вся 8-я армия могла бы быть сосредоточена в районе Остероде, чтобы принять бой с обеими русскими армиями к востоку от Вислы.

Как и когда это произойдет, — путем ли наступательных действий против варшавской армии и оборонительных против Ренненкампфа, или вообще путем обороны против обеих, сейчас нельзя еще было предвидеть, потому что прежде всего это зависело от образа действий Ренненкампфа.

Я несколько задержался на этих подробностях, потому что считал себя обязанным, по отношению к памяти скончавшегося генерала Притвица, подчеркнуть, что основные предварительные распоряжения для битвы при Танненберге были даны им, тогда как общественное мнение знает лишь о его желании отвести 8-ю армию за Вислу; равным образом он же намечал тогда возможность перемещения 1-го рез. и 17-го арм. корпусов.

Для всякого даже не сведущего в военном деле человека должно быть ясно, что нельзя было в тот момент еще рассчитывать на использование обоих корпусов на южном фронте: никто же не мог предположить, что Ренненкампф, получив рано утром сообщение об отходе германских войск, останется спокойно и пассивно на месте. Напротив, следовало предположить, что он со всеми силами энергично бросится преследовать нас. Верховному командованию из телефонного разговора ген. Мольтке с ген. Притвицем стало известно лишь первое предположение об отходе за Вислу, но не изменение этого предположения. Верховное командование не одобрило этих действий и отозвало ген. Притвица и Вальдерзее.

На их место вступили: генерал-от-инфантерии фон Бенкендорф-Гинденбург и генерал-майор Людендорф.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

БИТВА ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ.

Было бы праздным делом разбираться в вопросе о том, удалось ли бы одержать победу под Танненбергом и без смены командования. Я думаю, что удалось бы, хотя и не с таким решительным успехом, так как прежнее командование не имело, что доказывается предыдущим опытом, необходимой для этого энергии. Трения с генералом Франсуа продолжались, и я не знаю, удалось ли бы прежнему командованию ликвидировать их так же скоро, как это удалось генералу Людендорфу, и было ли бы оно в силах в течение ближайших дней со спокойной твердостью отнестись к вопросу: «будет Ренненкампф наступать или нет?».

Отозвание произведено было в необычайно резкой форме. Корпусные и дивизионные командиры узнали о переменах в командовании раньше, чем оно само. Приказы верховного командования передавались непосредственно командирам, помимо штаба армии. Например, 1-му рез. и 17-му армейскому корпусам была разрешена дневка (относительно полезности этого мероприятия позволительно было весьма сомневаться).

Утром 21 августа штаб армии перешел в Бартенштейн, а 22 в Мюльгаузен (Вост. Пруссия). Из поступивших донесений видно было, что войскам неожиданно успешно удалось оторваться от виленской армии.

Полковник Хелль, начальник штаба 20-го арм. корпуса, сообщил, что соединение частей корпуса совершилось беспрепятственно в районе Гогенштейна, и получил приказ развернуть корпус на линии Гильгенбург—Лана. Левый фланг

корпуса беспокоил полк. Хелля, так как на подвоз частей по жел. дороге и сосредоточение стоящих в пограничном охранении войск потребовалось бы несколько дней. Поэтому он попросил направить 3-ю рез. дивизию не на правый фланг 20-го корпуса, как это было предположено штабом, а на левый, к Гогенштейну. Просьба эта командованием была удовлетворена.

Лишь 22 августа, во второй половине дня, штаб квартирмейстера армии узнал о перемене в командовании из телеграммы, полученной начальником военных сообщений, с извещением о времени прибытия нового командующего и нового начальника штаба; несколько часов спустя получен был и высочайший приказ, которым генералы Притвиц и Вальдерзее отчислялись в резерв чинов генерального штаба. С большим достоинством перенес генерал Притвиц постигший его удар судьбы и простился с нами, ни единым словом не жалуясь на свой удел.

22 августа вечером получена была телеграмма Людендорфа, сообщавшего, что он прибывает с новым командующим 23 в Мариенбург и что там он надеется встретить штаб армии. Отправляя это приказание, генерал Людендорф предполагал, что штаб-квартира уже находится к западу от Вислы, и решил перевести ее вперед, в Мариенбург; в действительности же он отводил нас назад, так как предположенный Притвицем отход не был приведен в исполнение.

Гинденбург и Людендорф прибыли 23 августа после полудня. Гинденбург, ставший позже кумиром германского народа, до тех пор за пределами прежнего своего корпуса был сравнительно мало известен. Сам я еще ни разу его не видал. Зато Людендорф был личностью известной и часто упоминаемой среди офицеров генерального штаба. В особенности привлекали внимание заботы Людендорфа об увеличении численности состава армии (лишь частью осуществившиеся в большой военной программе). Известно было

и то, как он побуждал военное министерство накоплять на случай мобилизации возможно большие запасы снаряжения.

Неоспоримо, что ему одному принадлежит заслуга первого военного успеха, взятия Льежа, — что было темой ежедневных разговоров в армии.

Когда началась война, генерал Людендорф был оберквартирмейстером 2-й армии генерала Бюлова и присоединился к одной из колонн, назначенных для штурма Льежа, именно к 14-й пехотной бригаде. Командир этой бригады, генерал фон Вуссов, пал, и Людендорф принял командование; лишь благодаря его энергии и решимости и удалось взять крепость, так как прочие колонны так или иначе потерпели неудачу.

Лично я хорошо знал Людендорфа. Мы одновременно были в штабе Познанского корпусного округа и с 1909 г. по 1913 г. жили в Берлине в одном доме и на одном и том же этаже.

Генерал Людендорф предложил мне сделать доклад о положении и одобрил принятые до сих пор штабом меры.

Сведения о продвижении русских подтверждали, что по меньшей мере пять армейских корпусов и около трех кавалерийских дивизий наступали на фронте Сольдау—Ортельсбург. Между нашими отходящими частями и армией Ренненкампфа образовался промежуток в 50 километров, причем Ренненкампф, по крайней мере пока, не пытался преследовать нас.

К концу дня 23 и утром 24 августа значительные части варшавской армии атаковали левофланговую 37-ю дивизию корпуса генерала Шольца. После ожесточенного боя они были отброшены с большими потерями.

В конце боя последовал один маленький и сам по себе незначительный эпизод, имевший, однако, громадное влияние на дальнейшее течение битвы при Танненберге. Выяснилось,

что позиция победоносной 37-й дивизии была выбрана неудачно, и что лучшая позиция находится позади. 24-го утром в Танненберг для совещания с генералом Шольцем прибыл штаб армии, и генерал просил разрешить ему отвести 37-ю дивизию, после отражения атаки, на более выгодную позицию. Командование дало на это свое согласие.

Добровольный отход 37-й дивизии оказался в результате счастливым шагом: он вызвал у русских уверенность в общем отступлении германских войск.

Генерал Самсонов дал своей армии приказ о преследовании. Русская радио-станция передала приказ в нешифрованном виде, и мы перехватили его. Это был первый из ряда бесчисленных других приказов, передававшихся у русских в первое время с невероятным легкомыслием, сначала без шифра, потом шифрованно. Такое легкомыслие очень облегчало нам ведение войны на востоке; иногда лишь благодаря ему и вообще возможно было вести операции. Шифрованные приказы не составляли для нас затруднений. В штабе у нас были двое, оказавшиеся гениями в области дешифрирования: всякий раз быстро удавалось найти ключ к новому русскому шифру.

Из приказа Самсонова было видно, что при наступлении русской армии 1-й арм. корпус, продвигавшийся на ее левом крыле через Сольдау, должен был выстроиться уступами глубоко влево для прикрытия со стороны Торна. Соответственно этому правофланговому 6-му арм. корпусу, продвигавшемуся через линию Ортельсбург—Менсгут, было поручено устроить прикрытие со стороны Летцена.

Тем временем армия генерала Ренненкампфа продолжала оставаться в своей непостижимой неподвижности. Его кавалерия медленно двигалась вперед, пехота чуть шевелилась. Поэтому наше командование повернуло 1-й рез. и 17-й арм. корпуса на юг, чтобы использовать их для развязки против Самсонова.

Решительный натиск назначен был штабом на 26 августа. По этому поводу возникли опять некоторые трения с генералом Франсуа. Генерал хотел выждать еще один день ввиду неприбытия части его колонн и потому, что ему хотелось вести атаку с охватом, другими словами, в направлении на Млаву. Штабу армии казалось, что времени для этого нет. Каждый день Ренненкампф мог придти в движение; к тому же охват нами левого крыла армии Самсонова у Млавы привел бы к разрыву и так уже тонкой линии 8-й армии.

Поэтому был отдан приказ прорвать неприятельскую линию при Уздау, — приказ, оказавшийся, как я думаю, решающим моментом в сражении при Танненберге.

26 августа 1-му арм. корпусу вместе с подчиненным ему отрядом Мюльмана (гарнизоны из привислинских крепостей числом около бригады) удалось занять лишь высоты около Зебена.

Правое крыло 20-го арм. корпуса, именно 41-я пех. дивизия, отбросило в тот же день противника под Мюлленом. На левом нашем крыле 1-й рез. корпус и 6-я ландв. бригада встретились к югу от Лаутерна с русским 6-м арм. корпусом, наступавшим через Ортельсбург на север, и опрокинули его.

27 августа 1-й арм. корпус вместе с отрядом Шметтова (из 20-го арм. корпуса) взял штурмом Уздау и отбросил русский 1-й арм. корпус к югу за Сольдау. 20-й арм. корпус вынужден был отбиваться от сильных русских атак.

1-й рез. и 17-й арм. корпуса преследовали через Ортельсбург на юг отходившего противника.

Русский 13-й арм. корпус беспрепятственно достиг в этот день Алленштейна. Тут мне хотелось бы упомянуть об одном маленьком эпизоде, показывающем, каким испытаниям подвергаются нервы у командиров даже в течение счастливо развивающихся военных действий.

Штаб армии до конца дня находился на одной небольшой высоте к югу от Гильгенбурга; оттуда он наблюдал за последовавшим в 11 ч. утра штурмом Уздау и затем возвратился в главную квартиру в Лебау. Поступавшие со всех сторон сведения были благоприятны; 1-й арм. корпус успешно продвигался вперед.

К нашему изумлению, в Лебау мы встретились с парками и обозами 1-го арм. корпуса, собиравшимися отходить назад и уже повернувшими на север. На мой изумленный вопрос начальник, некий ротмистр Шнейдер, об'яснил мне, что получен приказ готовиться к отступлению на север. Когда я вернулся в свою рабочую комнату, меня вызвали к телефону. Оказалось, что говорит со станции «Монтово» командир муниционных колонн и обоза 1-го арм. корпуса; он сообщил: «сейчас в Монтово прибыл 2-й батальон 4-го гренадерского полка в совершенно расстроенном виде. Командир батальона утверждает, что 1-й арм. корпус совершенно разбит, и что 20-й арм. корпус также отступает. Сам он со своим батальоном лишь быстрым отходом спасся от общей катастрофы. Поэтому обозам и паркам отдан был приказ на всякий случай приготовиться к отходу в направлении на север».

Я не сомневался в том, что это был один из частых случаев паники, но тем не менее возможно было, что после нашего от'езда с поля битвы 1-го арм. корпуса там последовала перемена к худшему.

Сначала я вызвал к телефону самого командира батальона и хорошенько распек его. Я приказал ему повернуть со своим батальоном назад и подвигаться так, пока он не встретит врага. Затем капитан Кеммерер, второй ад'ютант штаба армии, получивший впоследствии известность в качестве личного ад'ютанта фельдмаршала Гинденбурга, был послан на автомобиле с наказом: ехать, пока он не наткнется на русские или германские войска, на передовые линии.

Несмотря на это, ближайшие часы в ожидании возвращения Кеммерера с докладом были очень тягостны. Оказалось, что командир батальона, выдвинутого вперед для связи 1-го арм. корпуса с наступающим справа от последнего отрядом Мюльмана, получил некоторые частью неверные, частью преувеличенные сведения; ему показалось, что во фланг ему наступают большие русские силы, и это его взволновало.

28 августа 1-й арм. корпус вместе с 1-й дивизией и отрядом Мюльмана окончательно отбросил противника за Сольдау, в то время как 2-я дивизия с отрядом Шметтова уже наступала на Нейендорф для окружения русских. В середине битвы штаб армии отдал приказ к охватывающей атаке на Гогенштейн [1]).

Некоторое затруднение возникло из-за того, что атака 41-й пех. дивизии на Ваплиц была отбита русским 23-м корпусом. Однако продвижение 2-й пех. дивизии на Нейденбург быстро облегчило положение.

3-я рез. дивизия (генерал Морген), поддержанная дивизией фон-дер-Гольца, штурмом взяла Гогенштейн. Русский 15-й арм. корпус по радиотелеграфу обратился за помощью к 13-му арм. корпусу; последний немедленно двинулся по шоссе Алленштейн-Гризлинен. В результате его вмешательства ландв. дивизия фон-дер-Гольца временно попала в затруднительное положение, но зато 1-й рез. корпус смог ударить в тыл русского 13-го корпуса.

17-й арм. корпус загородил лесную и озерную местность с востока; генерал Франсуа, правильно оценив положение, продвинул свою 1-ю див. до Нейденбурга, а отряд Шметтова прошел до Вилленберга и завершил окружение с юга.

Участь армии генерала Самсонова была решена. Такого взгляда держался штаб армии к концу дня 29 августа,

[1]) 20-й арм. корпус и 1-я рез. дивизия — с запада; ландв. дивизия фон-дер-Гольца, подвезенная из Шлезвига и высаженная в Бисселен, — с севера; 1-й рез. корпус — с востока.

распорядившийся на 30-е число отправкой некоторых частей, которые казались уже ненужными для окончания боев, для новой битвы против Ренненкампфа. Но тут случилось одно обстоятельство, последствия которого легко могли стать очень неприятными для нас.

Утром 30-го числа штабом армии и генералом Франсуа было получено донесение летчика о том, что русский 1-й арм. корпус в усиленном составе наступает от Млавы на Нейденбург, и что в момент подачи донесения авангард корпуса находился всего в 6 километрах от стоящих под Нейденбургом войск генерала Франсуа.

Командовавший русским 1-м арм. корпусом генерал Артамонов принял правильное решение облегчить положение своей окруженной армии путем наступления на Нейденбург.

Штаб немедленно направил все свободные силы в Нейденбург для парирования этой угрозы [1]). Однако временно наш 1-й арм. корпус очутился без всякой поддержки и должен был постараться собственными силами выйти из затруднительного положения.

Энергичный генерал Франсуа оказался тут на своем месте. Он приказал отряду Мюльмана наступать на перерез линии движения русского корпуса, а все остальные войска, сколько их оказалось под рукой, он кинул фронтально навстречу неприятелю у Нейденбурга, не прерывая окружения на севере. После сравнительно легких боев попытка была отбита. Нельзя сказать теперь в точности, утратил ли командующий 1-ым русским арм. корпусом после тяжелых боев при Уздау волю к победе, или он опасался быть взятым во фланг со стороны Заберау, откуда четыре тяжелые батареи отряда Мюлена поддерживали весьма действительный огонь.

---

[1]) Ландв. див. фон-дер-Гольца, 3-я рез. див., отряд генерала фон Унгера и по 1-й див. 17-го и 20-го арм. корпусов.

Генерал Самсонов застрелился, когда убедился в окончательном поражении своей армии.

Напрашивается сам собой вопрос, почему Ренненкампф, несмотря на неоднократные просьбы Самсонова о помощи, не выступил. Наша военная мысль не удовлетворяется об'яснениями его бездеятельности вроде тех, что его армия в битве при Гумбиннене понесла очень тяжелые потери, — в некоторых частях до половины всего состава, — что полученные им сообщения говорили об отходе 8-й армии к Кенигсбергу, и что продвижение его армии в юго-западном направлении от Кенигсбергского укрепленного района подверглось бы фланговой угрозе. Всякое продвижение Ренненкампфа должно было предотвратить катастрофу под Танненбергом.

В связи с этим я хотел бы упомянуть об одном слухе, который все-таки нельзя игнорировать, а именно о том, что генерал Ренненкампф из личной вражды не пожелал подать Самсонову помощи. При этом надо, конечно, принять во внимание, что Ренненкампф не мог предвидеть всех последствий своего замысла и размеров поражения ген. Самсонова.

Мне известно, что между ними обоими существовала личная неприязнь, начало которой относится еще к битве под Ляояном [1]; тогда Самсонов со своими казаками оборонял Янтайские угольные копи, но, несмотря на выдающуюся доблесть Сибирской казачьей дивизии, должен был их оставить, так как Ренненкампф со своим отрядом оставался на левом фланге русских в бездействии, вопреки повторным приказаниям. Я слышал со слов свидетелей о резком столкновении между обоими командирами после Ляоянского сражения на Мукденском вокзале.

Вспоминаю, что еще во время сражения под Танненбергом мы говорили с генералом Людендорфом о конфликте

---

[1] Во время русско-японской войны, в августе 1904 г.
Прим. редакции.

между обоими неприятельскими генералами и о возможных психологических влияниях этого факта, и что тогда же я высказал по этому поводу мои предположения.

В один из последних дней Танненбергской битвы генерал Людендорф пригласил меня к своему телефону. С ним говорил полковник Таппен, начальник оперативного отдела штаба главнокомандующего.

Людендорф сказал мне: «Возьмите вторую трубку, чтобы вам слышно было, о чем говорит полковник Таппен, и что я ему отвечу».

Таппен сообщал, что для подкрепления 8-й армии назначены из западной армии три арм. корпуса и одна кав. дивизия, и запрашивал, куда следует направить эшелоны. Генерал Людендорф дал требуемые указания, однако подчеркнул, что нельзя сказать, что мы не можем обойтись без этих подкреплений. Если западному фронту почему-либо трудно, то пусть эти корпуса там останутся. Полковник Таппен заявил, что на западе можно обойтись без этих сил.

На следующий день повторилась примерно та же сцена. Я держал второй микрофон полевого телефона, полковник Таппен телефонировал и сказал, что отправлены только 11-й и гвардейский рез. корпуса с 8-й кав. дивизией, а упоминавшийся вчера 5-й арм. корпус остается на западе. Генерал Людендорф вновь подтвердил, что эти корпуса для происходящего сражения прибудут слишком поздно, и что против Ренненкампфа мы в крайности управимся одни. Поэтому, если эти корпуса могут пригодиться для скорейшей развязки на западе, пусть штаб главкома о востоке не беспокоится.

Я бы хотел особенно подчеркнуть эти два разговора, в противовес многочисленным утверждениям о том, что штаб главнокомандующего будто бы только в ответ на просьбы и настояния с востока согласился на «роковую уступку» тех двух корпусов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

У МАЗУРСКИХ ОЗЕР.

Армия Самсонова была ликвидирована. Из пяти ее корпусов три с половиной были перебиты или взяты в плен, а остальные полтора, примерно, корпуса должны были быть отведены в район Варшавы для пополнения. Руки наши были свободны для действий против Ренненкампфа.

Развертывание против Ренненкампфа закончено было 5 сентября [1]). К этому времени его армия правым крылом выдвинулась на линию р. Дейме (около двух дивизий); три, примерно, корпуса тянулись через Гердауен-Дренкфурт до озера Мауер, а более слабые части ее левого крыла находились восточнее Летцена с отдельными отрядами у Ариса и Иоганнисбурга.

Русская армия использовала время для создания сильных полевых укреплений.

К армии Ренненкампфа принадлежали еще четыре резервных дивизии, относительно расположения которых мне ничего не было известно. Кроме того, на ее левом крыле только что появился финляндский армейский корпус.

---

[1]) Были расположены: 3-я рез. дивизия (Морген) у Фридрихсгофа; 1-й арм. корпус (Франсуа) восточнее Ортельсбурга на шоссе на Иоганнисбург и Николайкен; 17-й арм. корпус (Макензен) у Менсгута; 20-й арм. корпус (Шольц) у Вартенбурга; 11-й арм. корпус (Плюсков) у Зеебурга; 1-й рез. корпус (Белов) с 6-й ландв. бригадой у Гейльсбурга; гвард. рез. корпус (Гальвиц) у Прейсиш — Эйлау; штаб армии в Алленштейне; ландв. див. Гольца и 70-я ландв. бригада прикрывали со стороны Млавы и Мышинца правый фланг.

Из захваченных при Танненберге документов штаб армии получил сведения о так называемом «гродненском резерве». В его состав должен был войти, кроме 22-го финляндского арм. корпуса, еще и 3-й сибирский, но с ним можно было пока не считаться, так как эшелоны из Восточной Сибири в это время не могли еще прибыть на место.

В штабе армии решено было вести атаку по всему фронту. Четыре корпуса (ген. Шольц, Плюсков, Белов и Гальвиц) должны были атаковать фронтально, в то время как Морген, Франсуа и Макензен должны были решить исход сражения, наступая в обход южнее и через Мазурские озера.

1-я и 8-я кав. дивизии должны были направиться на правый фланг через Летцен, чтобы там в зависимости от исхода сражения в решительный момент можно было их использовать для преследования отступающего неприятеля.

Фронтальный натиск не был успешным, зато обходное движение генерала Франсуа привело к развязке. В ряде сражений, 7-го сентября при Иоганнисбурге, 8-го при Арисе, 9-го севернее Видминнена, он отбросил русские войска, доставил 17-му арм. корпусу Макензена выход из Летцена и, нажимая обходным движением на южное крыло Ренненкампфа, заставил русских отступать. На четвертый день сражения получено было донесение летчика, что, повидимому, главные русские позиции почти или даже совсем не заняты. На следующий за этим день штаб армии получил точные данные о намерении Ренненкампфа выйти из боя; повидимому, он еще накануне дал приказ отходить по всей линии. Хотя таким образом у нас отнята была надежда нанести Ренненкампфу сокрушающий удар, тем не менее я погрешил бы против истины, если бы сказал, что нам неприятно было известие об отходе Ренненкампфа.

Фронтальная атака на прекрасно укрепленную русскую позицию была бы очень трудна. Думаю, что мы не имели бы успеха. Задачей Ренненкампфа было бы единственно от-

ражение охвата его левого фланга со стороны трех дивизий генералов Моргена и Франсуа. Для этого он располагал по меньшей мере финляндским корпусом и шестью дивизиями своего резерва. Противодействие обходу он с легкостью мог бы оказать путем наступательных действий. Если бы наша армия даже и не потерпела бы поражения, то все-таки она не освободилась бы для следующей своей задачи, т.-е. для выступления в южной Польше на поддержку австрийцам.

По получении известия об отступлении русских штаб армии отдал приказ к преследованию. Корпуса были направлены так:

1-й арм. корпус мимо Роминтенской пущи к юго-востоку на Мариамполь;

17-й арм. корпус севернее Роминтенской пущи на Выштынец;

20-й арм. корпус через Даркемен, Валтеркемен на Пилюпенен;

11-й арм. корпус севернее Даркемена мимо Гумбиннена на Сталюпенен;

1-й рез. корпус через Инстербург на Пилькаллен;

Гвард. рез. корпус от Алленбурга на Грос-Ауловенен;

Главн. резерв креп. Кенигсберг на Тильзит;

1-я и 8-я кав. дивизии должны были проникнуть впереди 1-го арм. корпуса до шоссе Вирбален-Ковно.

Приказ выполнен был лишь частично. Утром 11 сентября штаб армии получил донесение командира 11-го корпуса сообщавшего, что корпус атакован превосходными силами. Об этой атаке штаб армии уже знал из русской радиотелеграммы. Но в данном случае имелось в действительности лишь наступление трех полков одной из русских резервных дивизий. Хотя штаб армии и указал на это командиру корпуса, тем не менее последний продолжал настаивать на точности своего сообщения.

Конечно, нельзя было просто отрицать возможность того, что Ренненкампф не попытается сильным наступательным маневром высвободиться и таким образом затруднить 8-й армии преследование. Поэтому штаб армии согласился, чтобы 17-й и 1-й арм. корпуса повернули на поддержку 11-го корпуса. Отсюда получилась совершенно излишняя заминка в преследовании, и, несмотря на все усилия штаба армии, эту потерю времени не удалось потом наверстать.

14 сентября последовал сильный арьергардный бой при Вильковишках. Несмотря на проявленное русскими при отступлении умение, несмотря на то, что они ни с чем не считались, отправляя свои обозные колонны прямо одну за другой вдоль шоссе, все-таки при отступлении создались пробки, особенно при проходе через Сталюпенен. Арьергард принесен был в жертву при Вильковишках, потому что нужно была дать время для спасения главной отступающей массы войск. В достигнутом крупном успехе главная заслуга выпадает на долю корпуса Франсуа и особенно резервной дивизии Моргена, охранявшей во время наступления генерала Франсуа правый фланг и отбросившей в многократных атаках финляндский корпус.

Помимо освобождения Восточной Пруссии, эта битва дала уверенность в том, что и армия Ренненкампфа на долгое время выведена из строя. Ее потери в людях и снаряжении были очень велики. Ей потребовались бы недели, чтобы привести себя в порядок за оборонительной линией Немана и его крепостей. Окончательного поражения Ренненкампф, правда, не потерпел, и, по моему мнению, и не удалось бы ему нанести такового. Двойной охват при данном соотношении сил и характере местности был невозможен. Конечно, следовало бы несколько более бережливо рассчитать силы для фронтального удара, но если бы оба вновь прибывшие корпуса были пущены в дело на реке Дейме, — как это теперь говорит в своей книге генерал Франсуа, — то

фронт был бы недостаточно прочен при двух корпусах на 50 километров. Всякий переход в наступление русских мог бы иметь самые роковые последствия, так как о русских резервных дивизиях, равно как и о вновь прибывших тем временем боеспособных силах, мы в точности совершенно ничего не знали. С другой стороны, наступление тех двух корпусов через излучину реки Дейме должно было встретиться с значительными трудностями.

Если бы это наступление все-таки удалось, то Ренненкампф, наверное, начал бы свое отступление днем раньше, при чем атака тех двух корпусов не могла бы ему в этом воспрепятствовать.

Но зато можно, конечно, говорить о том, не полезнее ли было бы направить один корпус для усиления обходного движения правого крыла.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НА ПОМОЩЬ АВСТРИЙЦАМ В ПОЛЬШЕ.

В то время как наша армия сражалась под Танненбергом и у Мазурских озер, дела на западном театре войны и у союзной австрийской армии приняли дурной оборот.

На западном фронте, после первоначального победоносного наступления германских армий, генералом Бюловым [1]) принято было 9 сентября роковое решение отступить.

О событиях на западе мы знали только по слухам; слышно было, что там имела место неудача, и что германское наступление задержалось. О причинах штабу нашей армии ничего в точности не сообщалось.

Зато более точные известия дошли до нас о неудачных боях австрийцев в районе Львова и об их отступлении за Сан к Кракову.

Требовалось подать союзнику помощь, на которую он имел право рассчитывать в силу соглашений, заключенных до войны начальниками австрийского и германского генеральных штабов. Поэтому верховное командование приказало выделить два корпуса и отправить их в Силезию. Они должны были стать ядром новой армии, командующим которой на-

[1]) Командующий 2-й германской армией. Решение отступить с Марны, принятое им совместно с присланным для связи в штаб 2-й армии из германской ставки подполковником Хентшем, повело к отходу 1-й армии генерала Клука справа и 3-й армии генерала Гаузена слева (9/IX 1914). Прим. перев.

значен был генерал фон Шуберт, а начальником штаба — генерал Людендорф.

Генерал Людендорф отправился в Силезию, переговорил непосредственно с австрийским верховным командованием и установил, что выделить два корпуса на помощь союзнику, потерпевшему гораздо более сильное поражение, чем это предполагалось, — недостаточно, что требуются мероприятия гораздо более энергичные: Людендорф предложил использовать для этой цели главные силы 8-й армии под предводительством Гинденбурга.

Предложение генерала Людендорфа было принято. Была сформирована 9-я армия [1]) с генералом Гинденбургом и генералом Людендорфом во главе. Часть штаба 8-й армии, в том числе и я, перешла в 9-ю армию. Генерал Шуберт принял командование прочими силами 8-й армии, оставленными для защиты Восточной Пруссии [2]).

Задача оставшейся в Восточной Пруссии армии могла быть, конечно, только оборонительной. Было желательно, чтобы она возможно дольше продержалась впереди германской границы на линии Сувалки—Вильковишки, достигнутой после битвы при Мазурских озерах. Последним приказом старого штаба, переданным лично мной генералу Франсуа в Вильковишки, было: немедленное создание прочно укрепленной позиции впереди германской границы.

В то время генерал Франсуа не очень дорожил укрепленными позициями. Он думал, что приказание удерживать русских от вторжения в Вост. Пруссию легче выполнить путем отдельных наступательных ударов. Приказ об укре-

---

[1]) В составе гвард. рез. корпуса, 11-го, 17-го и 20-го арм. корпусов и главн. резервов крепостей Торн и Позен, каждый силой примерно в одну дивизию.

[2]) 1-й арм. корпус, 3-я рез. дивизия, ландв. дивизия Гольца, главн. резерв крепости Кенигсберг, 1-я кавал. дивизия и несколько ландв. бригад.

плении вышеназванной позиции не был выполнен; продолжены были только работы по укреплению раньше начатой позиции по реке Ангерап.

Относительно использования 9-й армии существовало несколько мнений. Штаб армии намечал сначала наступление из Вост. Пруссии через Сельце. Затем обсуждалось еще наступление от Торна на Варшаву, левым крылом вдоль Вислы.

Удара со стороны Сельце генерал Конрад фон Гецендорф не раз требовал в самом начале войны. Этот вопрос играл роль и в переписке между Мольтке и Гецендорфом перед войной. Генерал Гецендорф много раз указывал на него, как на вернейшее средство для поддержки австрийского наступления. Но теперь время было упущено: состояние австрийских войск требовало непосредственной помощи, прямой поддержки «плечом к плечу». Поэтому 9-я армия получила от верховного командования приказ развернуться около самого Кракова, к северу от него. Штаб армии переведен был в Бейтен.

18 сентября генерал Людендорф отправился в австрийскую главную квартиру в Новый Сандец на совещание с главнокомандующим эрцгерцогом Фридрихом и начальником штаба генералом Гецендорфом о предположенной операции. Положение союзной армии произвело на него дурное впечатление. Очевидно, австрийцы понесли в Львовской битве и во время отступления колоссальные потери,— иначе генерал Людендорф не мог себе об'яснить тот факт, что главная масса австрийской армии, почти 40 дивизий, нашла для себя достаточно места на западном берегу Вислоки между Карпатами и Вислой. Большая часть молодых кадровых офицеров и немногих сверхсрочных унтер-офицеров погибла. Это была невозместимая потеря. В течение всей войны армия не могла от нее оправиться.

Из рассказов генерала Людендорфа о ходе совещания у меня сложилось убеждение, что в общем удалось достигнуть единства в вопросе о скором возобновлении наступления. Решено было усилить 9-ю армию ландверным корпусом Войрша, ранее и так уже ей подчиненным, и 1-й австр. армией Данкля, которой предстояло возможно скорее перейти на северный берег Вислы.

В книге К. Ф. Новака, «Путь к катастрофе», написанной на основании сообщений генерала Гецендорфа, оспаривается достижение такого единства. Генерал Гецендорф будто бы придерживался мнения о необходимости сначала организовать и укрепить общий фронт, а затем постепенно перейти с этого фронта в наступление.

Как я ни уважаю высокие дарования и выдающиеся военные способности генерала Гецендорфа, все-таки я с таким мнением не могу согласиться. Русские преследовали австрийцев до реки Сана со всеми своими силами. Обложив Перемышль и перейдя Сан, русские вели преследование более слабыми силами. Следовало, однако, думать, что для австрийцев это было лишь временным облегчением, вызванным затруднениями в подвозе пополнений у русских.

С помощью надо было поспешить и возможно скорее высвободить австрийскую армию из сжатого положения между Карпатами и Вислой. С этой целью 9-я армия должна была отвлечь на себя возможно большие силы из русских армий, преследовавших австрийцев. Этого можно было достичь только решительными действиями, только при помощи наступления на Вислу. В это время в варшавском генерал-губернаторстве — по крайней мере в районе действий 9-й армии — стояло лишь несколько кавалерийских и казачьих дивизий. В том, что 9-я армия недостаточно сильна для нанесения стоящим против австрийцев русским войскам решительного поражения, штаб армии ни минуты не сомневался.

27 сентября 9-я армия готова была к выступлению [1]). 29-го началось наступление на линию Опатов—Островец—Илжа—Радом—Томашов—Колюшки. Противник не оказывал сначала сопротивления. Мелкие кавалерийские части и казачьи сотни отходили перед нами. О главных русских силах имелись пока лишь сведения из нескольких перехваченных русских радиотелеграмм, сообщавших о перемещении трех русских корпусов [2]). Однако, судя по времени, это перемещение нельзя было ставить в связь с нашим теперешним наступлением. Мы полагали, что в результате поражения в Восточной Пруссии эти корпуса предназначались для поддержки армии Ренненкампфа.

Узнав о наступлении 9-й армии, русский верховный главнокомандующий, в. к. Николай Николаевич, приступил к выполнению широко задуманного плана. Из сражавшихся против австрийцев армий он взял около 14 корпусов и перекинул их частью по жел. дороге, частью походным порядком позади Вислы к северу. Меньшая часть этих сил должна была перейти Вислу и сковать германскую армию фронтальной атакой. Прочие силы, поддержанные только что прибывшими в это время в Варшаву сибирскими корпусами, должны были перейти в наступление с линии Варшава—Новогеоргиевск в обход фланга нашей армии.

План был хорош. Великий князь правильно понял, что ему следует прежде всего совершенно устранить 9-ю армию,

---

[1]) Исходное положение: 11-й арм. корпус севернее Кракова; гвард. резервн., 20-й арм. и 17-й арм. корпуса и 35-я рез. див. (главн. резерв крепости Торн) между Каттовицами и Крейцбургом; 18-я ландв. дивизия (главн. резерв крепости Познань) и 8-я кав. дивизия между Кемпеном и Калишем; 35-я рез., 18-я ландв. и 8-я кав. дивизии были сведены в один корпус под начальством баварского генерала Фроммеля.

[2]) В это время по директиве ставки 9/22 сентября в район Ивангорода — Варшавы перемещалась 4-я армия ген. Эверта в составе трех корпусов и одной каз. дивизии. Прим. перев.

чтобы потом уже окончательно разделаться с австрийцами. Сначала, конечно, мы ничего не знали о его плане, но радиостанции отдельных русских корпусов продолжали сообщать каждая свою сводку, из которых видно было, что значительные русские силы передвигаются позади Вислы на север.

Осуществление плана великого князя вначале имело для австрийцев хорошее последствие: они получили возможность вновь перейти в наступление, успешно продвинулись вперед, достигли 9-го числа Сана и вступили в Перемышль.

Мы, с своей стороны, уже 4 сентября имели под Опатовым стычку с двумя русскими стрелковыми бригадами, выдвинутыми в качестве авангарда русского гвардейского корпуса на левый берег Вислы. Наш гвардейский резервный корпус легко мог бы, пройдя дальше к востоку, отрезать обе эти бригады. Однако он преждевременно увлекся возможностью охвата северного неприятельского крыла, под угрозой чего обе бригады поспешно бросились отступать. Макензен также имел под Радомом столкновение с двумя казачьими дивизиями.

Тем временем штаб армии убедился, что русские сняли с австрийского фронта очень крупные силы для действий против 9-й армии. Размеры задуманной в. к. Николаем Николаевичем операции еще не могли быть, конечно, нами разгаданы. Судя по слабому сопротивлению, встреченному до сих пор австрийцами, представлялось, однако, вероятным, что при энергичном дальнейшем наступлении им удастся нанести русским сильный удар, пока 9-я армия будет сдерживать сосредоточенные против нее на Висле русские силы. Поэтому необходимо было выяснить положение под Варшавой и одновременно не дать русским возможности перейти через Вислу между Сандомиром и Варшавой в еще больших силах.

9-я армия вынуждена была при дальнейшем продвижении значительно податься к северу и весьма растянуть как свой фронт, так и фронт подчиненной ей 1-й австр. армии, чтобы заполнить пространство от устья Сана до Варшавы. Генерал Макензен с подчиненным ему корпусом генерала Фроммеля получил приказ наступать на север от Радома, прямо на Варшаву.

В то время мы еще не имели, насколько я помню, никаких известий о выгрузке в Варшаве сибирских корпусов, хотя Людендорф в своих мемуарах и говорит, что такие известия были. Напротив, по слухам выходило, что в Варшаве лежат лишь 60 тыс. чел. больных и раненых в боях в Вост. Пруссии.

На правом фланге армии против Аннополя назначена была действовать 38-я дивизия 11-го арм. корпуса для придания армииДанкля бо̀льшей твердости и для перехода потом Вислы у Аннополя в случае, если бы австрийцам удалось в их наступлении форсировать Сан и двинуться дальше.

Тем временем другой русский авангард перешел реку у Ново-Александрии, но был нами атакован и отброшен.

20-й германский корпус одной из своих бригад натолкнулся на переправившегося севернее Ивангорода, около Козениц, неприятеля. Командир бригады переоценил численность переправившихся уже частей. Он упустил момент для атаки, а тем временем русским удалось, — это были части кавказского корпуса, — закрепиться на левом берегу Вислы и навести мост. Несмотря на все наши усилия, неприятеля, дравшегося с выдающейся храбростью, потом не удалось отбросить оттуда.

Корпус генерала Макензена, наступавший на Варшаву, встретился с неприятелем под Гройцем и, как это потом оказалось, именно с сибирскими стрелками. Корпус отбросил их в жаркой схватке и, преследуя, подошел 12-го числа с юга к самой Варшаве.

После боя под Гройцем на теле убитого русского офицера был найден приказ со схемой, из которого пред нами раскрылся весь русский план.

Тем временем Макензен самым энергичным образом был атакован под Варшавой сибирскими корпусами. Атаки эти им были отбиты. К югу от Варшавы противник вновь пытался перейти Вислу у Кальварии. Он был отброшен 37-й дивизией 20-го арм. корпуса. Южнее 37-й дивизии, около устья речки Пилицы, стояла другая дивизия 20-го арм. корпуса, подкрепленная одной австрийской кав. дивизией. К ней примыкал гвард. рез. корпус в усиленном составе, фронтом против Козениц и Ивангорода.

Как выше было сказано, оттеснить у Козениц 3-й кавказский корпус на другой берег не удалось. Погода в те дни стояла ужасная. Дождь шел беспрерывно, окапываться на заболоченной и залитой водой низине Вислы было невозможно. Хоботы лафетов русских пушек буквально стояли в Висле, но кавказцы, раз уцепившись за левый берег, так и не выпустили его; напротив, все новыми атаками старались распространиться. Последнее им, впрочем, не удалось, и все их атаки были отражены с тяжелыми потерями.

Южнее гвард. рез. корпуса стоял ландв. корпус генерала Войрша против переправ у Ново-Александрии и Казимержа. У Казимержа русские также пытались перейти Вислу, однако ландв. корпус этому легко воспрепятствовал. Дальше к югу от ландв. корпуса стояли главные силы 11-го арм. корпуса.

Таким образом, если не считать переправы у Козениц, нам удалось помешать русским перейти Вислу; ее течение от устья Сана до Кальварии было прочно занято 9-й армией, и положение ее на этом участке в общем было обеспечено. Однако надо было вскоре ожидать, что русские подвезут новые подкрепления и возьмут во фланг группу войск Макензена со стороны Новогеоргиевска, в юго-зап. направлении, и

смогут, таким образом, отбросить назад весь фронт 9-й армии. Это, собственно, и было предусмотрено планом в. к. Николая Николаевича. Следовательно, необходимо было дать подкрепления армии генерала Макензена, чтобы он мог держаться, пока австрийская армия не перейдет через Сан и не достигнет успеха, на который рассчитывал еще генерал Гецендорф.

В качестве подкрепления могла служить 1-я австр. армияДанкля. Ее можно было использовать двояко: или перевести позади нашего фронта на север и подчинить Макензену, или расположить на Висле, чтобы освободить таким образом германские войска для переброски к генералу Макензену. Ввиду спешности наше командование высказалось за первый вариант. Но генерал Данкль, прибывший в Радом в штаб 9-й армии с своим начальником оперативного отдела, подполк. Вальдштеттеном, заявил, что ему строго приказано действовать только к югу от р. Пилицы. Почему это было так, никто у нас в штабе армии понять не мог. По телеграфу обращена была к австр. главному командованию и через кайзера непосредственно к имп. Францу-Иосифу просьба об отмене этого приказания и о подчинении армии Данкля командованию 9-й армии. Однако все наши старания остались безуспешны, — имп. Франц-Иосиф не пожелал лично вмешаться.

Со своей стороны, генерал Данкль предложил нашему командованию снять германские войска с участка перед Ивангородом, при условии, что сам он со своей 1-й армией станет к югу от Ивангорода фронтом на север. После этого русские, наверное, станут наступать от Ивангорода, 1-я австр. армия атакует их и нанесет им поражение. Таким образом 9-я армия сможет перекинуть часть своих сил из-под Ивангорода к генералу Макензену; кроме того, генерал Данкль обещал добиться от своего главного командования разрешения использовать часть своей армии, после ожидае-

мой неудачи русской вылазки из Ивангорода, также и к северу от Пилицы.

Пока генерал Данкль с генералами Гинденбургом и Людендорфом обсуждали операцию, я обменялся мнениями с подполковником Вальдштеттеном. Я обратил его внимание на то, что австрийский план вдвойне ошибочен: во-первых, не доказано, что русские так прямо и перейдут в наступление, лишь только мы уведем наши войска от Ивангорода; может оказаться, что 1-й австр. армии нечего будет делать, а тем временем Макензен на севере, охваченный с фланга, вынужден будет отступать. Во-вторых, — и это еще более опасно, — русским, может быть, удастся перейти Вислу с крупными силами, и тогда 1-я австр. армия не только не будет иметь успеха, но, напротив, сама может быть разбита.

К сожалению, мои опасения в этой части сбылись.

Тем временем опасность охвата с фланга для группы войск Макензена возрастала. Части 1-й австр. армии лишь очень медленно прибывали на смену германских войск на Висле, и штаб 9-й армии вынужден был принять решение отвести левое крыло назад, на линию Скерневицы—Лович. Ландв. корпус переброшен был в район Новомясто. После этого стало возможно собрать южнее Пилицы 20-й, 11-й и гвард. рез. корпуса. На новых позициях группа генерала Макензена и ландв. корпус должны были встретить натиск наступавших от Варшавы русских, в то время как названные три корпуса нанесли бы решительный удар на север. Это могло удаться при условии, что положение в тылу этих трех корпусов было бы обеспечено; другими словами, если бы, с одной стороны, австрийские войска, сменившие 11-й арм. и ландв. корпуса, отстояли бы переправы через Вислу, а с другой стороны, главные силы 1-й австр. армии, находившиеся уже под Ивангородом, оказались бы в состоянии разбить наступавших оттуда русских.

В результате отхода опасность для левого крыла войск Макензена, конечно, не исчезла, так как у русских достаточно было сил для охвата при одновременной фронтальной атаке. Приходилось с этой опасностью мириться, пока существовала еще надежда на то, что австрийским армиям удастся разбить русских на Сане.

Однако надежда эта становилась все слабее. Австрийцам не удалось перейти Сана, напротив, в ночь с 17-го на 18-е число русские, с своей стороны, форсировали Сан на фронте 4-й австр. армии.

В ночь с 18-го на 19-е число начал свое отступление Макензен. Отход на новые позиции совершился сравнительно без больших потерь в людях и снаряжении.

25-го и 26-го числа группа войск генерала Макензена, 37-я дивизия и ландв. корпус подверглись яростной атаке на линии Новомясто—Ловичъ. Атаки были отбиты, однако левый фланг генерала Макензена пришлось отогнуть назад. Равным образом командование вынуждено было отвести на южный берег Пилицы сражавшуюся под Новомястом 37-ю дивизию, так как положение ее на северном берегу вздувшейся от дождей реки с единственным в тылу мостом, обстреливаемым русской артиллерией, внушало опасения.

Именно теперь настал момент выполнить наступление в северном направлении войсками, стоявшими к югу от Пилицы. Однако главное условие для этого — безопасность тыла этих войск — отсутствовало. Наступала высказанная мною в разговоре с подполковником Вальдштеттеном вторая возможность: русские большими силами тронулись вперед с позиции у Козениц и Ивангорода, — австрийцы атаковали, но потерпели поражение.

При первых же известиях о заминке в продвижении 1-й австр. армии наш штаб дал приказ гвард. рез. корпусу вновь повести атаку у Козениц для поддержки левого крыла 1-й австр. армии.

27-го числа в 1 ч. пополудни ко мне позвонил по телефону один офицер нашей службы связи, оставшийся в Радоме с частью телефонного отделения после переезда штаба в Конск. Он доложил: «я сейчас подслушал приказ по австрийской армии, переданный по этой линии; думаю, что он вас заинтересует. 1-я австр. армия должна немедленно начать отступление, но это не должно быть сообщено гвард. рез. корпусу раньше 6 час. вечера».

Я, понятно, вышел из себя и, позвонив подполковнику Вальдштеттену, высказался откровенно. Мне удалось добиться того, что, по крайней мере, левофланговая дивизия 1-й австр. армии была задержана до тех пор, пока нам не удалось с наступлением темноты вывести из сражения гвард. рез. корпус, — сражения, начатого для поддержки 1-й австр. армии и благоприятно развивавшегося.

В то же время 11-й корпус отправлен был для поддержки генерала Макензена к левому флангу, в район севернее Лодзи.

После неудачи австрийских войск под Ивангородом все положение сделалось непрочным. Надо было считаться с тем, что отступление захватит и стоящие далее к югу части 1-й австр. армии, и что вследствие этого германская 9-я армия совершенно повиснет в воздухе. Необходимо было поэтому отвести 9-ю армию назад и притом на значительное расстояние, чтобы вновь получить необходимую свободу действий.

Австрийские и частью германские писатели утверждали, будто отход 1-й австр. армии вызван был поражением под Варшавой 9-й германской армии, вынужденной в свою очередь к отходу. Утверждение это, как доказано выше, неправильно.

Причина неуспеха нашего наступления лежит в том, что сражавшимся южнее Вислы австр. армиям не удалось перейти через Сан и нанести поражение русским, ослабленным

необходимой переброской крупных сил для действий против 9-й армии.

Теперь 9-й армии необходимо было так выйти из соприкосновения с русскими, чтобы они не могли ее быстро преследовать.

Как было сказано выше, штаб армии в начале наступления сознавал, что сил 9-й армии нехватит для достижения решительного успеха, если русские обратятся против нее с превосходными силами. Уже во время наступления были поэтому сделаны приготовления для приведения в негодность ж.-д. и шоссейных путей, на случай если бы 9-я армия потерпела неудачу и выпуждена была бы отступить.

Теперь эти предусмотренные разрушения были выполнены при отступлении самым энергичным образом.

Само по себе отступление, начатое 27-го числа, протекало в полном порядке и без малейших трудностей [1].

Русские энергично повели преследование на всем фронте. Они перешли в наступление также и в Вост. Пруссии и в районе Млавы против наших охранявших границу частей. Положение на всем восточном театре войны становилось серьезным.

Я был согласен с мнением интенданта нашей армии, высокоталантливого д-ра Кебера, который говорил, что продвижение любой германской армии должно было бы при-

---

[1] Гвард. рез., 20-й арм. ландв. корпуса отходили на линию севернее Кракова — севернее Ченстохова; 17-й арм. и корпус Фроммеля в район Велюня; 11-й арм. к юго-западу от Серадзя. На левом крыле сосредоточились: 8-я кав. дивизия, подчиненная нам, 7-я австр. кав. дивизия и подвезенная с запада 5-я кав. дивизия. Генерал фон Фроммель вступил в командование этими тремя кав. дивизиями, а его корпус принял генерал гр. Бредов, командовавший 18-й ландв. дивизией.

Отступление австр. войск шло, главн. образом, по обе стороны Вислы в направлении на Краков. Мелкие части отходили за Карпаты.

остановиться, лишь только она отошла бы на 100 километров от линии жел. дорог. Принимая во внимание, с одной стороны, большую непритязательность русских, а с другой — беспощадное использовывание ими конского состава, мы накинули еще 20 километров и пришли к выводу, что, при условии основательного разрушения жел.-дор. путей, продвижение преследующего нас неприятеля неизбежно должно будет на время остановиться еще на русской территории, восточнее германской границы. В результате получилась бы остановка на целый ряд дней. Время, которое 9-я армия получила бы таким образом в свое распоряжение для начала новой операции, должно было бы быть использовано.

Постепенно в штабе армии сложилось убеждение, что такая операция могла состоять в том, чтобы перекинуть одновременно по жел. дороге и походным порядком боеспособные части 1-й армии в район южнее Торна, усилить их войсками из Вост. Пруссии или западного фронта и ударить вдоль Вислы по правому флангу русских войск, продолжавших преследование 9-й армии по направлению на Силезию.

Рельсовые и шоссейные пути удалось основательно разрушить. Главная заслуга в этом принадлежит осмотрительному и энергичному офицеру баварского генерального штаба, капитану Шперру, которого генерал Людендорф наделил полномочиями для выполнения этой задачи.

В конце октября генерал Людендорф вызван был генералом Фалькенгайном на совещание в Берлин, и тут лишь командование нашей армии осведомилось более подробным образом о событиях на западном театре войны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПЕРВОЕ УПУЩЕНИЕ.

Первоначальному операционному плану графа Шлиффена не суждено было осуществиться. Шлиффен предполагал совершенно ослабить левое крыло германского боевого порядка, а в случае французской атаки оттянуть это крыло на линию Мец — Страсбург и на укрепленные позиции верхнего Рейна.

Изменил ли граф Шлиффен впоследствии сам как-либо свой план, внесены ли были изменения при его преемнике, и притом, когда, — этого я не знаю. Об этом могли бы дать сведения только генералы Штейн и Людендорф, бывшие в свое время начальниками отделения, ведавшего сосредоточением и развертыванием войск.

Можно во всяком случае установить, что усиление левого германского крыла предпринято было по следующим соображениям. В начале наступления скопление крупных сил на правом германском крыле должно было наткнуться на затруднения. Если не затрогивать нейтралитета Голландии, то было бы затруднительно двигать вперед несколько армий одну за другой. Лишь после захвата Льежа и расширения плацдарма в Бельгии можно бы было во второй и третьей линии пустить вперед эшелонированные армии. Если бы, таким образом, решено было с самого начала позади правого крыла продвигать уступами еще две армии, то могло оказаться, что эти войска остались бы в бездействии в первые дни похода. Отсюда легко можно было притти к решению направить сначала часть предназначенных

для правого крыла войск на левое (также и по соображениям равномерного использования всех жел.-дор. линий).

Можно было предполагать, что французы в первые дни войны сделают попытку ворваться в подлежащие освобождению провинции Эльзас и Лотарингию. Первоначальный при этом успех, несомненно, очень бы поднял настроение во Франции и французском войске. Если бы этому можно было помешать, не спутывая собственных наступательных планов и развертывания войск, то попытка в этом направлении была бы целесообразна. Вполне возможно было сначала направить в Эльзас-Лотарингию часть предназначенных для правого крыла войск, отбить французское наступление, а затем вновь немедленно посадить войска в вагоны и направить их к месту их прямого назначения, т.-е. в район наступления правого крыла.

Как выше было сказано, мне осталось неизвестным, была ли при этом попрежнему принята в соображение идея Шлиффена об ослаблении левого крыла германских армий или нет.

Судя по поведению германского верховного командования, идея эта была оставлена, так как крупные силы левого крыла были там надолго задержаны, 6-й и 7-й армиям разрешено было продолжать битву в Лотарингии с переходом в наступление, и одобрена была попытка прорвать французское укрепление линии на верхнем Мозеле. Это, несомненно, являлось сознательным отступлением от первоначального шлиффеновского плана.

Шлиффен ожидал решения от наступления сильного правого крыла при условии обхода линии французских крепостей. Если бы граф Шлиффен считал прорыв французских крепостей на Мозеле столь же легким делом, как это, судя по книге генерала Таппена, «До Марны в 1914 г.», считал штаб 6-й армии, то он, наверное, в таком случае представил бы кайзеру иной план операций и избег бы нарушения нейтралитета Бельгии.

Если бы решились придерживаться плана Шлиффена, то, безусловно, следовало бы снять часть сил с левого крыла, — лишь только для передвижений их оказалось бы достаточно места, — и перебросить их по жел. дороге и походным порядком за правое крыло, чтобы следовать за ним уступами. В течение операции только правое крыло действительно находилось под угрозой; от него же зависела развязка.

Основная истина военного искусства гласит, что никогда в решающий момент лишних сил не бывает. Однако верховное командование не только не подтянуло к правому крылу никаких подкреплений, но, напротив, взяло от него те два корпуса, которые были посланы в Вост. Пруссию 8-й армии, без всякой просьбы с ее стороны.

Если генерал Таппен утверждает, что сведения, полученные верховным командованием до 25-го числа об успехах всех армий, вызвали уверенность в том, что генеральное сражение на западе уже закончилось успехом для германских войск, то это утверждение представляется непонятным. Пусть армии сообщали преувеличенные данные о достигнутых успехах (это вещь обычная и естественная), но малое число пленных и добычи и состояние путей отступления неприятеля, нигде не являвших следов беспорядочного отхода, — эти признаки должны бы были верховное командование кое-чему научить. Если в качестве извинения приводится, что само командование расположено было слишком далеко позади и питалось лишь скудными донесениями отдельных армий, то это ведь только его собственная вина. Оно должно было своевременно устроить главный штаб позади правого крыла, — если не в полном составе, то хотя бы одно оперативное отделение, — и поддерживать постоянную связь при посредстве посылаемых на автомобилях офицеров не только с командующими армиями, но, при случае, и с командирами

корпусов. Верховное командование имело ведь достаточно в своем распоряжении офицеров и автомобилей.

Остается затем непонятным, что подполковник Хентш не получил письменного приказа для выполнения своего поручения, которое оказало столь решительное влияние на судьбу германских армий. Неужели у верховного командования не нашлось десяти минут, нужных опытному офицеру генерального штаба для изготовления такого приказа? В остальном посылка Хентша достаточно выяснена в работе поручика Мюллер-Лебница, но интересен также поставленный Мюллер-Лебницем вопрос о том, не должны ли были генералы Клюк и Куль уклониться от выполнения приказа подполковника Хентша и обратиться к правильно ими намеченному плану атаки 1-й армией [1]). Если бы они это сделали, они, может быть, стали бы национальными героями Германии в эту войну.

Совокупность означенных ошибок и упущений верховного командования привела к неудаче на Марне. Назначенному на место заболевшего генерала Мольтке Фалькенгайну пришлось решать, как вести после неудачи на западе операции германских армий.

Правильно было решение прежде всего достигнуть устойчивого положения на всем фронте. Однако надо было затем разрешить вопрос в целом, как дальше вести кампанию. Я думаю, что была еще возможность вновь вернуться к первоначальному шлиффеновскому плану: перевести с левого крыла на правое десять корпусов и с ними еще раз решительно перейти в наступление. Если бы при этом левое крыло оказалось временно в несколько тяжелом положении, если бы даже значительные части Эльзас-Лотарингии, благодаря этому, может быть, временно попали бы в руки

---

[1]) 1-я германская армия готовилась перейти в атаку для парирования франц. контр-удара, но в это время Хентш и командующий 2-й армией Бюлов решили отступать. Прим. переводч.

французов, то с этим нужно было бы примириться, и к тому же это обстоятельство могло бы, может быть, оказать довольно хорошее влияние на настроение народонаселения.

Генерал Людендорф рассказывал мне в августе 1916 года в Брест-Литовске, что тогдашний начальник военных сообщений, генерал Гренер, предлагал подробный план генералу Фалькенгайну и представил проект переброски шести корпусов с левого крыла на правое. План этот был, однако, отвергнут.

Таким образом, верховное командование нового состава отказалось окончательно от выполнения шлиффеновского плана. Но почему же, собственно говоря, граф Шлиффен пришел к мысли обратиться с главной массой войск на запад и искать там развязки? Прежде всего, конечно, потому, что там сразу же, в первые дни войны, он имел бы дело с развернувшейся французской армией, вынужденной принять бой и не имевшей возможности от этого боя уклониться. Для большого германского наступления на востоке в первые недели войны вообще не оказалось бы никакого об'екта. Мобилизация и развертывание должны были протекать там гораздо медленнее; первые сосредоточенные на границе русские войска могли бы без особого ущерба для общего положения легко уйти от германского натиска в бесконечные пространства русской империи.

Теперь же верховное командование должно бы было взвесить, не лучше ли перенести центр тяжести на восток, если силы казались недостаточными для возобновления на западе наступления в больших размерах. Развертывание русских войск было закончено; вопрос был лишь в том, представит ли русская армия в ближайшее время возможность нанесения ей сильного удара с надеждой на успех.

Если бы решились перенести главную операцию на восток, то следовало бы немедленно освободить войска на за-

паде, прекратить бесполезные бои под Ипром и категорически приказать войскам обратиться к созданию там укрепленных позиций. Таким образом возможно было бы выделить часть сил и выждать момент, когда на восточном театре войны представился бы шанс для успешного введения их в дело. И такой шанс представился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВТОРОЕ УПУЩЕНИЕ.

Не знаю, выдвигал ли и генерал Гецендорф такие же соображения насчет того, что после неудачи германского наступления на западе следует перенести центр тяжести операций на восток, или он просил генерала Фалькенгайна лишь о частичном подкреплении для австрийских армий, оказавшихся в Польше в тяжелом положении. Как бы там ни было, но начальник австрийского генерального штаба обратился к генералу фон Фалькенгайну с просьбой о переброске крупных сил на восток.

Генерал Людендорф, вернувшись из Берлина, рассказывал тогда, что Фалькенгайн эту просьбу отклонил, сказав, что войска ему нужны под Ипром. Тем временем положение германских войск на русском фронте стало весьма серьезным. В Восточной Пруссии 8-я армия действовала против русских с переменным успехом и пока еще удерживалась на русской территории. Верховное командование придало этой армии один из вновь сформированных корпусов, именно 25-й, хорошо себя показавший в бою. Этот корпус страдал, подобно другим корпусам новой формации, тем недостатком, что составлен был хотя и из патриотически воодушевленных, но все же малообученных молодых солдат и из старых офицеров, порой плохо переносивших трудности походов. Наше военное министерство в скорости заметило ошибочность такой организации и стало проводить последующие комплектования на иной основе.

Но беда была в том, что лучшая часть молодых наших возрастов все-таки погибла, и гневное чувство охватывает всякого при воспоминании о том, как наши пылающие любовью к родине юноши шли под Ипром с песнями на бесцельную гибель.

В остальном 8-я армия усилена была частями, сформированными в крепости Кенигсберг. В районе Сольдау выставлен был также корпус Застрова, силой около двух дивизий, составленных из гарнизонов привислинских крепостей и ландштурма.

Для усиления 9-й армии генерал Людендорф, не останавливаясь ни перед чем, взял из восточных крепостей все, что можно было взять. Из крепости Познань взят был, кроме главного ее резерва, уже стоявшего в поле в качестве 18-й ландверной дивизии, еще целый корпус под начальством генерала Коха. Это удалось, и притом в столь короткий срок, благодаря исключительной заслуге начальника штаба познанского укрепленного района, полковника Маркварда, к сожалению, рано скончавшегося. Торнская крепость, главный резерв которой, а именно 35-я резервная дивизия, участвовал уже в боевых операциях, должна была также представить свой второочередной резерв, бригаду Вестерхагена. Во время наступления 9-й армии эта бригада выдвинута была на реку Бзуру; при отступлении она опять пошла к крепости Торн. Из этой бригады впоследствии образован был корпус генерала Дикгута.

Крепость Бреславль, так же как и Познань, тоже должна была выставить один корпус, но формирование его шло медленно, так что достигнуть предположенной численности не удалось.

На всем протяжении восточной границы нам предстояли новые бои, так как наше отступление от Варшавы, которое русскими, естественно, прославлялось, как результат их по-

беды, придало всем русским армиям импульс к энергическим наступательным операциям.

Русские наступали вслед за 9-й армией с такой скоростью, какую только позволяло состояние разрушенных дорог. В Восточной Пруссии они наступали энергичнее; боевые действия имели место также и под Млавой, где стоял корпус Застрова.

Генерал Людендорф не скрыл от Фалькенгайна серьезности положения и подчеркнул, что, по его мнению, русские будут теперь на всем фронте стремиться к решительному сражению. Необходимо прежде всего единство командования на восточном фронте, чтобы при данных слабых силах иметь, по крайней мере, возможность сосредоточить в решительном пункте максимум резервов.

Результатом доклада Людендорфа явилось учреждение звания «главнокомандующего на востоке» [1]. 1 октября кайзер назначил на этот пост генерал-полковника Гинденбурга с Людендорфом в качестве начальника штаба. Я сохранил в новом штабе свою прежнюю должность. Во главе 9-й армии стал Макензен; генерал Грюнерт сделался начальником его штаба. На мое место в штабе 9-й армии вступил подполковник Кундт.

Тем временем выяснилось, что наше предположение о пределах русского продвижения от Варшавы оказалось правильным. Отойдя на 120 километров от ж.-д. базы, русские корпуса по радио доложили своему начальству о невозможности продолжать преследование.

Таким образом, мы получили несколько дней сроку для перегруппировки перед новой операцией.

Между тем новая операция, в процессе подробных обсуждений, была к этому времени выяснена.

---

[1] «Oberbefehlshaber Ost» — это наименование здесь переводится словами «командующий восточным фронтом». Прим. перев.

Предстояло выступить по направлению Торн — левый берег Вислы и атаковать во фланг и тыл правое крыло главных русских сил, следовавших за нами со стороны Варшавы. Для этого надо было перебросить большую часть 9-й армии на север по жел. дорогам и походным порядком, по возможности подкрепив ее силами 8-й армии из Восточной Пруссии [1]). На место 9-й армии необходимо было поставить какие-нибудь другие части,—иначе Силезии с ее горнозаводскими предприятиями угрожало бы вторжение русских, хотя и кратковременное. Тут нам помог генерал Гецендорф.

Этот гениальный человек сразу усмотрел целесообразность удара со стороны Торна и необходимость использовать для этого силы 9-й германской армии. Он заявил о своей готовности поддержать всеми силами задуманное предприятие. На смену 9-й армии он перекинул с Карпат в район севернее Ченстохова всю армию Бем-Ермолли. Если бы задуманная восточным фронтом операция встретила такое же сочувствие со стороны нашего верховного командования, то тогда, наверное, удалось бы нанести решительное поражение русским армиям [2]).

Помимо непосредственного усиления удара со стороны Торна представлялось особенно желательным увеличение войск Застрова у Млавы. Если бы удалось также и отсюда (при одновременной атаке со стороны Торна) перейти в на-

---

[1]) Командование 8-й армией принял генерал Франсуа.

[2]) От 8-й армии к Торну были передвинуты: 1-й рез. корпус Моргена и 25-й рез. корп. Шеффер-Бояделя. Последний был не совсем боеспособен, так как из предшествующих боев в Восточной Пруссии он вышел сильно ослабленным и с потерей многих офицеров. 20-й арм. корпус и 3-я гвард. див. Лицмана из состава гв. рез. корпуса передвинуты были по ж. д. к Гогензальце, а 17-й арм. корпус к югу от Гнезно. Там же сосредоточились кав. корпус Рихтгофена, 6-я и 9-я кав. дивизии. 11-й корпус походным порядком перешел в район Врешена. К югу от него между Процной и Вартой стоял кав. корпус Фроммеля в тесном со-

ступление, то, по крайней мере, были бы скованы и удержаны вдали от места главных действий русские силы, стоявшие к северу от Вислы. В действительности же с западного фронта получено было сначала лишь несколько дивизий кавалерии.

Освободить все силы 9-й армии, как этого хотелось командующему восточным фронтом, не удалось. Настроение в австрийских частях было не очень надежное. Поэтому генерал Гецендорф высказался за оставление в районе Ченстохова бывших там германских войск.

1 ноября штаб восточного фронта перешел в Познань; штаб 9-й армии — в Гогензальцу. 10 ноября 9-я армия готова была начать операции.

Тем временем атаки русских в Восточной Пруссии и у Млавы продолжались. Ослабленная на 2 корпуса, 8-я армия не смогла удержаться на границе. Генерал фон Белов, сменивший в командовании этой армией генерала Франсуа, отвел ее на укрепленную линию р. Ангерап — Мазурские озера и отбил здесь все русские атаки. Корпус Застрова вынужден был также отойти на линию Сольдау — Нейденбург; здесь он закрепился. Противник, следовавший от Варшавы, занимал в это время частью своих сил район Влоцлавска, а главными силами — линию Серадзь — Ново-Радомск к востоку от Кракова. По причинам порчи путей он пока не переходил еще в новое наступление, но, судя по происходившим переговорам по радио, оно должно было начаться в ближайшие дни. Поэтому 9-я армия должна была спешить с началом операции.

прикосновении с русским кав. корпусом Новикова. Позади Фроммеля развернулись части гарнизона креп. Познань, далее к югу стал ландштурм и части из креп. Бреславль. От Белуня до Ченстохова — Камень оставлены были под командой Войрша остальные части 9-й армии: 35-я рез. дивизия, ландв. дивизия Бредова, ландв. корпус и гв. рез. корпус без 3-й гв. дивизии. К северу от Ченстохова расположилась армия Бем-Ермолли.

Генерал Людендорф вновь обратился к верховному командованию, представил выгоды намеченной операции и просил Фалькенгайна, под условием прекращения боев под Ипром, о присылке подкреплений на восточный фронт. Подкрепления были нам обещаны, но сколько и когда, — об этом нам ничего сразу не было сказано. Как ни желательно было бы выждать до прибытия обещанных сил, чтобы нанести решительный и полновесный удар, все же медлить более было нельзя. Русское наступление должно было возобновиться в ближайшие дни. Срок, данный нам судьбой для подготовки новой операции, уже прошел, — нам предстояло выступить лишь с наличными силами.

11 ноября командование армией дало приказ о переходе в наступление [1]. Русские были захвачены совершенно врасплох. Под Влоцлавском, Кутно и Домбе последовали горячие бои, в которых наши войска одержали верх и отбросили неприятеля, причинив ему тяжелые потери. Затем левое крыло армии было направлено в атаку во фланг и тыл русских сил, расположенных у Лодзи. В то время как Макензен и Плюсков наступали фронтально на Лодзь, генералы Лицман, Шольц, Рихтгофен и Шефер-Боядель прорвались через линию Ловичь — Лодзь и победоносно продвинулись в тылу русских до Бжезин.

В районе севернее Ловича левый фланг нашей армии охранялся 1-м рез. корпусом генерала Моргена. Моргену пришлось вступить в бой с русскими частями, взятыми с северного берега Вислы и перешедшими реку у Ново-Георгиевска. Части эти, одна за другой, вступали в бой, и гене-

---

[1] Наступать должны были: познанский корпус на Серадзь — Ласк, кав. корпус Фроммеля севернее Серадзя на Лодзь, 11-й арм. корп. через Коло на Домбе, 17-й арм. корп. и 3-я гв. рез. див. от Гогензальцы на Кутно, 25-й рез. и 1-й рез. корпуса через Влоцлавск на Ловичь. Бреславльский корпус должен был примкнуть с юга к линии вступления армии.

рал Морген их одну за другой разбивал. Но все же Моргену не удалось, вследствие их натиска, своевременно достичь Ловича и занять местность к югу от этого города для прикрытия охвата со стороны Варшавы.

Командовавший под Лодзью русский генерал Шейдеман в подробных радио сообщал о своем отчаянном положении, но сам, тем не менее, отбивался изо всех сил.

18 ноября, если я не ошибаюсь, нами перехвачено было одно русское радио, содержавшее приказ к отступлению от Лодзи. Немедленно мы дали войскам распоряжения о преследовании, но, к сожалению, вышло иначе: в. к. Николай Николаевич отменил приказ и в свою очередь приказал армии Шейдемана держаться во что бы то ни стало.

Корпус Плюскова, начав преследование и наткнувшись вдруг на вновь наступавших русских, попал временно в затруднительное положение.

Тем временем победоносное обходное крыло нашей армии проникло к юго-западу от Бжезин, повернуло фронтом на запад и направилось в тыл противнику у Лодзи. Кавалерия генерала Рихтгофена почти достигла линии Петроков — Ченстохов. Предстоял крупный успех при условии, что со стороны Варшавы все будет спокойно.

Командующий восточным фронтом много раз указывал 9-й армии на угрозу со стороны Варшавы и советовал оставить гвардейскую дивизию Лицмана у Скерневиц, но штаб армии, повидимому, надеялся, что генерал Морген, прорвавшись к Ловичу, успеет прикрыть операцию со стороны Варшавы. Обходящему крылу также было указано выставить заслон против Варшавы у Скерневиц, но приказ об этом, очевидно, запоздал и не дошел до командующего обходным крылом. Надо заметить, что штаб 9-й армии остался слишком далеко позади в Гогензальце, вместо того, чтобы находиться вблизи обходящего крыла.

Таким образом, вместо ожидавшегося большого успеха, мы потерпели чувствительную неудачу. Между левым крылом войск Шольца и войсками, проникшими в тыл неприятеля, связь внезапно оборвалась. В образовавшийся промежуток продвинулись русские силы. Одновременно русским удалось притянуть со стороны Скерневиц еще одну дивизию, которая соединилась с отступившими передними частями и продвинулась к Бжезинам. Конница Рихтгофена была отброшена частями 5-й русской армии, подошедшими с юга на поддержку армии Шейдемана. 25-й рез. корпус, 3-я гв. дивизия и конница Рихтгофена были отрезаны и окружены русскими. Русские радио с триумфом сообщали об успехе. Пленение этих частей представлялось русским верным делом. По радио также был передан приказ о приготовлении 60 поездов для отправки предполагавшихся германских пленных, но тут в ночь с 24 на 25 ноября наши войска победоносно прорвались на север. Заслуга прорыва должна быть безусловно приписана 3-й гв. дивизии и ее командиру, генералу Лицману.

После прорыва фронт между войсками Шольца и Моргена вновь сомкнулся. Мы подтянули сюда еще 1-ю пехотную дивизию из 8-й армии из Восточной Пруссии. Атаки русских против новой линии фронта закончились неудачей. Таким образом мы избежали большой беды, но намечавшийся крупный успех не был достигнут.

В середине ноября австро-венгерские армии вместе с отрядом Войрша также начали к югу от нас наступление. Оно развивалось сначала успешно, но потом русские перешли в контр-наступление, прекратившее наступательную попытку австрийцев.

С начала декабря к нам с запада начали поступать, наконец, обещанные подкрепления [1]). Введены они были,

---

[1]) 3-й рез. корпус генерала Безелера и 13-й арм. корпус ген. Фабека поставлены были на левом крыле 9-й армии; 2-й арм.

к сожалению, не сразу, а по частям, по мере прибытия. 17-ю рез. дивизию из корпуса генерала Герока пришлось передать на австрийский фронт. Там она много содействовала успеху австрийцев под Лимановым.

Введение подкреплений придало фронту новый наступательный импульс. Лодзь была взята 6 декабря, и затем русские были оттеснены за Равку и Бзуру.

Мне хотелось бы здесь вкратце коснуться одного эпизода, хотя и не военного характера, но все же заслуживающего быть отмеченным. В день взятия Лодзи нас навестил в Познани рейхсканцлер Бетман-Гольвег. После обеда зашел разговор о мире и о том, как его добиться.

Когда рейхсканцлер спросил меня об этом, я ответил, что, по-моему, главным условием мира является открытый отказ Германии от какой бы то ни было аннексии Бельгии, так как Англия германской Бельгии не потерпит и будет из-за этого с нами биться не на живот, а на смерть.

«Кроме того, — сказал я, — увеличение числа бельгийских подданных не может быть выгодно для Германии».

На это рейхсканцлер мне ответил: «вы первый военный, от которого я слышу это, и я с вами совершенно согласен. Но если бы я решился сказать такую вещь в рейхстаге, — я был бы сметен со своего места бурей общественного возмущения».

Меня глубоко поразило то, что германский канцлер не решается сказать правду своему народу из боязни потерять свое место.

Командованию восточным фронтом поставлено было в вину то, что оно вводило частями в бой прибывавшие с запада подкрепления; считали, что оно сделало бы лучше, если

корпус генерала Липзингена направлен был восточнее Серадвя, 24-й резервный корпус генерала Герока пошел на усиление Бреславльского корпуса.

бы дружно бросило их в повторную атаку против северного русского фланга. Я думаю, что после того как прошел момент неожиданности нашей атаки со стороны Торна, мы от такого возобновления ничего бы не выиграли, тогда как прибывавшие по частям подкрепления необходимо было направлять на угрожаемые участки фронта 9-й армии.

Совершенно иначе, конечно, обстояло бы дело, если бы наше верховное командование поняло бы, что судьбе угодно было предоставить нам возможность нанести русским такой сокрушительный удар, от которого они никогда не могли бы оправиться. Если бы верховное командование своевременно прекратило бойню под Ипром и направило бы все свободные силы на наш фронт для большой операции, то успех был бы верный. Если бы подкрепления с запада прибыли своевременно, то не последовало бы неудачи под Бржезинами, и, главное, русские силы в излучине Вислы были бы смяты. Успех был бы еще больше, если бы одновременно с Лодзинской операцией предпринято было бы движение двумя-тремя корпусами на Варшаву со стороны Млавы. В это время большинство русских сил с северного берега Вислы было взято на южный для отражения атаки нашей 9-й армии. Ведь удалось же тогда корпусу Застрова при поддержке только 2-й и 4-й кавалерийских дивизий достичь линии Цеханов.— Праснышь. Таким образом наступление двух-трех боеспособных армейских корпусов легко могло привести к занятию Варшавы и примыкающих к ней железных дорог, обслуживающих весь русский фронт.

Последствия такой операции даже трудно себе представить. Во время пребывания в Познани полковника Таппена, начальника оперативного отдела Ставки, я чуть ли не коленопреклоненно умолял его дать командующему восточным фронтом, сверх обещанных подкреплений, еще два корпуса для удара по линии Млава — Варшава, но получил категорический отказ.

Наш поход в южной Польше представляется мне самой блестящей операцией за всю войну. Наш натиск со стороны Кракова на Вислу для поддержки союзника, отход к Ченстохову, переброска армии оттуда к Торну и новый натиск против правого фланга преследующего неприятеля — следует в оперативном отношении расценивать гораздо выше, чем дело под Таннепбергом или какую-либо иную победу на восточном фронте.

Крайне жалко, что верховное командование упустило тогда возможность развить нашу блестящую операцию до степени решительного успеха. Хотя операции 9-й армии и австрийских войск не достигли таких успехов, под влиянием которых царь, может быть, склонился бы к миру, все же «русская грозовая туча» была отогнана от Силезии и Познани.

Противник был оттеснен на ту линию, с которой ему более не суждено было двинуться вперед. К сожалению, некоторое пространство Восточной Пруссии все же пришлось опять оставить в русских руках.

Попытка наступления с карпатских перевалов между Дунайцем и Саном, предпринятая генералом Бороевичем, успеха не имела вследствие контр-наступления русских, в свою очередь начавших на своем левом фланге операцию по овладению Карпатским хребтом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

РУССКИЙ «ГИГАНТСКИЙ» НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН.

Хотя бои 9-й армии на укрепленных позициях по Равке и Бзуре затянулись на целые недели, все же в штабе командующего восточным фронтом мы чувствовали в это время некоторое облегчение и успокоение.

Войска питали отвращение к окопной войне и долговременным укреплениям. Понадобилась вся энергия генерала Людендорфа, чтобы заставить войска зарыться в землю; при этом надо отметить, что дело постройки долговременных укреплений подвинулось у нас, на востоке, скорее, чем на западе. По окончании построечных работ стало возможным снять с фронта 9-й армии значительные силы для новых операций. Силы эти направлены были частью на границу Восточной Пруссии, частью в Карпаты на поддержку нашего союзника.

В это время получилось неприятное известие из Сербии. Там генерал Поцюрек, увлеченный первоначальными успехами, дал сербам себя окончательно разбить.

Русское верховное командование намеревалось весной 1915 года добиться развязки войны в свою пользу путем большого наступления против обоих своих противников. Благодаря сосредоточению теперь на театре войны всех предназначенных для фронта сил, благодаря наличию крупных масс обученных пополнений, готовых заменить все потери, русское командование было в состоянии искать развязки как

на юге, так и на севере: в первом случае на карпатских перевалах, во втором — в Восточной и Западной Пруссии.

Генерал Гецендорф предполагал встретить русских контрнаступлением, стремясь одновременно освободить Перемышль, вновь осажденный русскими после отступления австрийцев от р. Сана.

Гецендорф собрал все, какие возможно было, силы, образовал в Буковине под командой Пфлянцер-Балтина новую армию, но вместе с тем попросил все же у нас подкреплений. Генерал Людендорф обещал, и из трех германских дивизий была образована южная армия генерала Линзингена и переброшена в район Мункача, где к ней присоединились еще четыре австрийских дивизии.

На некоторое время Людендорф был назначен начальником штаба этой новой армии. Трудно было понять цель этого назначения. В южной армии имелся уже начальник штаба, генерал Штольцман, и Людендорф должен был сделаться над ним старшим начальником штаба. Для столь небольшой армии это было слишком большой тратой сил. В штабе командующего восточным фронтом в этом видели желание удалить Людендорфа от Гинденбурга, получившего к этому времени звание фельдмаршала, тогда как в глазах народа оба они как бы слились уже в один образ. Фельдмаршал в личном докладе кайзеру протестовал против перевода Людендорфа и добился того, что Людендорф несколько недель спустя был возвращен, еще до начала зимней битвы у Мазурских озер. Во время его отсутствия я исполнял обязанности начальника штаба.

Естественно, что о русских планах против германского фронта ничего сначала не было известно. Из отдельных перехваченных радио и агентских сообщений мы знали лишь о каком-то «гигантском» плане наступления против Восточной и Западной Пруссии. Лишь позднейшие более точные сведения подтвердили намерения русских начать в первых меся-

цах 1915 года охватывающее наступление в Восточной Пруссии с юга.

К этому времени наше военное министерство сформировало четыре новых корпуса. Недавние уроки были приняты во внимание, и новое формирование произведено было целесообразнее. Новые части получили достаточные кадры обученных унтер-офицеров и солдат, равно как и боеспособных офицеров. К сожалению, число таких офицеров становилось к этому времени все меньше. Первые бои, главным образом на западе, причинили тяжелые потери в рядах ротных командиров и прочих младших офицеров.

Командующий фронтом просил Ставку о предоставлении ему этих четырех корпусов. Он ожидал, с одной стороны, большого русского наступления в Восточной Пруссии, для отражения которого наличных сил казалось недостаточно, с другой стороны, надо было считаться с населением Восточной Пруссии, взывавшем об избавлении от русской оккупации.

Во время пребывания генерала Фалькенгайна в Познани я имел случай еще раз устно повторить эту просьбу и, кстати, изложить план использования нами этих четырех корпусов. Мы предполагали три корпуса расположить на левом крыле 8-й армии, к югу от Мемеля, чтобы охватить и опрокинуть русский северный фланг. Одновременно 4-й корпус, подкрепленный одной дивизией из 8-й армии, должен был бы внезапно дебушировать южнее Мазурских озер, опрокинуть или прорвать слабый, повидимому, русский левый фланг и таким образом завершить двойной охват находившихся там русских армий.

Судя по предыдущему опыту, мы были уверены, что наше наступление явится для русских неожиданностью. Поэтому и успех 8-й армии и освобождение Восточной Пруссии казались нам несомненными. Как операция разовьется дальше, этого я, конечно, не мог сказать Фалькенгайну.

Даже если бы мы и нанесли русским решительный удар, то все же у нас сил было бы недостаточно, чтобы развить операцию до линии Гродно — Ковно. Зато, после поражения русских, можно было надеяться путем двойного охвата распространить наступление на юг за линию Граево — Августово, перейти Бобр южнее Августова и захватить с тылу важную крепость Оссовец.

Предварительным условием успешности операции являлось удержание южной границы Восточной Пруссии, где до сих пор расположен был лишь корпус Застрова с двумя кавалерийскими дивизиями. В этом месте противник, готовясь к осуществлению своего «гигантского» плана, начал стягивать крупные силы. Чтобы парировать ожидаемый удар, мы должны были бы стянуть сюда все, что только можно, из 9-й армии после переброски части ее сил в южную армию.

Я предложил вручить командование вновь образуемой армией кронпринцу. Из моего предложения, к сожалению, ничего не вышло. Напротив, нам дано было знать, что в первой половине февраля из 3 новых корпусов и 21-го арм. корпуса будет создана для задуманной операции 10-я армия под начальством генерала Эйхгорна. 21-й корпус дан был нам вместо одного из четырех новых корпусов, потому что пополнен он был, главным образом, уроженцами Эльзас-Лотарингии, которых желательно было перевести с западного фронта на восточный. Не могу судить о поведении эльзас-лотарингцев на западе. У нас, на востоке, они сражались блестяще, нисколько не хуже других пополнений.

Генерал Людендорф успел до начала операции вернуться в Познань и опять вступить в должность начальника штаба.

Естественно, было важно скрыть от русских переброску сил из 9-й армии на север, чтобы не привлечь преждевременно их внимания к Восточной Пруссии и не поставить на

карту эффект задуманного неожиданного наступления[1]). Поэтому командующий восточным фронтом приветствовал предложение верховного командования о производстве газовой атаки на фронте 9-й армии. Для этой цели верховное командование предоставило нам снарядов на 18 тысяч выстрелов. В сравнении с последующим опытом войны эта цифра теперь вызывает улыбку, но тогда она казалась нам весьма почтенной. Вместе со снарядами Ставка прислала нам генерала Шабеля, специалиста по операциям с большими массами артиллерии и в газовой стрельбе.

9-я армия предложила произвести атаку у Болимова с целью улучшить местное положение. Очевидно, штаб армии был настроен оптимистически и возлагал очень большие надежды на газовую атаку, так как генерал Шабель утверждал, что разрушительное действие газовых снарядов чрезвычайно велико.

Рано утром 31 января, в день предполагавшейся атаки, я прибыл в Болимов и наблюдал бой с местной колокольни. Я был несколько разочарован; со слов генерала Шабеля я ожидал от газовой атаки гораздо большего эффекта. Мы тогда еще не знали, что действие газа могло быть в значительной мере парализовано действием сильного мороза. Тактический успех, помимо причинения русским большого ущерба в людях, выразился лишь в местном улучшении фронта. Впрочем, благодаря нашей затее, внимание русского фронта и командования вновь привлечено было к 9-й армии.

До вечера 6 февраля 8-я и 10-я армии стояли в ожидании, занимая исходное положение[2]). Командующий восточным фронтом переехал со штабом в Инстербург.

---

[1]) Переведены были: 20-й арм. корпус в район южнее Ортельсбурга; 1-й рез. корпус и 6-й кав. див. в район Вилленберга; 3-я пех. див., из отр. Войрша, в район Сольдау.

[2]) Впереди 10-й армии расположены были: 10-я ландв. див., при чем правым крылом, севернее Даркемена, к ней примыкала

20-й армейский корпус еще только выгружался у Ортельсбурга. Он должен был наступать на Мышинец, прикрывая правый фланг 40-го рез. корпуса и выдвигаясь по направлению к Нареву. Командующий восточным фронтом предполагал и на западе наступательной тактикой разрешить вопрос о защите фланга.

Командование над войсками, стоявшими и скоплявшимися между Вислой и Оржицем, принял командир гвардейского резервного корпуса, генерал-от-инфантерии фон Гальвиц.

7 февраля южная ударная группа Лицмана, командира 40-го резервного корпуса, начала атаку на Иоганнисбург и далее на юг, в излучину реки Писсы. 10-я армия выступила днем позже. 8-й армии дан был приказ перейти в наступление, лишь только обнаружится попятное движение противника, и затем уже не терять соприкосновения с ним.

Не легко было придерживаться намеченной диспозиции. Уже много дней, как началась настоящая восточно-прусская мятель: снегу нанесло на целый метр, и резкий восточный ветер местами образовал из снега высокие валы и стены. Продвигаться вперед в сомкнутых колоннах было невозможно, пушки и повозки застревали в снегу.

Наших приготовлений русские совершенно не заметили. 7-го и 8-го утром у них по всему фронту сообщалось: «У неприятеля положение без перемен, он выгребает везде снег из окопов».

ландв. див. из Кенигсберга; 5-я гв. пех. бригада и 1-я кав. див. до лесов, южнее Мемеля. Позади стояли 38-й и 39-й рез. корпуса и 21-й армейский — все три к северу от шоссе Инстербург — Гумбинен. Далее к югу стояла 8-я армия; 40-й рез. корпус и 2-я пех. дивизия — между границей и озером Спирдинг, имея позади 4-ю кав. див. В укреплениях Летцена стояли 11-я ландв. див. и части ландштурма. На р. Ангерап от Ангербурга до Даркемена — 1-я ландв. див. и 3-я пех. див.

Уже 7-го числа после полудня генерал Лицман перешел Писсу к югу от Иоганнисбурга, взял 8-го числа Иоганнисбург и, выставив заслон против Оссовца, проник в ближайшие дни до Райгрода. Здесь он наткнулся на сильное сопротивление русских войск; одновременно противник перешел в наступление из Оссовца.

Благодаря решительным и разумным мерам, принятым генералом Лицманом, противник у Райгрода был опрокинут, а атака от Оссовца отражена.

Наступление 10-й армии, начавшееся утром 8-го числа, не встретило серьезного сопротивления. Русские были захвачены совершенно врасплох и стали искать, как всегда при охвате их флангов, спасения в поспешном отступлении. За отходом правого русского крыла вскоре последовал и отход центра. 8-я армия немедленно выступила и по пятам преследовала отступающего неприятеля. Что касается 10-й армии, то ей в эти дни приходилось бороться не столько с русскими, сколько с погодой. Войска с величайшим трудом продвигались вперед, пехотные колонны растянулись, артиллерия и обозы застревали, вперед удавалось продвинуть лишь отдельные орудия, с запряжкой по 12 и даже 18 лошадей при поддержке пехоты. Несмотря на это, колонны 10-й армии достигли уже в ночь с 10-го на 11-е шоссе на Ковно у Вержболова и Сталюпенена.

Помимо большого количества пленных, которые были отрезаны при отступлении русских частей по шоссе, в наши руки попали громадные запасы продовольствия, частью на складах, частью еще даже в вагонах. Это обстоятельство вообще дало возможность 10-й армии наступать, так как нельзя было и думать о подвозе по занесенным снегом дорогам провианта и фуража.

Несмотря на доблесть наших войск, — начиная с командира и кончая последним солдатом, — большой успех, на который так надеялись, разбился о физическую невозмож-

ность в такую погоду быстрее итти вперед. Значительным частям русской 10-й армии удалось, отступая, занять безопасное положение прежде, чем замкнулось кольцо нашего окружения.

14-го числа наступавшей 8-й армией был взят г. Лык, оборонявшийся 3-м сибирским корпусом. К сожалению, генерал Лицман продвинулся недостаточно быстро, и этот корпус ушел через Августово за Бобр, тогда как генерал Лицман лишь в ночь с 16-го на 17-е пробился с горячим боем к Августову.

14-го числа обходные колонны 10-й армии достигли, приблизительно, линии Сувалки — Сейны.

Между тем командующий 10-й армией еще надеялся отрезать в районе Августова значительные силы противника и потому двинул свои войска далее, за линию Сувалки — Сейны.

Тем временем погода изменилась, наступила оттепель, и снега превратились в непролазную грязь и наводнение.

Авангард 21-й армейской дивизии продвигался по шоссе Августовского леса по направлению от Сейны, стремясь выполнить задание штаба армии — отрезать неприятеля еще под Августовом; неожиданно он наткнулся на сильные колонны отступающих русских, которые были им опрокинуты и частью даже взяты в плен.

Штаб 10-й армии убедился теперь, что отрезать противника у Августова уже невозможно. Он принял смелое решение перебросить значительные силы со своего левого крыла, расположенного на северной границе Августовского леса, в район к северо-западу от Гродно, чтобы там, не обращая внимания на Гродненскую крепость, отрезать противника при выходе его из Августовского леса.

Еще до прибытия авангардов 8-й армии к Августову нами были получены сведения о сосредоточении крупных русских сил в районе Ломжи.

Из сжавшейся при дальнейшем наступлении 8-й армии были взяты две дивизии и двинуты против Оссовца. С одной стороны, нам хотелось воспрепятствовать появлению оттуда неприятеля, с другой стороны, предполагалась попытка захватить эту крепость, при чем командующий фронтом все еще надеялся, что 40-му рез. корпусу в дальнейшем удастся форсировать Бобр и штурмовать Оссовец с тыла.

Положение частей 10-й армии, запиравших выход из Августовского леса к западу от Гродно, становилось весьма тяжелым, так как русский 20-й корпус, отрезанный со своими главными силами в Августовском лесу, делал упорные попытки прорваться; в то же время русские войска, подвезенные в Гродно, также наступали свежими силами с целью освободить своих попавших в мешок товарищей. Однако атаки с запада и востока нами были отбиты, и, в конце концов, отрезанные части русских войск должны были сдаться.

Как ни радовало нас поражение русской 10-й армии, которое дало нам больше 100 тысяч пленных, несколько сот орудий и массу военного снаряжения, но все же довести операцию до конца и стратегически ее использовать не удалось. Генералу Лицману не удалось переправиться через Бобр, так как характер местности представлял всевозможные трудности, а оттепель и ливни превратили низину Бобра в болото; на высоком же берегу реки тянулись укрепленные позиции 3-го сибирского корпуса. Нам доносили, что корпус находится в бетонированных укреплениях. Насчет «бетона» мне не верилось, но одного моего скептицизма было недостаточно, и мы вынуждены были отказаться от попытки форсировать Бобр. Однако годом позже, при разведке в тех местах, я убедился, что я был прав, и что никакого бетона там не было.

Фронтальная атака на Оссовец, несмотря на участие тяжелой артиллерии, не имела никакого успеха. Несколько

дней до этого, когда командующему восточным фронтом еще казалась возможной переправа через Бобр, Людендорф приказал приступить к постройке укрепленной позиции к востоку, на линии восточнее Августово — Сувалки — Неман. Теперь 10-я армия получила приказ отвести свое правое крыло на эту позицию. Что касается левого крыла армии, то ему была предоставлена свобода действий. Одновременно левому крылу было приказано выделить часть сил, необходимых для действий на южной границе Восточной Пруссии.

Наступлением наших 8-й и 10-й армий мы разбили лишь половину «гигантского» плана северного охвата германской армии в Восточной Пруссии. Теперь начала проявляться его вторая половина, — крупные русские силы открыли наступление против южной границы Восточной и Западной Пруссии.

10-я армия решила отвести свое левое крыло только в районе Сейна и немного севернее, чтобы там вновь напасть на русских. Штаб армии надеялся, что удастся таким образом повторить в меньшем масштабе февральский маневр. Однако русские продвигались осторожно и, при попытках наступления, немедленно отходили назад. Поэтому штаб армии отказался от задуманного маневра, и войска отошли левым флангом на линию Кальвария — Мариамполь — Пильвишки. В течение марта русские неоднократно атаковывали эту линию, но каждый раз эти атаки с легкостью отбивались.

С началом наступления 40-го резервного корпуса, 20-й армейский корпус продвинулся вместе с 37-й пехотной дивизией за Мышинец, а 41-я пехотная дивизия выступила через Кольно к Ломже с целью поддержать наступление генерала Лицмана. При этом корпус натолкнулся на превосходные силы противника и мог продвинуться только до Ставлишек, для охраны с восточной стороны наступающих войск генерала Лицмана. Между Бобром и Ставлишками расположились 3-я рез. дивизия и 5-я пех. бригада.

Эти войска поспели как раз во-время, чтобы встретить атаку русского гвардейского и 5-го армейского корпусов, выступивших из Ломжи. Последовали отчаянные бои. Русские храбро наступали, совершенно не считаясь с потерями. 3-й рез. дивизии с трудом удалось удержать позицию. Лишь в начале марта мы могли перебросить туда 1-ю ландв. дивизию, благодаря чему на фронтах установилось необходимое устойчивое положение.

Не менее яростные атаки последовали с линии Остроленка — Новогрод против 37-й дивизии, стоявшей впереди Мышинца, между Оржицем и Писсой. Командующий фронтом вынужден был притянуть на поддержку этой дивизии еще четыре пехотных дивизии и одну кавалерийскую. К этому вынуждал лесистый и болотистый характер этой местности. Бои здесь шли в течение всего марта, но все же нашим войскам удалось здесь удержаться.

С середины февраля русские укрепились также западнее Оржица, на участке Гальвица, и начали продвигаться по направлению к Млаве. Получив подкрепление из 9-й армии, генерал Гальвиц решил предупредить наступление русских путем контр-наступления. Маневр, предпринятый 22 февраля генералом Моргеном с 1-м рез. корпусом и 3-й дивизией, развивался сперва успешно. Дивизии Ферстера удалось даже взять Прасныш, но затем последовала неудача: одна ландверная бригада была разбита. Большие русские силы стали напирать на Прасныш с юга и в обход через Оржиц.

Обойденные и охваченные с фланга 1-й рез. корпус и 3-я дивизия вынуждены были сдать Прасныш и отойти. Генерал Людендорф задержал их отход на позициях, расположенных несколько южнее, укрепление которых еще не было окончено. В начале марта между Млавой и Оржицем возобновились яростные атаки русских войск, но были все отбиты.

Когда прибыли подкрепления, генерал Гальвиц вновь перешел в наступление по обе стороны Оржица; к 12 марта удалось оттеснить противника к Праснышу, но там русские контр-атаки задержали наше продвижение. Бои прекратились здесь лишь в конце марта.

Таким образом, к началу апреля на всем протяжении южной границы Восточной Пруссии русский натиск был отражен, и вторая половина русского «гигантского» плана была также сведена на-нет.

Нашему австрийскому союзнику не удалось столь же успешно осуществить свои планы. Попытка освободить Перемышль сразу рухнула, лишь только русские перешли в контр-наступление. Тем самым судьба Перемышля была решена.

В Восточной Пруссии, к северу от Мемеля, стычки начались в середине февраля. Русские держались там еще на германской территории, северо-восточнее Тильзита. Командующий восточным фронтом стремился, конечно, очистить и этот кусок от противника. Такое поручение было дано командиру Кенигсбергского гарнизона, генералу Паприцу. В его распоряжении находился лишь ландштурм, охранявший границу, и немного артиллерии из крепости Кенигсберг. Тем не менее операция удалась. Противник был отброшен за границу, и г. Таурогген был взят.

Очистив всю территорию Восточной Пруссии от неприятеля, мы испытали большое удовлетворение; однако длилось оно недолго.

17 марта на Мемель напал отряд генерала Потапова, составленный из пограничников и ополченцев. Нападение было для нас неожиданным. Хотя нами и были получены сведения о скоплении русских у Мемеля и Таурогена, но мы не придали им серьезного значения; следует заметить, что подобного рода сведения поступали иной день в огромном коли-

честве, и нельзя же было все эти слухи одинаково оценивать и делать из них необходимые выводы.

Точные известия о вступлении русских в Мемель получены были от одной телефонистки, некоей фрейлейн Рештель. Она проявила больше мужества, чем ее сослуживцы мужского пола. Она продолжала разговаривать со мной вплоть до занятия почтамта русскими. Последними ее словами были: «Вот они поднимаются по лестнице».

Одновременно с Мемелем русские атаковали и Таурогген, который генерал Паприц должен был очистить, так как его слабые силы были направлены, главным образом, против неприятеля, находящегося у Мемеля. У командующего восточным фронтом не было резервов для поддержки генерала Паприца. Штаб 2-го арм. корпуса в Штеттине прислал нам два запасных батальона.

Нам повезло, у русских было тоже мало войска. При переходе генерала Паприца в наступление против Мемеля они очистили город. При этом нам удалось отбить у них 3 тысячи человек жителей, угнанных ими в плен. Затем генерал Паприц опять двинулся против неприятеля к Таурогену и, занявши 29 марта город, прогнал русских за границу.

Надо было что-нибудь предпринять, чтобы в будущем избежать таких налетов. Поэтому в район Мемеля переведена была 6-я кавалерийская дивизия, освободившаяся к тому времени на участке генерала Гальвица. В середине апреля на восточном фронте наступило относительно более спокойное время.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ПРОРЫВ У ГОРЛИЦЕ.

Между тем в это время положение на южном театре войны было очень неблагополучно. Как уже выше было сказано, задуманное на карпатском фронте наступление не имело успеха. Оно скоро натолкнулось на контр-наступление русских. Чем более русское командование убеждалось в неуспехе своих планов на северо-западном фронте, тем сильнее русские начинали наступать на австрийские войска. Этой весной они хотели во что бы то ни стало добиться развязки.

Среди карпатских снегов и льдов шли упорные кровавые бои, стоившие русским неслыханных потерь, но они все же шаг за шагом оттесняли нашего союзника. Положение австрийских армий становилось критическим. Если бы русским удалось прорвать карпатский фронт и спуститься в венгерскую долину, то двуединая монархия развалилась бы. Необходимо было с нашей стороны предпринять энергичные действия для поддержки союзной армии.

Серьезность положения все настойчивее подчеркивал в своих ежедневных докладах ротмистр Флейшман, австрийский офицер, прикомандированный к штабу нашего фронта. Командующий фронтом вполне был согласен с ротмистром Флейшманом и представил соответствующий доклад в Ставку.

Собственной властью командующий фронтом послал австрийцам одну дивизию, выделенную в качестве резерва из 9-й армии. Она поспела на Карпаты в середине апреля, в очень критический для наших союзников момент, ибо армия Бороевича начала колебаться.

Верховное командование одобрило эту меру и приказало послать на Карпаты еще две дивизии и перевести туда же штаб 38-го рез. корпуса. Командующий фронтом дал и, 4-ую, вновь сформированную дивизию. Таким путем образован был так называемый Бескидский корпус с генералом Марвицем во главе.

Незадолго до этого верховное командование приступило на западном фронте к выделению из каждой дивизии по одному полку для формирования новых дивизий. Таким путем образовано было много новых тактических единиц. В условиях позиционной войны каждая дивизия без труда могла выделить по три батальона, не прерывая работы по укреплению позиций. Эта гениальная идея принадлежала генералу Вристбергу, начальнику одного из отделений военного министерства. Позже, уже во время позиционной войны, среди наших военных авторитетов возник спор, следует ли оставить дивизии в 9-батальонном составе или вернуться к 12-батальонному развертыванию. Уменьшенная дивизия приобретает легкость маневрирования, зато для некоторых операций она численно слишком слаба. Для нас этот спор имеет теперь академическое значение в силу рокового решения Версальского договора, прекратившего существование нашей доблестной германской армии.

Переформирование дивизий было начато нами и на восточном фронте.

Наши подкрепления, прибывшие на Карпаты, не в силах были существенно изменить положения; они могли только помочь сохранить фронт.

Положение австрийцев осложнялось не только на Карпатах, но и на других фронтах. Сербская армия вновь начала проявлять активность, а главное—становилось ясным намерение Италии перейти на сторону наших врагов. Я оставляю открытым вопрос о том, можно ли было бы путем уступок со стороны Австрии и более искусной дипломатией сохранить

нейтралитет Италии. Как бы то ни было, австрийское верховное командование сочло себя вынужденным усилить свою армию на итальянской границе, чтобы в случае выступления Италии не быть застигнутым врасплох. Это было возможно сделать лишь за счет и так уже ослабленного русского фронта.

Не было бы всех этих затруднений, если бы германское верховное командование осенью 1914 г., вняв настояниям командующего восточным фронтом, дало бы нам столько подкреплений, сколько было нужно, чтобы нанести решительное поражение русским, сжатым в излучине Вислы. Здесь мы имеем пример того, что так часто повторялось впоследствии в этой войне, представлявшей собой ряд упущенных возможностей. Обычно бывало так: предлагалась какая-нибудь разумная операция, которую можно было осуществить с сравнительно небольшими силами, — ее отвергали. Затем, когда действия противника создавали такое положение, при котором сил требовалось больше, операция разрешалась и выполнялась, с той только разницей, что сил для победы было уже недостаточно, — их хватало лишь для исправления создавшегося положения.

Генерал Гецендорф имел уже случай предложить генералу Фалькенгайну план прорыва русского фронта около Горлице [1]) и таким путем разбить весь русский карпатский фронт. Конечно, это был тогда единственный план, с помощью которого можно было быстро ликвидировать карпатский фронт. Так как операции с охватом флангов являются самыми действительными, то необходимо было в этом случае соединить прорыв с ударом на один из русских флангов. О действии против русского левого крыла в Буковине нечего было и думать, так как в том районе состояние австрийских жел.

[1]) Местечко к югу от жел. дороги Тарнов — Ярослав и к востоку от р. Дунаец, на фронте 3-й русской армии ген. Радко-Дмитриева. Прим. перев.

дорог исключало всякую возможность быстрого сосредоточения крупных сил.

Было, конечно, вполне возможно — и это открывало широкие перспективы — охватить русское северное крыло, взять Ковно и нанести сильный удар в направлении Ковно — Вильна. Однако такая операция потребовала бы слишком много времени, пока действие ее не сказалось бы на левом крыле фронта.

В упомянутом выше разговоре Фалькенгайн согласился с Гецендорфом, что в данных условиях прорыв под Горлицем является наилучшей операцией, но он не согласился тогда дать нужных для этого войск.

Зато теперь Фалькенгайн убедился в необходимости что-то сделать для предотвращения катастрофы австрийцев на Карпатах. Количество войск, которое потребовалось бы генералу Гецендорфу в этом месте для обороны, почти совпадало с количеством, необходимым для предполагаемого прорыва. В силу этого генерал Фалькенгайн остановился теперь на плане прорыва у Горлице, предложенном генералом Гецендорфом.

В своей книге генерал Фалькенгайн ничего не говорит о том, кому принадлежала инициатива прорыва.

Во время войны мы имели много случаев жаловаться на недостатки австрийской армии, — тем более мы не должны замалчивать положительные начинания нашего союзника. Планы начальника австро-венгерского генерального штаба ген. Гецендорфа, поскольку мне с ними случалось иметь дело, были все хороши, чего отнюдь нельзя сказать о планах нашего верховного командования; несчастье этого гениального человека состояло в том, что у него не было аппарата для осуществления его планов.

Австрийская армия оказалась несостоятельной, тогда как, напротив, наша, плохо ли, хорошо ли управляли ею, до самого лета 1918 года была на высоте положения.

Следует признать, что наше верховное командование теперь решило, наконец, искать решительного сражения на восточном фронте. Можно было ожидать, что выступление русских на восточном фронте вызовет наступление Антанты на западном, в целях облегчения положения русских. Большое наступление французов в марте в Шампани было отражено; оно стоило нам больших потерь. Ныне следовало считаться с возможностью повторения столь же широко задуманных попыток прорыва.

Командование предназначенной для прорыва 11-й армией вверено было генералу Макензену с полковником Зеектом в качестве начальника штаба. На место генерала Макензена назначен был принц Леопольд Баварский. Стремясь к активной военной деятельности, принц охотно подчинился фельдмаршалу Гинденбургу, бывшему по службе моложе его.

Чтобы скрыть приготовления к наступлению у Горлице и отвлечь внимание противника от этого пункта, нашему командующему фронтом приказано было производить демонстративные действия, чтобы сковать и привлечь на себя по возможности крупные силы противника.

Во исполнение этого приказа командующий фронтом решил атаковать противника в трех пунктах. 9-я армия должна была произвести газовую атаку; 10-я армия должна была для улучшения своего положения атаковать под Сувалками; кроме того, мы наметили план более значительного наступления в северную Литву и Курляндию. В то время как первые две операции имели лишь местное значение, от третьей попытки можно было ожидать более серьезных результатов, так как для ее отражения русские вынуждены были бы выделить крупные силы.

Для проведения газовой атаки нам прислан был один из только что сформированных газовых батальонов. Разведка показала, что в районе Скерневиц условия благоприятны для такого начинания. Поэтому там были устанав-

лены газометы. Установка была закончена, оставалось выжидать благоприятного ветра.

Идею газовой атаки в общем нельзя назвать удачной. Лишь немногие участки фронта годились для этого. Установка аппаратов была очень хлопотлива. Противник легко мог заметить ее и огнем артиллерии разрушить аппараты и заставить газ растекаться в наших же окопах. К тому же следует прибавить, что состояние погоды на нашем фронте совершенно не благоприятствовало газовой атаке. Для этого нам нужен был западный ветер, тогда как, в большинстве случаев, у нас дул как раз восточный. Этим газовая атака чрезвычайно осложнялась. Надежда на то, что противник не сумеет использовать наш технический опыт, не оправдалась.

Как-то впоследствии я расспрашивал талантливого изобретателя наших газов, тайного советника Габера, как он пришел к такой неудачной системе. Он об'яснил мне, что все эти дефекты он предвидел с самого начала и считал более правильным газов не выдувать, а наполнять ими гранаты для газовой стрельбы, но что ему не предоставили нужного количества снарядов. Тогда он вынужден был остановиться на идее выдувания.

Надо очень сожалеть о том, что первоначальная идея Габера не была сразу приведена в исполнение. Трудно себе представить, каких успехов мы могли бы добиться, если бы значение этого изобретения было своевременно понятно. Если бы под строжайшим секретом в большом количестве наполнены были бы снаряды газом и неожиданно пущены в ход во время большого сражения на западном фронте с целью прорыва, — в то время когда внимание противника не было еще привлечено опасностью газовых атак (что привело к изобретению противогазовых масок), — то эффект был бы громаден.

В 9-й армии, как мы потом узнали, газ был выпущен 2 мая при благоприятном ветре. Действие его в русских окопах было весьма велико. К сожалению, об этом успехе

наша армия не знала. Войска сначала думали, что противник должен быть совершенно уничтожен в момент прохождения облака через его позиции; когда же, во время наступления нашей пехоты, русские начали стрелять, то возникло предположение, что атака не удалась, и дальнейшее продвижение прекратилось. Вторая газовая атака, предпринятая 9-й армией несколько позже, также не могла внушить войскам доверия к этому средству. При этой атаке ветер вдруг переменился, часть облака обратилась в наши же окопы и причинила нам чувствительные потери. Газовыми масками наш фронт был снабжен значительно позже западного.

В результате атаки 10-й армии достигнут был намеченный тактический успех; наступление это улучшило наше положение. Дальнейшие атаки 9-й и 10-й армий привлекли, правда, внимание русской армии, но не вызвали притока туда значительных сил русского войска, так что командующий восточным фронтом не мог выполнить возложенного на него верховным командованием задания. Этого мы достигли лишь путем наступления в северную Литву и Курляндию.

Стимулом к наступлению послужил запрос верховного командования. В конце марта нас запросили, считаем ли мы возможным произвести на нашем левом фланге кавалерийский налет в направлении Ковенской железной дороги. Мы ответили утвердительно, и для этого с запада были к нам переброшены две кавалерийские дивизии; они прибыли в середине апреля.

26 апреля мы были готовы к выступлению [1]. На следующий день генерал Лауенштейн двинулся с этим отрядом с линии Юрбург — Мемель в Курляндию. Он отбросил слабые русские отряды и одним переходом достиг Шавлей. Русские подтянули подкрепления, которые и нас заставили

[1]) Южнее Юрбурга расположены были баварская и 3-я кав. дивизии, позади них 36-я рез. пех. дивизия. На Таурогенском шоссе стала 78-я рез. пех. дивизия. В районе Мемеля — 6-я кав. и 6-я рез. дивизии.

ввести подкрепления, и на линии Дубисса—Шавли—Можейки начались бои. Из этих подкреплений и первоначального отряда Лауенштейна образована была впоследствии Неманская армия под командой генерала фон Белова; командование же 8-й армией перешло к генералу Шольцу.

В тяжелых боях в течение мая и июня нам удалось удержать линию р. Дубиссы и левое крыло линии р. Виндавы, но Шавли мы вынуждены были оставить под напором превосходных сил русской армии. 1 мая мы взяли внезапным налетом на крайнем левом крыле маленькую крепость Либаву. В этом удачном деле участвовали три кавалерийских бригады, ландштурм и артиллерия из Кенигсбергской крепости под командой полковника Шуленбурга и впоследствии часто упоминаемого капитана фон Вилизена.

2 мая генерал Макензен с 11-й германской и 4-й австрийской армиями на фронте Горлице — Тарнов взял первую линию русских позиций. В следующие дни он атаковал вторую и третью линии и принудил к отходу весь русский карпатский фронт. 15 мая 11-я армия достигла Сана, в начале июня взят был Перемышль, а 22 июня были взяты штурмом Львов — Рава-Русская, после чего русские были оттеснены далее к Бугу. Генерал Фалькенгайн хотел остановить наступление на каком-либо из этих рубежей, но, уступая повторным настояниям генерала Гецендорфа, он давал свое согласие на продолжение операции.

На нашем фронте поражение русских сказалось в том отношении, что русские стали снимать войска для отправки их на юг. Мы не были достаточно сильны для того, чтобы везде этому воспрепятствовать. Со своей стороны мы могли пока лишь делать то же самое для подготовки операции. Вопрос был лишь в том, где ее начать. Этот вопрос вызывал у нас в штабе оживленные споры.

Я с самого начала стал на ту точку зрения, что нам теперь, может быть в последний раз представляется воз-

можность нанести русским решительный удар. Наступление Макензена все равно остановится, так как наступать ему приходится все время фронтально, и нельзя будет нанести решительного поражения русским войскам. Единственным незащищенным крылом является русское правое. Против него-то и следует предпринять большую обходную операцию, при чем нужно забирать так глубоко на север и восток, чтобы русский центр, все еще стоящий впереди Варшавы на Равке и Бзуре, не смог уйти от удара и был бы отрезан. Поэтому я предлагал все свободные силы нашего фронта, увеличенные по возможности войсками с запада, сосредоточить на левом крыле 10-й армии, взять коротким ударом Ковно и затем двинуться на Вильну, в тыл главных русских сил. Я и теперь стою на той точке зрения, что эта операция привела бы к желанной цели, т.-е. нанесла бы решительное поражение русским армиям.

Майор Бокельберг, помощник начальника нашего оперативного управления, пользовавшийся особым доверием генерала Людендорфа по своей службе в Главном [1]) генеральном штабе, защищал, — правда частным образом, — план наступления через р. Бобр в обход Оссовца. С майором Бокельбергом у меня произошел спор. Я считал такое наступление в корне неправильным и обреченным на неудачу, так как в болотистых низинах р. Бобра мы не в состоянии были бы поддержать действия пехоты всей силой нашей артиллерии. Майор Бокельберг возражал, что захват Ковно потребует слишком много времени. Насчет этого последующие сообщения показали, что я был прав: почти против желания, во всяком случае без подкреплений, мы взяли Ковно в десять дней. Если бы мой план наступления на Ковно был принят целиком, то срок этот был бы, может быть, еще короче. В возникшем споре Людендорф был на моей стороне.

[1]) Собств. в «большом генеральном штабе» — der grosse Generalstab. Прим. перев.

Вести наступление западнее Ломжи нами всеми было признано нецелесообразным. Правда, таким образом тоже можно было бы заставить русских уйти из Варшавы, но это не привело бы к решительному поражению их. Если бы мы продолжали наступление на запад, русские успели бы выпрямить излучину своего фронта, и нам пришлось бы, совершенно как генералу Макензену на юге, обратиться к чисто фронтальному натиску.

Подготовка к операции на ковенском направлении уже была начата, диспозиция войскам нашего фронта уже была готова, как вдруг фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф вызваны были на 1 июля в Познань для доклада кайзеру.

Мы с генералом Людендорфом не сомневались в согласии кайзера с планом ведения операции через линию Ковно — Вильна.

Людендорф условился со мной, что после доклада кайзеру он мне позвонит, и я приступлю тогда к рассылке готовой диспозиции.

Долго я ждал звонка, но когда генерал Людендорф, наконец, позвонил, то я узнал, что следует задержать рассылку диспозиции, так как план уже изменен. Оказалось, что кайзер принял предложение генерала Фалькенгайна; оно гласило, что генерал Гальвиц должен прорвать русский фронт, расположенный против него, и продолжать наступление против р. Нарева.

Мне показалось тогда, что таким образом была упущена последняя возможность нанести русским полное поражение. Как ни хорошо развивалась бы операция генерала Гальвица, единственным ее результатом было бы оставление русскими Варшавы и отход их выгнутого центра из Польши.

13-го числа армия Гальвица изготовилась к атаке русских позиций по обе стороны Прасныша [1]).

[1]) В ее состав входили: 1-й, 12-й, 17-й и 11-й арм. корпуса, 17-й рез. корпус и корпус Дикгута — всего 14 дивизий.

Благодаря превосходным мероприятиям штаба 12-й армии атака удалась блестяще, русские позиции были прорваны, и 17-го числа армия достигла Нарева. Тут, конечно, последовало некоторое замедление. Пултуск и Рожаны взяты были 23 июля, 4 августа взяла была Остроленка и перейден был Нарев на широком фронте. Затем правое крыло обратилось против Ново-Георгиевска и Згержа.

8-я армия также перешла в наступление своим правым крылом и достигла после горячего боя Нарева, где она натолкнулась на упорное сопротивление русских, которые должны были выиграть время для отхода от Варшавы. Произошло то, что мы предвидели: лишь только русское командование убедилось в невозможности парировать удар 12-й армии, как оно немедленно приступило к очищению Польши.

Русские войска, расположенные на фронте 9-й армии и против отряда генерала Войрша, были уже ослаблены переброской подкреплений на юг. Обе эти армии здесь также одновременно перешли в наступление. Под Ильжанкой и Радомом отряд генерала Войрша натолкнулся на сильнейший русский арьергард, который ему удалось оттеснить за Вислу, севернее р. Пилицы. На фронте 9-й армии, так же как и на левом фланге, других серьезных боев не было.

Между тем войска, подчиненные командующему восточным фронтом, в половине июля опять перешли в наступление и победоносно продвигались вперед.

10-я армия также продвинулась в ковенском направлении и оттеснила русских за Лесну.

В это время генерал Людендорф вновь обратился в Ставку, указывая, что наступление генерала Гальвица привело только к результату, предсказанному штабом восточного фронта, и что, как и до сих пор, продолжение этого наступления серьезного успеха принести не может. Людендорф вновь предложил сосредоточить в районе 10-й армии все, что можно

было выделить из войск 8-й и 12-й армий и из отряда генерала Войрша, взять сосредоточенными силами Ковно и ударить на Вильну.

Безусловно, такая операция имела бы и теперь еще очень большое значение, хотя я этим не хочу сказать, что таким путем нам удалось бы нанести русским войскам решительное поражение, т.-е. такое, которое заставило бы царя серьезно подумать о заключении мира.

Предложение генерала Людендорфа вновь было отклонено; верховное командование приказало продолжать наступление в прежнем направлении, но командующий восточным фронтом остался при том мнении, что следует взять Ковно и продвигаться возможно дальше левым крылом подчиненных ему войск. 8-я и 12-я армии были, по приказу верховного командования, усилены двумя дивизиями, взятыми с запада; командующий восточным фронтом выделил также две дивизии из 9-й армии.

Во время отступления русское командование, очевидно, руководствовалось примером 1812 года: русские разрушали не только пути сообщения, но и предавали огню города и деревни и угоняли за собой людей и скот. Хотя это и непонятно, тем не менее надо думать, что этим они хотели, очевидно, доставить нам побольше затруднений, — иначе эти мероприятия были бы бесцельной жестокостью против собственного народа. Удивительно, что сравнения с 1812 годом часто попадаются и теперь еще в германской литературе. При этом упускается из виду, что при нынешних путях сообщения не существует тех трудностей, с которыми приходилось бороться Наполеону. Если бы в его распоряжении были жел. дороги, телефоны, автомобили, телеграф и аэропланы, то он и до сих пор еще был бы в Москве.

Все эти русские разрушения были нам отчасти на-руку, если не считать жилищных неудобств. Возьмем для примера сожжение Брест-Литовска, в котором нашему штабу позже

пришлось прожить почти два года. Несмотря на сожжение, мы смогли там устроиться, при чем нам не пришлось заботиться о пропитании угнанных оттуда 80 тыс. жителей. Также и в отношении шпионажа и других опасностей для нас было удобно то, что русские очистили город.

Получив вышеупомянутые подкрепления, 12-я армия вновь перешла в наступление. Генерал Макензен вел дальнейшее наступление с юга, верховное командование делало попытку отрезать местами отходящие части русских войск, но это не удавалось, как это заранее и предвидел командующий восточным фронтом.

. В конце июля были взяты Холм и Люблин. Отряд генерала Войрша и генерала Кевеша взяли штурмом Ивангородский тет-де-пон, а в конце июля генерал Войрш перешел на глазах у русских Вислу севернее Ивангорода. Этот переход был геройским делом, не имевшим, однако, больших последствий. Напротив, перешедшие части были сильно атакованы русскими и временно попали в затруднительное положение.

На фронте 9-й армии русские очистили в начале августа Варшаву; 5 августа 9-я армия вступила в город. В тот же день отряд генерала Войрша и 9-я армия выделены были из состава нашего фронта под начальство принца Леопольда Баварского в качестве самостоятельной группы войск с непосредственным подчинением Ставке. Какие тактические выгоды получались от этого, — я не мог понять ни тогда, ни теперь. Напротив, когда в 1916 году начались на восточном фронте затруднения, то командованию нашего фронта были подчинены не только войска этой группы, но и австрийские армии до самых Карпат. Поэтому в таком мероприятии Ставки я могу усмотреть лишь проявление дурных отношений между Ставкой и командующим восточным фронтом.

После взятия Варшавы группа принца Леопольда Баварского перешла Вислу между Ивангородом и Варшавой

и продолжала преследование по направлению к Бугу, севернее Брест-Литовска, в то время как генерал Макензен двинулся на Брест-Литовск.

12-я армия, перейдя Нарев, следовала сначала в южном направлении, надеясь успеть еще отрезать часть русских у Варшавы. Когда надежда эта не оправдалась, 12-я армия также повернула на восток, в то время как 8-я армия, после взятия Остроленки, двинулась на Ломжу.

Обложение и взятие Ново-Георгиевска возложено было на генерала Безелера, победителя при Антверпене, с талантливым генералом Зауберцвейгом в качестве начальника штаба. Благодаря замечательному руководству и энергичному выполнению крепость пала уже 19 августа.

Русское командование сильно преувеличивало, должно быть, ценность таких устарелых крепостей, как Ново-Георгиевск, если оно решило оборонять ее и оставить в ней гарнизон в 80 тыс. человек. Горькие уроки, полученные русскими в Ново-Георгиевске и Ковно, привели, очевидно, к тому, что русскими не было сделано даже попытки защищать более сильный Брест-Литовск.

Несмотря на ряд затруднений, в начале августа командующий восточным фронтом приступил к штурму Ковно. Тут в нашем распоряжении из тяжелой артиллерии было всего две 42-сант. батареи, так как вся остальная наша тяжелая артиллерия была под Ново-Георгиевском. Снаряжения нам Ставка не прислала; все немногое, что у нас имелось, было результатом крайней бережливости генерала Людендорфа. Войска для штурма крепости также пришлось выкроить за счет ослабления других участков фронта. Однако уверенность войск в превосходстве над русскими была столь велика, что командование армии, в лице Эйхгорна с его начальником штаба полковником Хеллем и командиром штурмовой колонны генералом Лицманом, охотно шло на такой риск.

6 августа пехота заняла исходное положение, а 8-го числа артиллерия открыла огонь. Несмотря на сопротивление русских, генерал Лицман достиг 15-го числа линии фортов. 16-го числа одной роте удалось неожиданно прорваться на берегу Немана за эту линию; развернувшиеся здесь бои привели к тому, что 17-го генерал Лицман перешел Неман, занял город и восточные форты.

После падения западных фортов русские уже не сопротивлялись и спешно отошли к Вильне. Неманские мосты были ими, конечно, взорваны; особенно приходилось жалеть о взрыве железнодорожного моста. Напротив, железно-дорожный тоннель почти не был поврежден, так что с помощью захваченных материалов мы смогли быстро наладить подвесную передачу по направлению к Вильне, что было очень важно для успешного продолжения операции.

После взятия Ковно генерал Эйхгорн двинул войска, составлявшие его левое крыло, за Неман и по железной дороге по направлению к Вильне. Отмечу здесь одну характерную черту императорской России: между Вильной, главным городом генерал-губернаторства, и крупным городом Ковно, игравшим заметную роль и как крепость, и как промышленный центр, не было ни шоссе, ни других благоустроенных дорог.

Правое крыло своей армии, под командой генерала Гутира, генерал Эйхгорн направил на Олиту, более слабые силы — на Гродно через Августовский лес, соприкасаясь здесь с левым крылом 8-й армии.

Генерал Гутир вступил в бой с храбро защищавшимся русским арьергардом и отбросил его за Неман, взял 26 августа Олиту, перешел в конце августа Неман и двинулся дальше по направлению к Гродно — Вильна. Здесь сопротивление русских усилилось. Тем не менее генерал Гутир продолжал наступление южнее, и русские очистили Гродно. 1 сентября войска левого крыла его армии взяли юго-

западные форты, и после ожесточенных уличных боев он 2 сентября взял город.

К востоку от Гродно, около Озер, мы вновь имели с русскими жаркое дело. В это время 12-я армия, действовавшая справа от 8-й армии, достигла Свислочи, а группа принца Леопольда Баварского прошла через Беловежскую пущу.

На крайнем левом крыле, в Неманской армии, положение сложилось такое: генералу фон Белову удалось удержать, занятую в июне, линию Дубиссы, южнее Шавлей, Венты и Виндавы до высот Газенпота. В начале июля прибыли вышеупомянутые подкрепления, посланные командующим восточным фронтом. С их прибытием генерал Белов получил приказ вновь перейти в наступление с целью охватить и разбить державшегося у Шавлей противника.

Генерал Белов собрал против Шавлей 1-й резервный корпус, образовал из его левого крыла сильную ударную группу, в то время как остальной фронт был слабо защищен, и выступил в середине июля. Сильное левое крыло должно было пройти Митаву и окружить противника с севера, в то время как 1-й рез. корпус должен был напасть с юга. Эта операция опять застигла русских врасплох. Хотя они оборонялись энергично и под Ошмянами даже заставили 6-ю рез. дивизию к отступлению на запад, но нажим с юга вынудил русских прекратить наступление на 6-ю рез. дивизию и в свою очередь отступить.

17-го числа войска левого крыла разбили русских при Ауце, и в упорных многодневных боях под Шавлями вся русская 5-я армия была отброшена в направлении Поневежа. Последний был взят 29 июля, Митава — 1 августа. Даже войска слабого правого крыла перешли Дубиссу и выдвинули отряд против Ковно.

К югу от Риги русские удержались в сильном предмостном укреплении. Зато нам удалось отбросить их на

северный берег Двины между Икскюлем и Фридрихштадтом. Этим в общем была исчерпана наступательная энергия Неманской армии. Для дальнейших действий фронт ее был сильно растянут, снабжение затруднялось дурными дорогами. К тому же все резервы нашего фронта поглощены были 12-й армией Гальвица. Во всяком случае успешное наступление Неманской армии, несмотря на слабые ее силы, показывает, что если бы было предпринято наступление всеми силами на направлении Ковно — Вильна, то русские не смогли бы его отразить.

Лишь в середине августа командующему восточным фронтом разрешено было возобновить наступление на Вильну, но время для нанесения здесь русским тяжелого поражения было уже упущено и рассчитывать можно было лишь на успехи местного характера. Верховное командование предоставило нам для этой операции несколько дивизий, выделенных из войск, освободившихся под Ново-Георгиевском и из 8-й и 12-й армий. Главная же масса освободившихся резервов была направлена во Францию и Сербию.

Между тем на фронте 10-й армии на полпути к Ковно — Вильне вновь разгорелись тяжелые бои, так как русские направили на север часть сил, выведенных из Польши. Хотя против левого крыла 10-й армии, по направлению к северу, противнику и удалось сомкнуть свой фронт, все же прорыв здесь был возможен. При продвижении нашего левого крыла в направлении Вильна — Минск главной целью было отрезать жел.-дорожные пути, ведущие к тылу и флангам, а также и ж.-д. пути, ведущие через Двинск к Молодечно. Поэтому Неманской армии приказано было с началом повторного наступления 10-й армии продолжать главными своими силами наступление на Двинск, а на ж.-д. линию перед Полоцком, в особенности к узловой станции Молодечно, была брошена сильная кавалерия 10-й армии.

Переброска подкреплений продолжалась бесконечно долго, ж.-д. линия Вержболово — Ковно отличалась слабой

грузоспособностью, — ее, собственно, следовало предварительно привести в порядок, — дороги были плохи, конный состав переутомлен и изношен. Только 9 сентября можно было выступить.

Генерал Эйхгорн и его начальник штаба полковник Хелль, были полны надежд, и генерал Людендорф проникся их оптимизмом. Прорыв удался блестяще, кавалерия достигла ж.-д. линии, 1-я кав. дивизия дошла даже до Сморгони, и русские вынуждены были оставить Вильну. Однако здесь наше продвижение остановилось, — оно начато было слишком поздно. Отход русских из Польши к этому времени принял такие размеры, что теперь они могли начать переброску целых дивизий сюда с южных участков фронта.

У Сморгони 1-я кав. дивизия имела блестящее дело. Атакованная превосходными силами русских, она пыталась удержаться до подхода пехоты, но из-за плохих дорог пехота подоспела слишком поздно, и дивизия вынуждена была оставить Сморгонь. Также в районе Двинска русское командование подвезло по железной дороге много подкреплений, и Неманской армии не удалось взять Двинска. На всем фронте 10-й армии и правом крыле Неманской армии русские перешли в наступление, но их атаки повсюду были отбиты и в некоторых местах дело закончилось для нас даже выигрышем пространства.

Генерал Людендорф решил прекратить операцию ввиду невозможности достичь новых успехов. Наступление было прекращено, левый фланг 10-й армии был отведен назад, и фронт сомкнулся с группой принца Леопольда Баварского, достигшей к этому времени линии севернее Минск — Барановичи. Войска устроились на зимние квартиры на фронте Березина — Крево — оз. Нарочь — оз. Дрисвяты—Ново-Александровск — Двина. У Нароча и особенно под Двинском бои длились еще некоторое время: 1-й рез. корпус все

еще пытался захватить тет-де-пон под Двинском, но вскоре затишье наступило на всем фронте.

Австрийское командование вполне правильно усматривало опасность в том, что русский фронт находился всего в двух переходах к востоку и северо-востоку от Львова.

Генерал Гецендорф задумал поэтому наступление на Волынь из района Гомеля в надежде на прорыв неприятельской линии на участке, образующем стык между южной и юго-восточной частью русского фронта; удача дала бы возможность произвести нажим и прорвать северное крыло юго-восточного фронта и очистить всю Галицию от русских.

Наше командование согласилось с планом генерала Гецендорфа и поэтому, после падения Брест-Литовска, выделило для этой операции из группы армий генерала Макензена 4-ю и 1-ю австрийские армии. К сожалению, это начинание генерала Гецендорфа постигла обычная судьба, тяготевшая над большей частью его замыслов: идея была хороша, а аппарат неудовлетворителен. Австрийское наступление было отражено русским контр-наступлением.

С наступлением затишья кампания 1915 года для восточного фронта закончилась. Рухнул план Антанты добиться окончания войны одновременным наступлением русских войск на Карпаты и Пруссию. Русские потерпели поражение по всему фронту и понесли такие потери, от которых им не суждено уже было оправиться. Однако нанести им такое поражение, после которого они вынуждены были бы заключить мир, — не удалось. И все же я должен здесь опять подчеркнуть, что нанести такое поражение было возможно. Если бы наше верховное командование в июне 1915 г. решилось бросить на восток все свободные силы, чтобы захватить Ковно и нанести в направлении Вильна — Минск мощный удар в тыл русским армиям (находившимся еще в Польше, западнее Варшавы), то поражение русских было бы решающим для исхода войны. Прорыв

не встретил бы затруднений. Германский отряд со слабыми силами и без поддержки со стороны верховного командования взял Ковно и разбил фронт русских армий.

В составе русского верховного командования произошли перемены: уступая требованиям своей супруги, царь сместил в. к. Николая Николаевича и сам принял звание верховного главнокомандующего.

Правильность этой меры представляется сомнительной. Правда, великий князь принес в жертву огромное количество людей, но все же он был настоящим военным, умевшим поддерживать строгую дисциплину. В войсках его уважали. Высший командный состав, особенно в тылу, боялся его вследствие выработанных им строгих мероприятий, направленных на поддержание дисциплины и развитие чувства долга. Ему, может быть, удалось бы найти средства против проникновения большевистской пропаганды в войска.

Второе решение царя, — принять звание верховного главнокомандующего, — следует признать ошибкой. При современных условиях деятельность полководца полностью поглощает силы человека. Уже один недостаток времени должен помешать монарху большого государства управиться с такой ответственной задачей. Следовательно, в результате пострадает или одно или другое — управление государством или военное командование.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЕНЕРАЛ ФАЛЬКЕНГАЙН И ВОПРОС О САЛОНИКАХ.

Еще до окончания летних боев в 1915 году германское верховное командование перебросило освободившиеся на германском фронте силы на Дунай для действий против Сербии. Другая часть войск отправлена была на запад; они прибыли как раз своевременно для отражения яростного наступления Антанты.

Поход против Сербии был необходим, с одной стороны, чтобы облегчить положение Австро-Венгрии, с другой стороны, чтобы открыть свободный путь на Константинополь для защиты изнемогающего в тяжелых боях нашего турецкого союзника.

Переговоры с Болгарией были, наконец, закончены. Болгары, у которых во время второй болгарской войны сербы, греки и румыны отняли плоды их победы над турками, страстно желали получить удовлетворение и надеялись, благодаря союзу с центральными державами, его добиться и получить всю Македонию и Добруджу.

Началу похода опять предшествовало некоторое разногласие во мнениях между нашим верховным командованием и генералом Гецендорфом. Последний стремился к полному уничтожению сербской армии. Поэтому он предложил сосредоточить главные силы болгар не на Тимоке, а южнее, чтобы таким образом совершенно отрезать сербов, отброшенных к югу войсками ген. Макензена и ген. Кевеша. К сожалению, верховное наше командование отклонило это

предложение. Левое крыло генерала Макензена и правое — болгарских войск поэтому в скором времени слились. Отсюда возникли пробки и трудность в продвижении, и, в результате, части сербской армии удалось уйти.

Равным образом представляется непонятным, почему, вопреки настояниям генерала Гецендорфа, операции не были продолжены до взятия Салоник. Основание, выдвинутое ген. Фалькенгайном в противовес мнению ген. Гецендорфа, что наступление на Салоники было технически невыполнимо, не соответствует действительности. Генерал Гренер, начальник военных сообщений, посланный специально в Сербию, ясно и определенно утверждает противоположное. Нельзя также считаться с аргументом о нейтралитете Греции. Этот нейтралитет уже нарушен был высадкой войск Антанты у Салоник. Если бы мы опрокинули тогда эти войска в море, то этим мы не осложнили бы положения греков, а, напротив, облегчили бы его.

Я также не могу согласиться с генералом Людендорфом, утверждающим, что в случае падения Салоник, находившиеся там сербы, англичане и французы появились бы на западном фронте, в то время как мы на том фронте не могли использовать силы болгар; я не думаю, что выгоды от взятия Салоник как бы уравновешивались невыгодами на другом фронте.

В лагере Антанты мнения насчет того, удерживать ли предмостное укрепление под Салониками, одно время расходились, — после того как предпринятое там наступление не удалось, вследствие победы 2-й болгарской армии. Таким образом взятие Салоник могло бы привести Антанту к отказу от своих видов на болгарскую армию, которая освободилась бы и могла быть использована в другом месте. Ее можно было бы двинуть против Румынии, заставив таким образом последнюю присоединиться к центральным державам или, по крайней мере, придерживаться благожелательного нейтралитета по отношению к ним.

Таково было положение на Салоникском фронте. Оно заставляло нас все время держать войска в Македонии и привело, в конце концов, в 1918 году к окончательному поражению нашего болгарского союзника.

Ограниченная цель, которую генерал Фалькенгайн поставил себе во время сербского похода, — открыть путь к Константинополю, — была, во всяком случае, достигнута. 9 января, еще до возобновления (в середине января) железнодорожного сообщения с Константинополем, войска Антанты уже покинули Галлиполи.

Генерал Фалькенгайн дал против своей воли также согласие на план ген. Гецендорфа о захвате Черногории и Албании с целью лишить Антанту возможности использовать Черногорию, как базис для операций против Сербии. Осуществление этого плана не встретило затруднений; 11 января была взята штурмом гора Ловчен, а 30 января занято было Скутари.

Что касается русских, то они, около Рождества, опять атаковали на крайнем южном крыле германскую южную армию генерала Линзингена и 7-ю австрийскую армию генерала Пфланцер-Балтина. Генерал Линзинген отбил все атаки, но в армии генерала Пфланцер-Балтина в Буковине бои с переменным успехом затянулись до середины января. С трудом удалось этой армии удержать в общем свои позиции.

В конце октября командующий восточным фронтом переехал со штабом в Ковно.

12-я и 8-я армии во время наступления тесно сблизились. Места хватало лишь для одной 12-й армии. Она была расположена от Немана до местности севернее ж.-д. линии Гродно — Молодечно. Во главе ее, на место отбывшего в Сербию генерала Гальвица, стал генерал фон Фабек.

К северу от 12-й армии тянулись до Дисны позиции 10-й армии. Под Двинском была образована особая армия

с генералом Шольцем во главе, раньше командовавшим 8-й армией. К ней примыкала Неманская армия генерала фон Белова.

Чтобы сохранить наименование 8-й армии, тесно связанной с боями в Восточной Пруссии, особенно с битвой при Танненберге, Неманская армия была переименована в 8-ю армию, тем более что название «Неманская» к тому же и не соответствовало теперешнему ее положению. К югу от участка, занимаемого командующим восточным фронтом, была расположена в районе Минска группа войск принца Леопольда Баварского. Отсюда начинался австрийский фронт с группой войск генерала Линзингена на своем левом крыле.

По окончании боев все силы были приложены к созданию укрепленных позиций. Одновременно шла постройка тыловых дорог, прежде всего рельсовых путей. Параллельно с этим генерал Людендорф создал достойный удивления административный аппарат при штабе восточного фронта.

Так как русские во время отступления увели с собой всю местную администрацию, то пришлось организовать ее заново. Это затруднение уравновесилось той выгодой, что новые власти не встречали затруднений со стороны старых. Район хозяйственной деятельности фронта распространялся далее к югу, захватывая тыловой участок группы армии принца Леопольда до Беловежской пущи. Образцовые лесные заводы там были созданы старшим лесничим Эшерихом, ставшим после войны широко известным во многих общественных кругах [1]).

Мне лично с административными управлениями не приходилось иметь дела, и поэтому я, по окончании боев, использовал свой досуг для об'езда линии фронта с целью ее детального изучения. Я посетил при этом все важнейшие

---

[1]) Создатель известного германского «отечественного» союза под названием «Оргеш» (Organisation Esherich). Прим. перев.

участки фронта. Везде беседовал в окопах с солдатами. Таким путем удавалось получить порой самые лучшие указания, ознакомиться с нуждами и заботами солдат и дать необходимые распоряжения. Полезна была и личная беседа с командирами всех рангов. Так, например, когда я посетил Неманскую армию, впервые был затронут вопрос о взятии рижского тет-де-пона. Генерал фон Белов указал мне место переправы у Икскюля, и он первый начал обсуждать эту операцию, осуществить которую мы, к сожалению, весной 1916 г. не могли. Это удалось лишь в августе 1917 г.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВЕРДЕН ВМЕСТО ИТАЛИИ.

В 1915 г. ни на одном фронте кровопролитные сражения не привели к окончанию войны. Мы укрепили свои позиции на западе, а на востоке добились больших успехов.

Германское верховное командование не стало искать на востоке развязки, вполне там возможной, по моему мнению.

Австрийцы до сих пор начисто отразили итальянские атаки и обеспечили себе тыл в результате поражения сербов. Чувство уверенности в себе окрепло у австрийцев после событий на русском фронте, а в особенности же от того, что слабой армии Пфланцер-Балтина удалось без нашей помощи удержаться против русских.

Перед нашим и австрийским командованием вставал вопрос о том, как вести боевые операции в 1916 году.

Генерал Гецендорф уже в декабре 1915 г. обращался к германскому верховному командованию с просьбой перебросить девять дивизий в Галицию, чтобы таким путем освободить соответствующее число австрийских дивизий. Эти последние он хотел двинуть на итальянский фронт для решительного наступления на Италию. Генерал Фалькенгайн отклонил эту просьбу.

Германское командование было того мнения, что наступление на Италию, даже тяжелое поражение итальянцев, неспособно оказать значительного влияния на ход войны. С другой стороны, оно не чувствовало себя в силах самостоятельно провести решительную операцию на каком-нибудь ином фронте, что признает и генерал Фалькенгайн в своей

книге. Поскольку рассуждения Фалькенгайна касаются того, что мы численно и материально не в силах были начать наступление и прорыв на каком-либо фронте, постольку с этими рассуждениями можно согласиться. На восточном фронте, как выше было сказано, была упущена последняя возможность. Пока значительные германские силы заняты были на востоке, невозможно было на западе собрать столько резервов, чтобы можно было попытаться начать прорыв в большом масштабе.

К решению, принятому генералом Фалькенгайном на основе всего этого, — атаковать сильнейшего противника, т.-е. французов, под Верденом, — я не могу присоединиться. Правда, французы не могли отдать, по соображениям престижа, этой крепости; они вынуждены были для защиты ее использовать все свободные силы. Но нападать на них лишь с целью нанесения урона, не имея в виду добиться развязки, было в корне ошибочно. Злосчастная верденская операция стоила французам больших потерь, но и наши были очень тяжелы, и, в конце концов, французы все же правильно считают дело под Верденом своей победой. Операции с ограниченными целями можно тогда лишь предпринимать, когда есть уверенность в их успешном результате, а ведь Верден мог закончиться для Германии успехом лишь тогда, когда взята была бы сама крепость.

Трагичным здесь, как и во многих других случаях этой войны, является то, что нападение могло бы все-таки закончиться для нас успехом, если бы оно было правильно начато, т.-е. по обоим берегам Мааса. Атака на одном лишь восточном берегу Мааса должна была потерпеть неудачу в тот момент, когда она попадала под фланговый огонь с другого берега. Сначала французы готовы были под нашим напором очистить восточный берег. Но когда атака 3-го корпуса приостановилась под огнем с западного берега, они оставили это намерение.

Я не знаю, какие основания имелись против атаки одновременно на обоих берегах, — если потому, что нехватало войск вообще, то тогда не следовало начинать всей операции. Я не согласен с генералом Фалькенгайном, — предложения генерала Гецендорфа я бы не отклонил. Если на главных фронтах был невозможен решительный удар, то я провел бы операцию в Италии, на второстепенном театре войны, но зато в большом масштабе.

Соединение задуманного генералом Гецендорфом нападения с линии Арсьеро — Азиаго с одновременным нападением со стороны Тольмейн—Флич привело бы, судя по достигнутым 11-й германской армией в 1917 г. результатам, к решительному поражению итальянцев. Нельзя, конечно, безусловно утверждать, что такое поражение заставило бы итальянцев просить мира, но начало внутренних беспорядков могло бы, несмотря на давление, оказываемое Англией на свою союзницу, привести к этому. Если бы удалось довести наступление до линии Генуя — Венеция, то последствия этого были бы весьма значительны не только для Италии, но и для французского театра войны. В нанесении тяжкого удара Италии заинтересована была, конечно, больше всего Австро-Венгрия, но ведь мы были спаяны на жизнь и смерть с двуединой монархией, — одна только брань по поводу безуспешных усилий союзных войск все равно ни к чему не вела, — напротив, мы должны были пытаться поднять уверенность в себе и престиж австрийских войск.

Предпосылкой для большого наступления на Италию являлась бы, понятно, уверенность в том, что на русском и французском фронтах положение будет удержано, так как в этом случае приходилось считаться с большими контрнаступлениями Антанты. Беспокойство внушал бы прежде всего австрийский участок восточного фронта.

В качестве первой меры предосторожности следовало бы подчинить весь восточный фронт до Карпат германскому

командованию, как все равно это и пришлось сделать в 1916 г. Таким путем командующий этим фронтом получил бы возможность вставить в важнейших пунктах австрийского расположения германские скрепы и так распределить позади всего фронта свои немногочисленные резервы, чтобы оказаться везде в состоянии своевременно выступить на поддержку.

Неожиданным для нас за всю войну было лишь одно русское нападение — на р. Аа зимой 1916—17 г., — в остальном же сосредоточение русских войск для какой-либо цели всегда обнаруживалось из телеграмм штабных радио-станций, сообщавших, при перемещениях, новое местонахождение частей.

Конечно, такое расширение полномочий командующего восточным фронтом было бы для австрийцев нежелательным. Сначала проект, наверно, натолкнулся бы на сопротивление; его осуществление в 1916 г. последовало ведь под гнетом обстоятельств. Но если бы генералу Гецендорфу было указано, что лишь при этом условии возможна была бы германская помощь для наступления против Италии, и что таким путем он мог бы нанести этому наследственному врагу уничтожающий удар, то он дал бы столковаться с собой в вопросах о командных полномочиях.

При тогдашних обстоятельствах зависть Фалькенгайна к Гинденбургу и Людендорфу гораздо более препятствовала бы, наверно, расширению полномочий обоих этих генералов, чем колебания по этому же поводу Гецендорфа.

На деле между генералом Гецендорфом и генералом Фалькенгайном вообще не последовало обмена мнений о намечаемой операции, несмотря на настоятельную в этом необходимость. Когда генерал Гецендорф просил германской поддержки, то, разумеется, он всегда сообщал о своих итальянских намерениях. Генерал же Фалькенгайн оставлял

своего союзника в полном неведении относительно своих планов.

Атака на Верден немедленно вызвала контр-наступления Антанты на других фронтах. Итальянцы безуспешно—в пятый раз — атаковали на Изонцо, а русские начали крупное наступление на восточном фронте.

Предпринятая ими во второй половине марта атака была проведена в большом масштабе и с таким расходом снарядов, какого мы до сих пор на восточном фронте не знавали. Приходится думать поэтому, что предприятие это было задумано не только как контр-наступление, но именно как попытка прорыва в рамках большого наступления Антанты 1916 года, только начатое в качестве контр-наступления повидимому, несколько раньше, чем это предполагалось. Не будь этого побуждения, русские не начали бы наступления в марте, когда в той местности еще царит столь известное бездорожье. Под таким бездорожьем в России понимают время таянья колоссальных масс снега, на целые недели прерывающее всякое сообщение, кроме как по шоссейным дорогам, сеть которых в России очень редка.

Участок для наступления был хорошо выбран: главный удар последовал, с одной стороны, между озерами Вишнев и Нароч, с другой стороны, у Поставов. Двойной напор должен был охватить и опрокинуть 21-й германский корпус и таким путем осуществить широкий прорыв на Вильна — Ковно. Подсобные атаки имели место южнее Двинска, под Видзами, под самим Двинском и у Якобштадта. Атака открыта была 15 марта ураганным огнем невиданной на нашем фронте силы.

С 18 по 21 марта и затем еще раз 26-го длились пехотные атаки, веденные, как всегда, смело и настойчиво, несмотря на тяжелые потери.

Между обоими озерами был, к сожалению, опрокинут один баденский резервный полк; временно на этом участке

положение было критическое, но затем 10-й армии удалось перехватить прорыв и остановить его. Все прочие атаки были отражены с тягчайшими для русских потерями.

Доблесть наших немногочисленных войск, как всегда, была достойна удивления. Были, конечно, некоторые опасные моменты, напр., под Поставами, но без этого битвы не бывает. В конце марта атаки затихли. За исключением небольшого участка у озера Нароч — позиции были нами удержаны.

В начале апреля на всем фронте наступило спокойствие, а в конце апреля мы возвратили утерянный участок у озера Нароч. Эта операция, искусно подготовленная 10-й армией в артиллерийском отношении, стала образцом для всех таких наших операций на восточном фронте. Артиллерийская подготовка выполнена была подполковником Брухмюллером, начальником артиллерии одной ландверной дивизии. Этот артиллерист, ставший потом известным не только на нашем фронте, но и во всех наших армиях, тут впервые себя проявил.

Я считаю Брухмюллера своего рода артиллерийским гением. Ни у какого другого артиллериста не видал я такого дара инстинктивного понимания того, сколько следует бросить снарядов на каждый отдельный пункт позиции для подготовки ее к штурму. Войска тоже скоро подметили, что атака, подготовленная огнем Брухмюллера, всегда бывает верным делом, и с полной уверенностью шли в бой, подготовленный Брухмюллером и его помощниками.

Из поступивших сведений видно было, что русское командование, несмотря на неудачу наступления у Нароч — Поставы, готовится к наступательному движению против нашего восточного фронта. Сведения сообщали об особенно крупных скоплениях войск у Сморгони, Двинска и рижского тет-де-пона. Верховное командование предоставило в распоряжение нашего фронта несколько дивизий, которые мы, присоединив наши собственные резервы, распределили

в пунктах ожидавшихся нападений. Таким образом, мы с уверенностью ожидали продолжения русского наступления.

Конечно, командующий восточным фронтом хотел бы предупредить русское наступление контр-наступлением. Всего выгоднее было бы для нас наступление на Ригу. Этого, однако, мы не могли выполнить своими собственными силами; вышеупомянутых резервов, полученных от верховного командования, в данном случае также нехватило бы. Численный перевес русских был слишком велик. Рижский тет-де-пон был самым чувствительным местом для всего нашего фронта. Если бы русским удалась сильная атака от тет-де-пона, примерно, в направлении на Митаву, то весь наш восточный фронт должен был бы отойти назад.

Поэтому в качестве маневра против такой русской атаки приступлено было к выполнению идеи перехода через Двину у Икскюля, предложенной генералом Отто фон Беловым. Если бы верховное командование оказалось в состоянии предоставить нам шесть дивизий, то идею эту можно бы было осуществить во всем об'еме. Этот план открывал возможность не только захватить рижский тет-де-пон, но и нанести русским вообще тяжелое поражение. Если бы удалось внезапно форсировать Двину у Икскюля и пробиться к северу до моря, то русские в рижском предмостном укреплении были бы отрезаны. Падение Риги имело бы большое моральное значение; наш фронт от Икскюля до Рижского залива стал бы значительно короче. Подкреплений нам понадобилось бы при этом только на время; они скоро освободились бы, и, мало того, командующий восточным фронтом сам смог бы сберечь часть собственных сил вследствие сокращения фронта.

С другой стороны, русские для парирования этого удара были бы вынуждены подтянуть сюда резервы, и таким образом у них отнята была бы возможность в ближайшее время возобновить наступление на восточном фронте.

Конечно, взятие Риги не означало бы конца кампании, но это было бы блестящим, подымающим настроение успехом, которого, повидимому, можно было бы достичь с малыми потерями и который ускорил бы окончательное поражение русских.

В конце мая кайзер с генералом Фальгенгайном прибыли в Ковно для об'езда местностей, занятых восточным фронтом. Командующий доложил кайзеру план рижской операции и просил о предоставлении необходимых для этого шести дивизий. К сожалению, кайзер должен был отклонить эту просьбу. Генерал Фалькенгайн заявил, что все войска ему нужны под Верденом. Верденская операция, по его словам, является большим успехом, и можно ожидать, что большая часть французских армий, если бои будут продолжаться, будет стерта в порошок в этой верденской мельнице.

Генерал Людендорф и я держались иного мнения, однако наши возражения не смогли изменить принятого решения.

Трудно сказать, было ли в состоянии верховное командование предоставить нам просимые шесть дивизий. Я думаю, что да, так как во время крушения австрийского фронта оно вынуждено было, несколько недель спустя, дать для поддержки последнего почти столько же дивизий.

В течение мая на западном фронте под Верденом продолжались битвы на взаимное истощение. В других пунктах, как на западном, так и на восточном фронте, царило спокойствие. Только в Месопотамии в конце апреля продолжались бои вслед за взятием турками Кут-Эль-Амары.

15 мая генерал Гецендорф начал свое наступление в Италии. Из-за плохой погоды его начала пришлось выжидать целые недели. В мощном порыве армия эрцгерцога Евгения ринулась вперед с линии Роверето — Триент, опрокинула итальянцев с гор и прорвала итальянский фронт в районе Арсьеро — Азиаго. В конце мая эта армия сража-

лась за последние горные перевалы, запиравшие выходы в долину и упорно защищавшиеся итальянцами.

Овладение выходами из гор было вопросом уже нескольких дней или даже часов.

В штабе восточного фронта мы обсуждали с находившимся у нас для связи австрийским штаб-офицером ближайшие возможности этого наступления, как вдруг 4 июня последовал на южном участке восточного фронта крупный удар против австрийских армий, изменивший собой в общем до сих пор благоприятную для нас картину 1916 года.

Как это явствует из статьи полковника Блоуда в «Quarterly Review» (октябрь 1920 г.), Антанта замыслила общее наступление летом 1916 г. против германских армий, которое должно было начаться на западе боями на р. Сомме, а на востоке на линии Барановичи — Сморгонь.

Главный удар в этом месте должен был быть поддержан другими ударами как у Риги, так и у Луцка, Тарнополя и на Днестре. Как уже выше было сказано, все русские приготовления и сборы были нами верно разгаданы.

Наступление австрийцев на итальянском фронте ускорило, по просьбе Италии, русское контр-наступление на австрийском фронте, при чем русские неожиданно для себя одержали самую блестящую победу, которую они только имели за всю войну.

Русские численно немногим превосходили австрийцев; не проведя особенно большой артиллерийской подготовки, даже не сосредоточив в каком-нибудь пункте сил для удара, они начали наступление под Луцком против 4-й и в Буковине против 7-й австрийских армий. Обе эти армии, не оказав никакого серьезного сопротивления, стали безудержно отходить. В особенности отход 4-й армии скоро принял характер панического бегства. К сожалению, и генерал Линзинген и начальник его штаба Штольцман оказались не

на высоте задачи. Их действия были неудачны, и оба они несут большую долю ответственности за размеры поражения.

7 июня русские взяли Луцк, а 13-го их авангарды достигли Стохода, юго-восточнее Ковеля. В первые три дня свыше 200.000 австрийцев попали в плен. Неожиданный успех побудил русских к изменению первоначального плана. Они отказались от задуманного наступления против нас, на успех которого они после мартовской неудачи под Поставами особенно, конечно, и не надеялись, и стали постепенно перебрасывать войска на юг для развития достигнутого там успеха. Решение это понятно, но оправдать его нельзя. Напротив, если бы русские решительно атаковали теперь же, не считаясь с потерями, наш фронт, то мы лишились бы возможности поддержать наших союзников, а без этой нашей поддержки наступивший кризис превратился бы, вероятно, в окончательное поражение австрийских армий.

Поддержка с нашей стороны могла бы быть более энергичной, если бы командование всеми силами восточного фронта было бы сосредоточено в одних руках. Хотя личные отношения между штабами группы армий принца Леопольда Баварского и штабом отряда Войрша в лице полковника Хейса были отменно хорошими, а действия всегда согласованными, тем не менее возникали всяческие затруднения, вызванные требованием верховного командования, чтобы группы армий сносились друг с другом через его посредство.

При первом донесении о крушении 4-й австрийской армии командующий восточным фронтом распорядился держать наготове несколько дивизий для отправки на юг, хотя в это время еще следовало считаться с возможностью русского сильного наступления на нас самих. Те же меры были приняты и группой армий принца Леопольда Баварского.

Отправленных войск, конечно, нехватило. Верховное командование сочло себя вынужденным отправить значи-

тельные силы с западного фронта на поддержку союзника. Наступила, следовательно, уже много раз наблюдавшаяся картина. Если бы верховное командование предоставило нам в свое время нужные шесть дивизий для взятия рижского тетде-пона, то, вероятно, русское наступление не состоялось бы, и лето 1916 г. закончилось бы на восточном фронте большим для нас успехом. Теперь же верховное командование вынуждено было затратить те же шесть дивизий для устранения тяжкого несчастья, грозившего целости всего нашего фронта.

Не легко было решиться на переброску крупных сил с запада, когда, по всем данным, там был близок переход в наступление Антанты на р. Сомме, но делать было нечего.

Генерал Гецендорф немедленно приостановил наступление в Италии и начал переброску сил оттуда на восток. Надо было прежде всего перехватить прорыв у Луцка.

Верховное командование попыталось при помощи прибывших подкреплений задержать отход австрийских войск, однако сила сопротивления австрийской армии была слишком подорвана. Прибывшие германские части сначала были вовлечены в отступление.

При помощи новых подкреплений удалось все же создать фронт на Стоходе и приостановить русское преследование. Прибывшие затем войска соединились в районе Киселина с остатками 4-й австрийской армии, образовали к югу от него в районе Горохова более сильную ударную группу и перешли отсюда в наступление. Так как вследствие слабо развитой сети железных дорог подкрепления поступали очень медленно, и так как критическое положение не давало возможности выжидать, то пришлось начать наступление с недостаточными силами, и решительного успеха не последовало. Но все же русское продвижение здесь приостановилось. Благоприятным для нас было то, что русское наступление было предпринято без подготовки, не имело

за собой сильных резервов и вследствие этого, встретив, наконец, сопротивление, должно было остановиться.

Подобным же образом, хотя и не столь уже трагично как в 4-й армии, развивались события в 7-й австрийской армии в Буковине. Фронт армии был прорван в нескольких местах, русские взяли Черновицы и в конце июля достигли линии Днестр — Коломыя — Кимполунг. Линия австрийского фронта, занимавшего до русского наступления короткий участок между румынской границей, восточней Черновиц, и Днестром, оказалась, вследствие отхода, сильно растянутой. По причине плохих путей сообщений подкрепления подходили медленно, хотя как с нашей, так и с австрийской стороны делалось все возможное. По счастью, русские также страдали от плохих путей сообщения. Их атака не была подготовлена и не обладала необходимыми резервами для развития успеха.

13 июня русские начали сильные атаки под Барановичами против отряда Войрша. Несколько дней длилось напряженное положение. За исключением небольшого прорыва на участке одной австрийской дивизии, этому отряду в общем удалось начисто отразить все атаки. Однако при этом он израсходовал последние свои резервы. Равным образом и командующий восточным фронтом вынужден был дать уже последние свои резервы. Он шел при этом, конечно, на известный риск, так как русские на его фронте, несмотря на переброску сил на юг, все же были достаточно сильны для перехода в наступление. И, действительно, русские начали атаки против восточного фронта у озера Нароч, Двинска, Фридрихштадта и у рижского тет-де-пона. Большинство атак было демонстративного характера, и их удалось легко отразить. Они предприняты были с целью замаскировать переброску русских войск на юг и для воспрепятствования такой же переброске с нашей стороны. Только под Ригой бои были тяжелые, — там русским удалось сильным

8*

ударом выиграть пространство. Благодаря доблести наших войск и хорошему командованию 8-й армии положение здесь было скоро восстановлено.

Переброска с восточного фронта на юг русских резервов придала новый импульс наступлению фронта генерала Брусилова. Выигранное путём германских контр-атак пространство в районе Луцка было опять частично утеряно. Командующий 2-й австрийской армией генерал Бем-Ермолли был вынужден отвести левое крыло и центр своей армии на галицийскую границу. Атака русских на линии р. Стырь, севернее Луцка, также имела успех. Австрийские войска здесь тоже отступили. Генерал Линзинген принужден был отвести свое левое крыло за Стоход. Правое крыло группы армий принца Леопольда Баварского вынуждено было, южнее Припяти, последовать за этим движением.

Создалось серьезное положение для всего восточного фронта. Более всего беспокоила нас неустойчивость фронта нашего союзника. Не было уверенности в том, что он удержится против русских атак. Мы собрали последние резервы, ослабили спокойные участки фронта и таким путем создали несколько полков. Таким путем мы были в состоянии дать немного подкреплений ген. Линзингену под Ковелем и облегчить ему возможность удержать линии Стохода. Последнее удалось и этим самым самый опасный момент был преодолен. Командующий южной германской армией граф Ботмер, — у него начальником штаба был необычайно талантливый полковник фон Хеммер, — принужден был в начале июня, вследствие полного расстройства союзника, отвести назад, к югу от Днестра, свое правое крыло, но зато на этой новой позиции он с обычным успехом отразил все русские атаки.

Последние события показали нецелесообразную организацию командных функций, а также и необходимость теснее слить оба союзных фронта. Везде, где стояли германские

части или где австрийские войска хотя бы прослоены были германскими отрядами, русские атаки были отбиты и фронт удержан. Там же, где наш союзник оставался один, ему приходилось отступать. На все это командующий восточным фронтом указывал уже раньше.

В конце июня фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф были вызваны в ставку. Там они опять указали на необходимость твердого единства командования на всем восточном фронте, так как лишь при этом условии можно будет обойтись с наименьшими резервами. Равным образом они предложили в еще большей степени прослоить австрийский фронт германскими войсками. С этой целью предлагалось отправить слабые австрийские дивизии на спокойные участки нашего восточного фронта и таким путем освободить несколько германских дивизий для нужд австрийского фронта. Генералам не удалось провести свои предложения о едином командовании на всем фронте до Карпат. Как это сообщает генерал Фалькенгайн в своей книге, он такого вопроса перед австрийцами вовсе не ставил. Он стремился создать особое германское командование во главе с генералом Макензеном на южной половине восточного фронта. Такое раздвоение командования на этом фронте, конечно, пользы делу принесло бы мало.

Использование австрийских дивизий на восточном фронте начато было пока в ограниченных размерах. Одна потрепанная пехотная дивизия перемещена была в район озера Нароч и вместо нее генералу Линзингену передана была 10-я ландверная дивизия.

В конце июля фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф вновь были вызваны в Ставку. Тяжелое положение на восточном фронте требовало решительных мер. Падение г. Броды, сведения о чем только что поступили, особенно побуждало отказаться от всех мелких соображений. Правда, и в этом случае еще не решились довести дело до конца

и распространить власть командующего восточным фронтом на все вооруженные силы до Карпат, а ограничились лишь тем, что под его командование отошел участок южнее г. Броды, включая группу армий Бем-Ермолли.

Армии: генерала Пфланцер-Балтина, 3-я австрийская и южная составили новую группу войск под начальством эрцгерцога Карла. Ему был дан в качестве начальника штаба германский генерал Зеект.

Хотя все эти изменения и были лишь полумерой, все же они являлись шагом вперед.

Прежде всего командующий восточным фронтом предпринял об'езд подчиненных ему армий, чтобы ознакомиться на месте с положением дел. Командование 10-й и 8-й армиями вверено было генералу Эйхгорну на правах командующего группой армий с сохранением за ним же командования 17-й армией и с оставлением его штаба попрежнему в Вильне. 12-я армия перечислена была в группу армий принца Леопольда Баварского.

Но прежде чем дело дошло до личных переговоров с командующим южной частью восточного фронта, вновь начались русские наступления по всему фронту. 25 и 27 июля последовали русские массовые атаки под Барановичами, но они были отбиты. На фронте войск у генерала Линзингена на Стоходе бои продолжались непрерывно. С 28 июля по 1 августа последовали и там сильные атаки, имевшие целью, не считаясь с потерями, прорвать фронт. В некоторых пунктах положение стало угрожающим. Но в общем линия фронта была удержана. Атаки распространились также на отряд генерала Гронау, примыкавший к северному крылу группы войск генерала Линзингена, но они были решительно отбиты. Можно было предположить, что атаки продолжены будут и далее к югу против группы войск генерала Бем-Ермолли и против войск эрцгерцога

Карла. Соответственно этому настроение штабов, в которых нам удалось побывать, было очень серьезно.

Генерал Людендорф, при перенесении штаба из Ковно в другой пункт, более удобный в новых условиях командования, взял с собой лишь чисто-военное управление штаба, с которым временно и устроился в Брест-Литовске.

В смысле местоположения Брест-Литовск был самым подходящим местом, однако город был совершенно выжжен, и квартир там не было для помещения в нем всего штаба командующего восточным фронтом. В сущности уцелели только офицерские квартиры в цитадели Брест-Литовска. Они были загрязнены и запущены, однако их можно было в короткий срок вновь привести в годное для жилья состояние. Жилая площадь могла вместить лишь чисто военную часть штаба, хозяйственная же часть штаба должна была оставаться в Ковно. Пока шли необходимые работы по очистке помещений, мы жили на вокзале в Брест-Литовске в нашем поезде. 3 августа генерал Гинденбург, генерал Людендорф и я поехали из Брест-Литовска к генералу Линзингену в Ковель, на следующий день во Владимир-Волынский в 4-ю австрийскую армию генерала Терчанского, а затем во Львов к командующему 2-й австрийской армией генералу Бем-Ермолли.

Возвращаясь в Брест-Литовск, мы, кроме того, повидались с генералами Марвицем и Лицманом, командовавшими смешанными германо-австрийскими отрядами в группе армий генерала Линзингена. Оба эти германские генералы нашли положение весьма серьезным. На фронтах было мало войск, ожидались сильные русские атаки, на большинство австрийских войск нельзя было положиться; однако везде чувствовалось твердое желание и уверенность, что удастся продержаться до конца.

Мнения австрийских офицеров не могли окрасить в розовый цвет эту картину. В особенности генерал Терчанский

откровенно признавался, что его войска утратили моральную устойчивость и едва ли окажутся в состоянии выдержать сильный русский натиск. Столь же неутешительную картину о положении дел в армиях эрцгерцога Карла нарисовал и генерал Зеект, прибывший по вызову Людендорфа во Львов. Несколько более спокойно высказался Бем-Ермолли, но в общем все сходились в одном, — в требовании германских войск для еще большей прослойки австрийских частей.

В этом отношении командующий восточным фронтом пока мало чем мог помочь. Сильные русские атаки под Ригой были, правда, отбиты, но нельзя было предвидеть того, будут ли они продолжаться или нет.

Как выше было сказано, Рига была самым чувствительным местом северного фронта. Если бы русским удалось здесь сделать прорыв, то весь фронт отошел бы назад. Поэтому мы не могли отдать 1-й ландверной дивизии, имевшейся у нас там в запасе. С великим трудом удалось нам взять с других участков три батальона, один дивизион артиллерии и кавалерийскую бригаду усиленного состава. Из этих батальонов и дивизиона артиллерии составился резерв под начальством генерала Мелиора.

Этот отряд был обещан Людендорфом при переговорах во Львове 2-й австрийской армии. Таким образом у командующего восточным фронтом теперь оставалась на всем пространстве от Риги до Львова одна лишь кавалерийская бригада в качестве резерва. Впоследствии она тоже была передана 2-й австрийской армии.

Наше верховное командование имело еще три дивизии, взятые с западного фронта и заново сформированные[1]). Они им были предназначены для восточного фронта. Кроме того,

---

[1]) И составлявшие так наз. резерв верховного командования.

Прим. перев.

имелся еще турецкий корпус, предоставленный Энвер-пашой. На прибытие в скорости этого корпуса нельзя было, впрочем, рассчитывать, так как для его доставки имелся лишь один поезд в сутки. Впоследствии корпус был влит в армию графа Ботмера и в рядах ее он сражался отменно хорошо.

Нам очень хотелось получить в свое распоряжение те три дивизии. Генерал Людендорф усиленно просил о скорейшей их присылке. К сожалению, верховное командование несколько дней колебалось, и вследствие этого наш фронт не в силах был предотвратить вновь последовавшее несчастье в армии Бем-Ермолли.

За это время русское командование убедилось в невозможности прорвать германские линии и поэтому возобновило свои атаки лишь южнее Припяти. С 8 по 10 августа группа Линзингена и отряд Гронау вновь были сильно атакованы. В общем, атаки были отбиты, однако русским удалось закрепиться на западном берегу Стохода у Тоболов и Киселина. Одновременно с этим последовали русские атаки против 2-й австрийской армии и группы эрцгерцога Карла. Правое крыло 2-й армии было прорвано, и поэтому армия должна была бросить позиции по р. Серету. Лишь теперь верховное командование предоставило в наше распоряжение две из тех трех дивизий, которые и были введены здесь в дело под командой генерала Эбена. Им удалось задержать под Зборовым отступление австрийских войск и в тяжелых боях закрепить их положение. Отряд Мелнора был уже раньше введен здесь в дело.

К сожалению, русские имели успех и против войск эрцгерцога Карла. Они прорвались под Тлумачём и взяли Надворную и Станиславов. Генерал Ботмер с своей южной армией, до сих пор отбивавший все русские атаки, вынужден был теперь отойти за Золотую Липу, вследствие отхода австрийцев на обоих его флангах. Впечатление от поражения австрийцев вблизи румынской границы было так велико, что

последние колебания Румынии в вопросе о вступлении ее в ряды наших врагов должны были теперь исчезнуть. Поведение Румынии с каждым днем становилось все подозрительнее, — следовало с часу на час ожидать ее выступления.

После нашей поездки по армиям восточного фронта мы прожили еще несколько дней в поезде, а затем переселились в середине августа в цитадель Брест-Литовска. Когда я разложил мой чемодан, я и не подумал, что мне придется прожить здесь два года. Работа, лежавшая на нас в штабе, была в то время огромна. Генерал Людендорф не ограничился одним лишь тактическим руководством на востоке, но и задался целью поднять боевую подготовку в австрийских армиях и принялся за работу с обычной энергией.

29 августа я должен был с'ездить по делам службы в Восточную Пруссию. Перед самым моим от'ездом из Бреста, к нам телефонировал начальник военного кабинета кайзера, барон Линкер, и пригласил фельдмаршала и Людендорфа в Ставку. В связи с этим я думал было не ехать, но, так как отсутствие мое должно было длиться одни сутки, я все-таки уехал.

В Инстербурге я получил известие, что фельдмаршал Гинденбург назначен начальником штаба, а генерал Людендорф первым генерал-квартирмейстером. Новым командующим на восточном фронте назначен был принц Леопольд Баварский, а начальником его штаба я.

Этим закончился 2-летний период моей совместной работы с генералом Людендорфом, — период, богатый трудами и заботами, но и успехами. За все это время не бывало диссонанса в нашей совместной работе, и я верил и надеялся, что дружба, создавшаяся между нами за время тяжких испытаний, не ослабнет.

Часто выдвигалось утверждение, будто я ставил генералу Людендорфу в вину то, что он не взял меня с собой в Ставку. Я решительно возражаю против такой сплетни. Я не могу,

конечно, утверждать, что для дела было бы полезнее, если бы наша дружеская связь, длившаяся без трений два года, была бы продолжена. Понятно, что лично для меня назначение начальником штаба восточного фронта было большим отличием и повышением. Ведь этим мне был дан пост с самостоятельной ответственной работой.

Впрочем, моё новое блестящее звание чуть было не закончилось очень скоро. Специальный поезд, с которым я 29-го отправился из Восточной Пруссии в Брест-Литовск, налетел, к северу от Белостока, по оплошности машиниста на поезд с уволенными в отпуск. Много людей было ранено, да и сам я получил несколько ушибов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО БЕЗ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ И ПОДВОДНАЯ ВОЙНА БЕЗ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК.

Прежде, чем я начну в качестве начальника штаба новую главу моих воспоминаний, мне хотелось бы коротко коснуться двух вопросов, на развитие и решение которых я не имел никакого влияния, но которые часто обсуждались в штабе командующего фронтом, особенно, когда к нам приезжали политики и государственные деятели, или люди, считавшие себя таковыми, это — польский вопрос и вопрос о подводной войне.

Кому первому пришла злосчастная идея о создании польского королевства, — я не знаю; но думаю, что барону Буриану, который ведь подписал окончательное соглашение об этом с рейхсканцлером Бетман-Гольвегом. Эта была глупая идея, — она отнимала у царя всякую возможность заключения сепаратного мира, — и совершенно лишняя. У центральных держав не было ни малейшего повода поднимать этот вопрос. Уже создание нами Варшавского генерал-губернаторства и Люблинского генерал-губернаторства австрийцами и, следовательно, подчеркивание особого положения этих отнятых у России польских областей, было ошибкой. Было бы лучше поступить с этими областями так же, как и с другими частями русского государства, занятыми союзными войсками, т.-е. просто сделать из них этапный тыловой район для соответствующих армий.

Генерал Людендорф неоднократно беседовал со мной об идее создания польского королевства; он говорил, что на вопросы по этому поводу он отвечал, что может согласиться на этот план лишь при условии, если поляки выставят вспомогательную армию для центральных держав, численностью вначале не менее четырех дивизий. Я, правда, относился скептически к польским вспомогательным войскам, но в то время мы были так бедны резервами, что, с чисто-военной точки зрения, следовало с радостью приветствовать всякую возможность их увеличения.

Недопустимо было, чтобы численно такой большой народ, как поляки, предоставил бы другим завоевывать для него самостоятельность и свободу, не жертвуя ничем со своей стороны. Положение получилось бы недостойное, и невозможность согласиться с ним также говорила в пользу создания польского войска. Как известно, мы, солдаты, ошиблись в наших расчетах на польское войско, а политики не выставили военных требований в качестве необходимых предварительных условий для политических переговоров.

Что же касается вопроса о подводных лодках, то для здравомыслящего человека не может быть сомнений в том, что в борьбе за существование Германии мы имели право и даже были обязаны начать беспощадную подводную войну. Смешно говорить о бесчеловечности и тому подобном, когда Англия начала с того, что об'явила голодную блокаду против немецких женщин и детей. Германия не имела никакой возможности избежать последствий блокады. Напротив, американцы ведь не испытывали никакой необходимости предпринимать свои увеселительные поездки непременно в немецкую заградительную зону.

У меня с самого начала было лишь одно сомнение, что не слишком ли рано мы начнем подводную войну, что у нас еще слишком мало подводных лодок для того, чтобы активно вести эту войну. Мне часто вспоминается мой спор в Ковно

по этому вопросу с председателем союза сельских хозяев, д-ром Резике, приехавшим навестить фельдмаршала фон Гинденбурга. В течение спора он делал мне тягчайшие упреки, напр., в недостаточной любви к отечеству и т. д., всякий раз как я высказывал опасения по поводу немедленного и беспощадного начала подводной войны.

Последующие события показали, что я был прав. Мы начали слишком рано, т.-е. со слишком незначительным числом подводных лодок, и получилась приблизительно такая же картина, как и с газами. Мы показали противнику, каким опасным оружием мы владели в то время, когда оружие это еще не было достаточно могущественным для того, чтобы не дать противнику возможности принять необходимые меры защиты. Я не сомневаюсь в том, что подводная война могла бы иметь решительный успех, если бы мы заранее, т.-е. с самого начала войны, употребили бы все силы, бывшие в нашем распоряжении, на ускоренную массовую постройку подводных лодок.

Как бы там ни было, но если морское ведомство решило не рисковать флотом, ввязываясь в решительные бои, — как адмирал Тирпитц говорит в своей книге, — то постройка новых линейных судов во время войны была бесполезна.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

НОВОЕ СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

30 августа я принял дела в качестве начальника штаба восточного фронта. В качестве кандидатов на мою бывшую должность старшего штаб-офицера я предложил высшему командованию на выбор двух наиболее дельных, по моему мнению, штабных офицеров: подполковника Келлера и майора Бринкмана. И тот и другой обладали крупными военными дарованиями, обширными познаниями, огромной работоспособностью и здоровым, оптимистическим взглядом на жизнь.

Сначала назначен был подполковник Келлер, но он оставался на этом посту недолгое время и сделался потом начальником штаба у генерала Линзингена. Тогда на его место вступил майор Бринкман, получивший впоследствии известность в широких кругах благодаря своему участию в мирных переговорах в Брест-Литовске и в переговорах о перемирии на западе.

На следующий день прибыл новый командующий фронтом. Еще раньше, в мирное время, я несколько раз встречался с фельдмаршалом принцем Леопольдом Баварским на маневрах, и по его анализу этих маневров привык видеть в нем умного военного и выдающегося начальника. В течение двух с половиной лет нашей совместной работы я постоянно находил в нем эти два выдающиеся свойства.

Принц страстно любил военное дело, равно как и охоту и верховую езду. Это был истинный джентльмен. Даже в самых тяжелых обстоятельствах всегда сохранял он ясный

ум и твердое самообладание. За все время между нами никогда не бывало разногласий по военным вопросам, и я могу припомнить один только случай, когда принц ответил мне не со свойственной ему любезностью. Это было в июле 1917 года в битве под Злочовым — Тарнополем.

Принц стремился вперед и, всего охотнее проник бы в самые передовые линии пехоты. Мы расположились на участке 1-й гвард. дивизии, на небольшом холме, с которого возможно было до некоторой степени обозревать местность. Русская артиллерия начала пристреливаться к этому холму. Я чувствовал себя обязанным попросить принца переменить нашу стоянку, так как наше дальнейшее там пребывание не имело никакого смысла, и следовало ожидать, кроме того, что через несколько минут сильный артиллерийский огонь обрушится на наше местоположение. Опасность радовала принца. На мои настойчивые просьбы он довольно резко ответил: «Вы не хотите мне доставить ни малейшего удовольствия».

Из остальных офицеров штаба генерал Людендорф взял с собой лишь прежнего пом. нач. оперативного управления, майора Бокельберга. На его место вступил майор Гофман, офицер с большими военными способностями, с невероятной работоспособностью и непоколебимым сознанием долга.

Административно-хозяйственные отделы продолжали оставаться под начальством обер-квартирмейстера, генерала Эйзенгарт-Роте. В этом заключалось, на первый взгляд, маленькое затруднение, так как генерал Эйзенгарт был уже генералом, тогда как я, начальник штаба, только что был произведен в полковники. Но это затруднение было легко устранено тем, что генерал Эйзенгарт сам об'явил, что он готов мне подчиняться. Мы дружно, без всяких трений работали вместе до того времени, пока генерал Эйзенгарт был, по моему предложению, назначен генерал-интендантом действующих армий. Со всеоб'емлющими знаниями генерал Эйзенгарт соединял исключительные административные спо-

собности. Что касается характера, образа действия и чувства долга, то генерала Эйзенгарта можно считать образцом старопрусского офицера в лучшем значении этого слова.

Принц устроил свою личную квартиру в маленьком покинутом имении Скоки. Оттуда он каждое утро в 11 ч. приходил в служебное помещение для приема доклада, в полдень кушал у себя дома, а вечером в половине восьмого приходил к общему обеду в нашей офицерской столовой. Кроме того, он заявил, что с 5 ч. утра — его обычного часа вставания зимой и летом — он находится в моем распоряжении во всякое время, когда это понадобится.

Положение на восточном фронте могло в это время считаться в общем обеспеченным, хотя следовало, конечно, считаться с возможностью новых русских атак. Австрийская 2-я армия, при помощи 195-й и 197-й дивизий под начальством генерала Эбена, получила возможность остановить свое отступление. Последние сильные атаки русских против генерала Войрша были также отбиты. Несколько напряженное положение было еще в группе войск генерала Линзингена на Стоходе, но полковник Хелль, новый начальник штаба генерала Линзингена, с полным спокойствием относился к грядущим событиям. Не совсем обеспечено было положение группы войск эрцгерцога Карла, и в нашем распоряжении не было пока никаких средств для отражения нового врага в лице Румынии.

На западе шли тяжелые бои на Сомме и под Верденом, причинявшие страшные, непоправимые опустошения в германском войске. Впервые у немецкого солдата исчезло сознание своего абсолютного превосходства, и местами стали проявляться признаки утомления от войны и малодушия. Общее положение, при котором фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф приняли высшее командование, было

несравненно серьезнее, нежели при первой перемене командования после битвы на Марне.

Капитал, состоявший из храброго войска и народного воодушевления, генерал Фалькенгайн растратил за два года своего командования, не достигнув никакого успеха. Благодаря энергии генерала Людендорфа удалось справиться с затруднениями. Злосчастная авантюра под Верденом была ликвидирована, на Сомме мы удержались, хотя и с потерей территории, группа войск эрцгерцога Карла была подкреплена, и были стянуты необходимые войска для похода против Румынии. В этом последнем случае главная часть работы выпала на долю командующего восточным фронтом. Несмотря на то, что, как выше было сказано, положение группы войск генерала Линзингена не было вполне прочным, мы отдали для этой цели из наличного состава войска все, что только было возможно.

Мы брали отдельные полки со спокойных участков и создавали таким образом новые дивизии. Нужно было итти на риск, и мы оба, командующий фронтом и я, с готовностью шли на это.

Все больше выяснялось, что русская армия не выдвинула крупного вождя, человека действительно больших стратегических способностей. Брусиловское наступление окончательно остановилось. Вместо того, чтобы снова напасть на нас по всему фронту, занять нас этим и помешать нам снимать и отправлять войска, русские перебросили свои резервы на юг, чтобы принять участие в румынском наступлении.

При установлении новых условий командования, т.-е. при передаче высшего командования союзным войском в руки германского верховного командования, — несколько расширились и полномочия командующего восточным фронтом. Ему была подчинена южная армия графа Ботмера. Она вместе с 2-й австрийской армией составила группу

войск Бем-Ермолли. Неподчиненной нам оставалась, к сожалению, пока лишь австрийская 3-я армия, к северу от Карпат.

Но и без этого фронт был достаточно велик, чтобы поглотить все наши силы. Даже когда не происходило крупных боев, день проходил у меня всегда следующим образом: в 8 часов утра я шел в служебное помещение и знакомился там с утренними донесениями, требовавшими тех или иных распоряжений; к 11 ч. приходил командующий фронтом для принятия доклада, занимавшего более или менее продолжительное время. В час прямо из служебного помещения я шел в столовую завтракать, от 2 до 3 ч. ходил на прогулку, оттуда снова возвращался в служебное помещение, пробывал там до общего обеда в половине восьмого, после которого принц еще полчаса оставался в обществе штабных офицеров и обычно всегда бывавших гостей. В 9 часов он уезжал обратно в Скопп, в то время как я с офицерами снова отправлялся в служебное помещение, где мы занимались еще приблизительно до часу ночи. Если же происходили крупные боевые события, то рабочий день увеличивался, а сон — от 1 до 7 часов — нередко прерывался телефонными и телеграфными запросами.

Такое распределение времени не давало мне, к сожалению, возможности лично изучить на месте все части нового фронта, как это я делал раньше, будучи начальником оперативного отделения. Работа не позволяла теперь столь долгих отлучек. Поэтому я попросил главное управление генерального штаба, чтобы мне был прислан особенно дельный офицер, который имел бы задачей поддерживать непосредственные сношения с войсками и доставлять мне точные сведения о всех важнейших участках фронта. Тут мне посчастливилось, — главное управление прислало мне офицера, чрезвычайно подходящего для такой трудной задачи. Это был майор Вахенфельд, соединявший с большими так-

тическими познаниями и военной проницательностью необходимую для его задачи любезность и корректную сдержанность. В пути он был неутомим; сообщая ценные указания войскам на местах, он давал командующему фронтом возможность прямо посылать приказания туда, где оказывались какие-либо упущения в расположении и устройстве позиций.

В начале сентября фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф отправились на короткое время из Плесса на западный фронт, чтобы лично убедиться в действительном положении дел, главным образом на Сомме и под Верденом.

Спустя некоторое время я приехал на день в Плесс для служебного доклада. В то время отношения между мной и генералом Людендорфом были еще совершенно дружественными и полными доверия.

Он откровенно высказался о серьезности положения на западе; говорил, что в создании позиций многое там частью упущено, частью сделано неправильно, что верховное командование и военное министерство вовсе не сумели побудить в свое время нашу высокоразвитую промышленность напрячь все силы для изготовления необходимого военного снаряжения, прежде всего снарядов.

Далее он указал, что не существует никакой интенсивной совместной работы между верховным командованием и имперским правительством. После долгого обсуждения тактических и технических вопросов мы, конечно, подошли к вопросу, наиболее остро волновавшему уже тогда умы большинства, т.-е. к вопросу, как достойным образом окончить войну.

На мой вопрос, как же генерал Людендорф представляет себе окончание войны, он мне ответил: «Я не вижу пока никакой возможности; в настоящий момент Антанта рассчитывает на победу, что при данном положении вещей имеет под собой некоторое основание. Таким образом, сейчас

мы ничего поделать не можем. Но, если нам удастся побить румын и отбить все атаки на западе, — на что я надеюсь,— то тогда, пожалуй, можно будет говорить о мире. А что я обеими руками ухвачусь за всякую представляющуюся возможность заключения более или менее приличного мира, в этом я даю вам мое слово».

После этого, вполне успокоенный, я уехал обратно в Брест-Литовск.

Тем временем операции в Румынии, хотя и с некоторыми трениями, развивались по намеченному верховным командованием плану.

Признательность верховного командования за помощь командующего восточным фронтом, способствовавшую победоносному проведению румынского похода, нашла себе выражение в следующей телеграмме генерала Людендорфа на мое имя:

Плесс. 12 декабря 1916 г. «Штаб восточного фронта. Полковнику Гофману. Сердечно благодарю вас и офицеров штаба за ваши поздравления. Мы могли одержать победу в Румынии благодаря тому, что на западе мы победили на Сомме, а на востоке выиграли тяжелые сражения на южной половине вашего фронта, а также благодаря тому, что мы постоянно получали от вас свежие подкрепления для действий в Семиградьи-Румынии».

К концу года германские войска приблизились к Серету. Ясно было, что продвижение должно будет здесь остановиться. Тем временем русские отправили очень значительные силы на румынский фронт.

Незадолго до Рождества 1916 г. я написал генералу Людендорфу письмо, в котором излагал, что с моей точки зрения наступление в Румынии, ставшее теперь чисто-фронтальным, к новому году окончательно остановится на линии реки Серета. Если намереваются продолжать этот поход и совершенно покончить с Румынией, то, по моему

мнению, этого можно достичь, лишь отказавшись от наступления с юга и нанеся удар с севера. Если бы верховное командование в состоянии было дать восточному фронту четыре — шесть дивизий, — проще всего часть войск, сражающихся в Румынии, — то такой удар представляется мне выполнимым. Я бы предложил все подкрепления переправить в район Злочова, прорвать там русские позиции и повести наступление через Тарнополь и вдоль магистрали на Одессу. Русские войска в Карпатах попали бы от этого в отчаянное положение, и мне казалось, что путем такой операции был бы достигнут крупный успех. Прорыв под Злочовым я считал легко выполнимым; я его предлагал тогда в том самом виде, в каком мы его впоследствии и совершили в июле 1917 года.

Генерал Людендорф ответил мне, что он вполне разделяет мои взгляды, как в отношении того, что наступление в Румынии должно будет приостановиться на Серете, так и в отношении того, что предложенная мной операция позволяет надеяться на успех. Но невыполнимо, к сожалению, предварительное условие, т.-е. присылка подкреплений на восточный фронт. В данный момент с запада ничего нельзя отдать, а быстрая перевозка войск из Румынии исключена вследствие дурного состояния румынских и венгерских жел. дорог.

Я должен еще кратко упомянуть об одном событии, которое произошло осенью 1916 года и большинством не было оценено по достоинству, — это смерть императора Франца-Иосифа, скончавшегося 21 ноября 1916 г.

Император был последней связью, сдерживавшей государство австро-венгерской монархии от распада. Его преемник, воспитанный как самый обыкновенный кавалерийский офицер, намеренно устранявшийся убитым в Сараеве наследником престола от занятия серьезными политическими вопросами, стоял перед почти неразрешимой задачей. Хуже

всего было то, что молодой монарх решил взять в свои руки руководство военными и политическими делами. Он ненавидел Германию и Гогенцоллернов, будучи под влиянием своей честолюбивой супруги, симпатии которой были на стороне неприятеля, а также и безответственных советников, льстивших его тщеславию. С этой целью эрцгерцог Фридрих, командовавший до тех пор австрийскими войсками, был вскоре отстранен в довольно резкой форме. Главнокомандующим стал сам император.

Эрцгерцог Фридрих, хотя и не играл лично никакой особенной роли, зато предоставлял свободу действий умному начальнику штаба генералу Гецендорфу, которую и санкционировал всегда своим именем. Во всех трениях и разногласиях с союзниками его спокойное, любезное, полное достоинства обхождение действовало примиряюще. Одним из первых военных мероприятий императора было перемещение австрийской Ставки из Тешена в Баден под Веной. Император хотел уйти из-под влияния германского верховного командования, соседство которого в Плессе казалось ему слишком близким.

Генерал Гецендорф протестовал, но безуспешно. По этому вопросу, — как и по всем другим, военным и политическим, — этот генерал твердо и определенно высказал свой взгляд и должен был вследствие этого в самый короткий срок оставить свой пост.

Его преемник, генерал Арц, был человеком, более способным на компромиссы; он удовлетворялся ролью советника и слуги своего монарха, а не ответственного полководца, подобно генералу Гецендорфу.

Значение начальника генерального штаба сильно упало при генерале Арце, тем более, что, постоянно сопровождая повсюду раз'езжавшего и неспособного к усидчивой, спокойной работе императора, генерал Арц свел всю свою деятельность к раз'ездам.

Только раз имел я возможность довольно долго поговорить с императором Карлом. Во время первого посещения императором группы войск генерала Линзингена я принимал его вместо отсутствовавшего командующего фронтом и после разных смотров был приглашен к обеду в императорский поезд. Император, который тогда еще не имел того усталого вида, как в конце войны, вел оживленную беседу в течение двух часов и высказывал свои мнения о военных делах, при чем проявил большое недомыслие в этих вопросах.

На Рождестве 1916 года я убедился в необходимости перевести административно-хозяйственные управления фронта из Ковно в Белосток. Когда я сделался начальником штаба, я оставил эти управления в том же виде, как они были организованы при генерале Людендорфе. Каждые две-три недели приезжал в Брест-Литовск обер-квартирмейстер, иногда с начальниками подлежащих отделов, для доклада или, в особо важных случаях, для получения указаний от меня или от командующего фронтом.

Однако осенью 1916 года со стороны нескольких безответственных лиц проявилось стремление из'ять административные управления из ведения командующего фронтом и подчинить их непосредственно генерал-квартирмейстеру. Так как я находил это непрактичным, считая, напротив, совершенно необходимым, чтобы командующий фронтом оставался полным хозяином, то я обратился к генералу Людендорфу, изложил ему свои доводы и просил его решить это дело. Генерал Людендорф присоединился к моему мнению и приказал оставить все по-старому. Все-таки я счел целесообразным пересмотреть вопрос о местопребывании административных управлений, чтобы иметь их под своим непосредственным наблюдением. Перевод их из Ковно давал обер-квартирмейстеру возможность каждую неделю приезжать в Брест-Литовск вместе со служащими тех отделов, которых касался его доклад.

По вопросу о мирных предложениях центральных держав в декабре 1916 года мнения командующего восточным фронтом ни в служебном, ни в частном порядке не спрашивали. Иначе он бы непременно высказался против этого шага, лишь способствовавшего увеличению слабости и нерешительности в тех кругах, которые и раньше не верили в счастливый исход войны.

Резкий отказ Антанты от мирных переговоров, предложенных центральными державами, побудил нас начать 1 февраля неограниченную подводную войну.

Я уже вкратце излагал свой взгляд на вопрос о подводной войне; я безусловно придерживаюсь мнения, что Германия, во-первых, несомненно имела право вести подводную войну в неограниченных размерах и, во-вторых, что она была обязана использовать для победы все виды оружия, которые только были в ее распоряжении. Вина в том, что война затронула женщин, детей и мирных жителей, падает на инициатора — Англию. Мы бесспорно имели право последовать ее примеру в этом отношении.

Злобные выпады американцев по адресу Германии, что она, дескать, не имеет права препятствовать американцам безопасно ездить в Англию, или куда им там еще заблагорассудилось бы, звучат несколько по-детски. С тем же правом могли бы они требовать, чтобы битва была прервана и огонь прекращен, когда нескольким американцам вздумалось бы прогуляться по полю сражения.

Но, к сожалению, когда мы выступили с попыткой проведения подводной войны, то англичане уже имели возможность и время изобрести действительные средства борьбы с ней; помимо того, нами была упущена возможность своевременно использовать все силы для постройки подводных лодок.

Заверения морского министерства, что в течение шести месяцев ему удастся склонить к уступчивости Англию, ока-

зались слишком оптимистичными. Я не берусь судить о том, на чем основывался такой оптимизм, равно как и о том, правильно ли было рисковать войной с Америкой; для этого нужно иметь более точные сведения об осведомленности нашего морского министерства, об оборонительных средствах наших противников и о том, почему эти наши противники, несмотря ни на что, все-таки надеялись достичь своей цели. Таких сведений в моем распоряжении нет.

Решение вести беспощадную подводную войну временно переместило центр тяжести военных действий с суши на море. На суше теперь решено было в продолжение нескольких месяцев заботиться только об обороне с возможно наименьшими потерями, выжидая момента, когда результаты подводной войны сделают Англию более уступчивой. На основании этого на западе последовал отход из сектора между Аррасом и Суассоном на так называемую Зигфридову позицию. Этим шагом создавались затруднения для наступательных планов противника, вынужденного начать для возобновления своих атак новые подготовительные работы, отнимающие много времени, при чем в этих подготовительных работах противник вновь встречал затруднения вследствие полного разрушения нами всех путей сообщения и средств укрытия. Кроме этого достигалась еще экономия в войсках на значительно сокращенном фронте.

Само собой разумеется, что необходимые разрушения, совершенные нами во время отступления, вызвали яростные вопли во всей неприятельской печати. Но каждый специалист, будь он даже из враждебного лагеря, согласится, что эти разрушения были необходимы. Я ни минуты не сомневаюсь, что англичане и французы приняли бы в подобном случае точно такие же меры. Я напомню лишь о порче румынских нефтяных промыслов англичанами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

НЕИСПОЛЬЗОВАННАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Положение центральных держав весной 1917 года было, правда, не столь угрожающим, как оно представлялось в конце августа 1916 года, однако все же оно было достаточно серьезно.

Восточный фронт был совершенно обеспечен, но он не мог отдать значительных сил на запад для того, чтобы сделать там наступление возможным. Вследствие тяжелых боев на Сомме и под Верденом западный фронт потерпел некоторый моральный удар; настроение уже не было таким уверенным, как раньше. Слишком сильно сказывалось превосходство массового действия неприятельского военного снаряжения. Производство нашей промышленности не могло итти наравне с производством чуть ли не всего мира, которое было направлено против нас.

На родине настроение ухудшалось, продовольственные затруднения возрастали, высокая заработная плата, которую, во исполнение программы фельдмаршала Гинденбурга, выдавали находящимся на родине или отпущенным туда рабочим, действовала раздражающим образом на войско. И правда, большая несправедливость заключалась в том, что отозванным из войска назначали высокую плату, тогда как они уже больше не разделяли с товарищами трудов и опасностей окопной жизни, а могли спокойно работать дома по своему призванию.

Основная мысль, которой руководствовался генерал Людендорф при введении закона о трудовой повинности, была

та, что работа дома, в тылу, должна быть такой же службой, как и военная, и должна соответственно низко оплачиваться.

Ко всему этому прибавилось еще вступление в войну Америки, хотя последняя и не имела еще войска. Наше морское министерство, оптимистически настроенное, всем и каждому говорило, что и после создания армии, американцам не удастся переправить ее в Европу. Однако довольно много серьезных людей утверждали, что после вступления в войну Америки для Германии исключена всякая возможность победоносно выйти из борьбы.

Но в эту тяжелую пору, в марте 1917 года, произошло событие всемирно-исторического значения, казалось, опять дававшее Германии надежду на победоносный исход: началась русская революция. Царь увидел, что Россия не может дольше нести тяготы войны, и что при ее продолжении он подвергнул бы свое государство тяжелым внутренним потрясениям. Вследствие этого он ближе подошел к мысли о сепаратном мире. Но тут он не принял в рассчет воли Англии. Английский посол в Петербурге Бьюкенен имел поручение во что бы то ни стало помешать заключению сепаратного мира, и он действовал сообразно своим инструкциям, когда помогал Керенскому и Гучкову свергнуть царя.

Ясно было, что подобное событие должно было иметь большое влияние на моральное состояние русской армии. Напрашивалась мысль, что на восточном фронте при помощи нескольких энергичных наступательных операций - ударов можно ускорить и довершить распад войска. Но, с одной стороны, командующий восточным фронтом не имел необходимых для этого средств, а с другой, — наше министерство иностранных дел предалось обманчивой надежде, что удастся вступить в переговоры с новым правителем Керенским и заключить мир. Отсюда стремление пока не нападать на русских и не раздражать их.

Теперь, когда положение стало яснее, остается пожалеть, что мы не пошли по первому пути. Русский солдат по-своему понимал революцию и, приходя к соответствующим выводам, был склонен сложить оружие и вернуться домой. Остается пожалеть, что мы не попытались в первые же дни революции наступать по всему фронту и заставить русские войска окончательно отступить. Если бы нам это удалось, то, конечно, никакая сила в мире не смогла бы задержать процесс разложения и вновь заставить массы повиноваться.

Как известно, благодаря нашей бездеятельности увлекательному красноречию Керенского удалось убедить войска продолжать борьбу, и восемьдесят германских дивизий были задержаны и заняты на восточном фронте в течение всего лета 1917 г.

Дабы усилить ошибочные представления имперского правительства о возможности существования планов сепаратного мира, Керенский предписал своим заграничным агентам войти в переговоры с уполномоченными Германией лицами. В доказательство этого я мог бы привести тот факт, что когда я в ту пору для служебного совещания приехал на день в Берлин, то я получил извещение из министерства иностранных дел о том, что вечером того же дня я непременно должен переговорить с возвращающимся из Стокгольма депутатом Эрцбергером.

Вечером я встретился с Эрцбергером, и он сказал мне, что в Стокгольме он совещался с представителем министра-президента Керенского, что заключение мира с Россией кажется ему очень близким и что я должен быть готов в самом непродолжительном времени ехать с ним в Стокгольм для мирных переговоров.

Я был настроен несколько более скептически, но в общем не мог отрицать такой возможности. И действительно, самое разумное, что Россия могла бы сделать, — это заключить с нами сепаратный мир. Тем самым она избежала бы

экспериментов большевистского правления и кровь миллионов убитых граждан не была бы пролита.

Однако командующий восточным фронтом не мог, конечно, вовсе воздержаться от военных действий. Из двух предмостных укреплений на Стоходе, удержанных русскими после тяжелых боев при наступлении генерала Брусилова, лишь одно из них, меньшее, при Витонце, было вновь отнято у них осенью 1916 года, тогда как другое большее, при Тоболах, все еще оставалось в их руках. Оно представляло для нас постоянную опасность. Поэтому командующий фронтом уже в марте закончил все приготовления к тому, чтобы вернуть его обратно.

Наступление должно было начаться, когда, благодаря оттепели, низина Стохода покроется водой, и предмостное укрепление, соединенное четырьмя мостами с восточным берегом, будет совершенно отрезано.

В первых числах апреля наступила оттепель и превратила низину Стохода, позади предмостного укрепления, в озеро, шириной, примерно, в тысячу метров.

С военной точки зрения было бы ошибкой упустить такой благоприятный момент для атаки, так как нельзя было ни подвести подкреплений с восточного берега, ни войска, занимающие предмостное укрепление, не могли уже уклониться от нашего удара. Командующий восточным фронтом, изложив все эти обстоятельства, испросил от высшего командования разрешение начать наступление.

Предприятие было выполнено 1-й ландверной дивизией под начальством генерала Якоби. В качестве командующего артиллерией, предназначенной для этого нападения, командующий фронтом уже за несколько недель послал в дивизию подполковника Брухмюллера. Лишь около 300 орудий и 100 минометов могли быть взяты с фронта и предоставлены для нападения. Так как количества орудий нехватало для одновременной атаки на все предмостное укрепление, то

решено было сначала взять лишь южную часть, а затем в один из ближайших дней, если можно даже на следующий день, завладеть и северной частью.

Наступление началось 3 апреля в 3 часа утра. Действия артиллерии и минометов были, благодаря отличным указаниям Брухмюллера и начальника минометчиков, полковника Гейшкеля, столь сокрушительны, что русские не оказали почти никакого сопротивления. Пехота, следовавшая непосредственно за ураганным огнем, застигла русских по большей части в их окопах. После того, как была, таким образом, скоро и сравнительно с небольшими потерями взята южная часть предмостного укрепления, атакующие части, по собственной инициативе, начали штурмовать северную половину и также завладели ею.

Успех этого дня был неожиданно велик. На-ряду с большим количеством военного материала, в наши руки попало более 10.000 пленных.

Верховное командование попало прямо-таки в неловкое положение, не зная, как охарактеризовать это событие в очередной военной сводке, после того, как оно условилось с имперским правительством не затевать больших боев на восточном фронте. Поэтому оно замолчало размеры успеха, что, конечно, вызвало большое возмущение в войсках, участвовавших в этой атаке. Это осталось для них совершенно непонятным, так как в русских военных сообщениях, появившихся на следующий день, сражение было подробно описано со всеми данными и числами.

В это время новые русские власти отнюдь не выказывали никаких мирных намерений. Наоборот, как Керенский, так и новый министр иностранных дел Милюков при каждом своем выступлении подчеркивали свою приверженность к союзу с Антантой и желание довести войну до победного конца. Имперское правительство все же твердо надеялось, что революция приведет Россию к сепаратному миру. По

желанию правительства высшее командование после успеха при Тоболах запретило командующему восточным фронтом предпринимать пока какие-либо военные действия.

В феврале верховное командование перебралось из Плесса в Крейцнах, рассчитывая, что в середине февраля начнется большое наступление Антанты на западе, и желая быть поближе к месту событий. Кроме того, главное преимущество Плесса, — в близости к австрийской Ставке, — отпало из-за переезда ее в Баден под Веной.

Генерал Людендорф вызвал меня 17 апреля для устного доклада в Крейцнах. Я высказал мое мнение о русской армии и ее боеспособности в том смысле, что моральное ее состояние, а вместе с тем и боеспособность, конечно, сильно расшатано революцией, но что, однако, никак нельзя рассчитывать на то, что она после нескольких наших атак отступит без сопротивления. Наоборот, она, несомненно, будет защищаться. Для наступления в крупном масштабе командующий восточным фронтом не имеет достаточно резервов. Таким образом, если верховное командование желает попытаться прорвать наступлением в одном или нескольких пунктах восточного фронта линию русских войск и принудить их к отступлению, то оно должно будет прислать несколько дивизий.

В это время верховное командование об этом не могло и думать, так как резервы ему были нужны на западе. К тому же признаков возможного русского наступления тогда еще не существовало. В дальнейшей беседе генерал Людендорф не скрывал своего беспокойства по поводу внутреннего положения страны, особенно усложнившегося из-за полнейшей нерешительности рейхсканцлера.

Далее, мы стали обсуждать, возможно ли, в случае, если русская армия будет сломлена, — вследствие ли революции или в результате предпринятого нами в удобный момент наступления, — чтобы командующий восточным фрон-

том смог отдать значительные силы на западный фронт; только в этом случае можно было произвести там нашими западными армиями в каком-либо пункте сильный натиск, прорвать неприятельский фронт и, таким образом, пытаться решить исход войны.

Мы оба были того мнения, что к этой цели следует стремиться всеми силами. На мой вопрос, как и где генерал Людендорф думает сделать наступление на западе, он мне ответил, что на западе наступление не может быть предпринято так, как на востоке. Прорыв на западе бесконечно труднее, — поэтому там, повидимому, придется последовательно испытать несколько мест, чтобы найти у противника слабый пункт, против которого и нужно будет продолжать наступление всеми силами.

Я с этим взглядом не был согласен и откровенно высказал свои серьезные опасения. И раньше, и теперь я держусь того мнения, что существует лишь одна тактика, независимо от размеров сражающихся армий. Если уж кто взял на себя тяжелую ответственность за начало наступления, тот должен собрать все силы, какие можно для этого привлечь, и сосредоточить их в том месте, какое было сочтено подходящим для наступления. Это, конечно, игра ва-банк, потому что в таком случае все ставится на карту.

В конце нашего разговора, который, впрочем, носил совершенно такой же дружеский характер, как и при наших прежних встречах, генерал Людендорф обратил мое внимание на то, что некоторые лица заняты тем, чтобы испортить существующие между нами добрые отношения. Я принял это сообщение смеясь, — я не мог думать, чтобы было возможно что-либо подобное, так как мы оба всеми силами стремились к одной цели — к победе германского оружия.

Для командующего восточным фронтом май и июнь прошли в бездеятельности. В июне увеличились признаки того,

что Керенский вовсе не думает о мире. Наоборот, все поступающие донесения говорили о крупных приготовлениях русских к наступлению. Таковые были замечены под Ригой, Двинском, у озера Нароч, у Сморгони и, наконец, по всему галицийскому фронту.

С этим временем совпадает введение в германской армии нового боевого средства, а именно сильно действующего ядовитого газа, так называемого «желтого креста». Тайный советник Габер, которому мы обязаны как изобретением первого ядовитого газа, так и «желтого креста», рассказывал мне после войны, что по изобретении «желтого креста» он поехал в Ставку и сделал там о нем доклад генералу Людендорфу.

Разница между газами, употреблявшимися ранее и «желтым крестом», была та, что от прежних газов предохраняла маска, тогда как от «желтого креста» и маска защитить не могла. Осадки «желтого креста» в'едаются в одежду, пропитывают ее насквозь и причиняют неприятные ожоги. От этого некоторое время можно защищаться, если дать солдатам возможность чаще менять одежду.

В своем докладе тайный советник Габер предложил генералу Людендорфу ввести новые газы в том случае, если имеется налицо уверенность, что через год война будет кончена. Он гарантировал, что в течение года противник не сможет научиться делать эти газы, и, таким образом, целый год мы пользовались бы ими одни. Если же через год война не будет окончена, то профессор Габер держался того мнения, что мы ее безнадежно проиграем, если введем «желтый крест», так как через год и противникам удастся выработать такие же газы у себя. Благодаря их сильно развитой промышленности, они стали бы изготовлять огромные массы этих газов и обстреливать нас ими. Мы не могли бы применить вспомогательного средства — дать солдатам резиновые плащи и две-три перемены обмундирования, так как

у нас для этого не было больше материалов. Вследствие этого противнику не нужно было бы даже наступать, — он мог бы просто-на-просто отовсюду выкуривать нас «газовым» обстрелом.

В действительности профессор Габер ошибся лишь в одном пункте: противнику удалось добиться выработки газов не через год, а лишь через 16 месяцев. К началу перемирия одни французы изготовили 5.000 тонн этих газов, но, к их великому сожалению, им уже не пришлось употребить их против германских войск.

Таким образом, вводя «желтый крест», генерал Людендорф шел на большой риск; хотя мы все и надеялись, что нам удастся победить Россию в течение этого года и освободить главную массу германских войск для решительных боев на Западе, однако абсолютной уверенности ни у кого в этом не было.

Вполне естественно, что мы пытались путем пропаганды усилить разложение, внесенное революцией в русские войска.

На родине у нас был человек, поддерживавший сношения с жившими в Швейцарии эмигрантами; он пришел к мысли привлечь некоторых из них к этому делу, чтобы еще скорее отравить и подорвать моральное состояние русских войск. Он обратился к депутату Эрцбергеру, а Эрцбергер—в министерство иностранных дел. Таким образом дело дошло до ставшей впоследствии известной перевозки Ленина в Петербург через Германию.

Мне не известно, знало ли верховное командование что-либо об этом мероприятии; командующий восточным фронтом ничего о нем не знал. Мы узнали об этом лишь несколько месяцев спустя, когда заграничные газеты начали упрекать за это Германию и называть нас отцами русской революции.

Нет слов, чтобы достаточно энергично возразить против этого обвинения, ложного, так же как и все другое, исходя-

щее из неприятельской пропаганды против нас. Как я уже выше сказал, революция в России была сделана Англией; мы, немцы, в войне с Россией имели несомненное право усилить революционные беспорядки в стране и в войсках, когда революция, вопреки первым надеждам, не принесла нам мира.

Подобно тому, как я пускаю гранаты в неприятельские окопы, как я выпускаю против них ядовитые газы, так же я имею право в качестве врага употреблять против него и средства пропаганды. И надо иметь в виду, что в то время, кроме Ленина, в Россию проникло много большевиков, живших до того времени в качестве политических эмигрантов в Лондоне и Швеции.

Как я уже сказал, лично я ничего не знал о перевозке Ленина. Но если бы меня об этом спросили, то я вряд ли стал бы делать какие-либо возражения против этого, потому что в то время ни один человек не мог предвидеть, какие несчастные последствия должно было иметь выступление этих людей для России и всей Европы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ.

Командующий восточным фронтом не разделял надежд министерства иностранных дел на сепаратный мир с русским Временным Правительством. К концу июня подготовка к наступлению у русских становилась все более явной, и когда 1 июля началось в Галиции русское наступление, то для нас оно отнюдь не явилось неожиданностью. С возобновлением военных действий со стороны русских верховное командование снова получало свободу действий.

Генерал Людендорф по телефону спросил меня, считаю ли я еще и теперь целесообразным произвести предложенный ему в свое время прорыв в районе Тарнополя, чтобы таким образом встретить русское наступление, а также, какое количество подкреплений потребуется командующему восточным фронтом. Так как германское наступление вдоль жел. дороги Львов — Тарнополь должно было в самом непродолжительном времени приостановить начавшееся в Галиции наступление русских, то на вопрос генерала Людендорфа я с радостью ответил утвердительно. Чем больше войск сосредоточили бы русские для своего наступления против австрийцев и нашей южной армии, тем больше должен был быть наш успех.

Что касается подкреплений, то я попросил не меньше четырех дивизий, верховное же командование обещало мне шесть дивизий.

Командующий восточным фронтом начал энергично готовиться к наступлению, руководство которым поручено было

генералу Эбену, командующему на злочовском участке (нач. штаба майор Франтц). Выполнение артиллерийской подготовки опять вверено было подполковнику Брухмюллеру.

Установка артиллерии и подвоз войск должны были занять около 2-х недель, так что самым ранним сроком для наступления мы назначили 15 июля. Однако уже с 1 июля началось русское наступление. Между Зборовым и Бжезанами русские ворвались в австрийские позиции. К счастью, головные части германских войск, предназначенных для наступления, уже прибыли в те места. Они тотчас же введены были в бой, и 2 июля восстановили положение. Дальнейшие русские атаки, предпринятые с большим порывом, потерпели неудачу.

4 июля начались сильные русские атаки против южной армии графа Ботмера, которые после многодневных боев закончились полным успехом для этой армии.

6 и 7 июля начались атаки против австрийской 3-й армии к югу от Днестра. Эта армия только что была подчинена командующему восточным фронтом. Мы придали ей одну германскую дивизию, относительно употребления которой мы установили, что она сначала вся полностью будет находиться в резерве и в дело будет введена для контратаки в случае русского прорыва.

За несколько дней до начала русского наступления командующий восточным фронтом побывал в этой армии, чтобы ознакомиться с состоянием войск и позиций. В общем он вернулся довольным. К сожалению, австрийское командование не удержало германской дивизии полностью в резерве, а ввело ее сразу в бой; когда же 6-го числа последовал русский прорыв, то войск для контр-удара уже не имелось, так как большая часть австрийских войск вообще уже не годилась для активных действий. Германские войска были вовлечены в отступление, фронт 3-й армии отодвинулся за Ломницу, Калущ попал в руки русских, в результате чего

положение стало очень серьезно. Если бы не удалось удержать линию Ломницы и взять обратно Калущ, а отступление 3-й армии продолжалось бы, — то Стрый, главный тыловой пункт южной армии, и нефтяные источники Дрогобыча оказались бы под угрозой.

Командующий восточным фронтом вынужден был поддержать 3-ю армию переброской германских войск, но теперь для него встал вопрос — сможет ли он вообще осуществить наступление под Злочовым, которое должно было начаться только после 15 июля.

Новоприбывшая баварская кавалерийская дивизия с рез. гвард. егерским батальоном были направлены в 3-ю армию, а с ними и еще одна пехотная дивизия. От мысли наступать под Злочовым решено было пока не отказываться. В худшем случае — т.-е. если бы не удалось поддержать германскими подкреплениями 3-ю армию — имелось в виду с войсками, собранными к 15 июля в районе Злочова, позади нашего фронта, передвинуться к югу и ударить во фланг русским, форсирующим Ломницу.

Баварской кавалерийской дивизии удалось остановить продвижение русских, также было восстановлено и положение под Калущем. Вследствие этого злочовское наступление могло теперь начаться. Приходилось сожалеть о войсках, уступленных австрийской 3-й армии, прежде всего об усиленной баварской кавалерийской дивизии. Командующий восточным фронтом предполагал с особой тщательностью сформировать кавалерийский корпус и, тотчас же после прорыва у Злочова, перебросить его на восточный берег Серета, чтобы отрезать русские войска в южном направлении. На долю этого корпуса выпал бы, вероятно, крупный успех.

Пришлось отсрочить на несколько дней начало наступления, так как ежедневные ливни не давали возможности перевозить тяжести на галицийской глинистой почве иначе,

как по шоссе. Наконец, рано утром 19-го числа наступление началось. Главный удар наносили 1-я и 2-я гвард. дивизии и 5-я и 6-я пехотные дивизии под начальством генерала Катена.

Командующий фронтом за два дня перед тем отправился в Злочов, чтобы в случае надобности лично распорядиться на месте. Благодаря отличной артиллерийской подготовке, выполненной подполковником Брухмюллером, прорыв вполне удался на протяжении 20 километров, и первый день наступления продвинул нас на 15 километров за неприятельские линии.

Эта победа была случайно одержана в день заседания рейхстага; некоторые назвали ее поэтому алярмистским средством для поднятия настроения. Генерал Людендорф просил меня известить его о ходе операции до 6 часов вечера, т.-е. до того момента, когда рейхсканцлер намеревался выступить в рейхстаге с речью.

Артиллерийская наблюдательная вышка, с которой командующий фронтом и я наблюдали за боем, была связана телефоном со Ставкой, и таким образом уже в 5 часов пополудни высшее командование могло в несколько минут осведомить рейхсканцлера об исходе боя.

В течение следующих дней наступление планомерно развивалось. Тарнополь был взят 25-го числа, и, как и предсказывалось, весь русский фронт, до самых Карпат, начал теперь колебаться. Нам пришлось немного еще поволноваться, когда 21-го числа сильной атакой около Крево, южнее Сморгони, русским удалось прорвать наш фронт и оттеснить одну ландверную дивизию, сражавшуюся, впрочем, блестяще. Мы не могли там немедленно помочь: понятно, что лишь через несколько дней могла туда подойти одна сейчас же отправленная дивизия, освободившаяся благодаря началу общего русского отступления. До того времени 10-я армия должна была сама себе помочь, что она и сделала. Сильным артиллерийским огнем нам удалось

задержать русских, проникших в наши позиции, и, в конце концов, принудить их снова отдать занятые ими окопы. Русская армия много потеряла вследствие революции в моральной стойкости, — раньше же наше положение могло бы стать тут несколько более тяжелым.

Одновременно с началом русского отступления в Галиции союзные войска, а именно южная армия, австрийские 3-я и 7-я армии начали преследование. В первых числах августа преследование достигло Збруча, и за исключением незначительной части вся Галиция и Буковина были теперь очищены от русских.

На этом операция, к сожалению, и остановилась.

Наши войска слишком удалились от своей базы, подвоз не поспевал, а австрийским войскам, расположенным дальше к югу, нехватало необходимой энергии для дальнейшего развития успеха. Не удалось осуществить попытку верховного командования распространить удачу злочовского прорыва также и против румынской армии, хотя с этой целью на румынский фронт направлен был на подкрепление германский альпийский корпус; румыны сами перешли в наступление и местами даже достигли некоторых успехов.

Когда в первых числах августа очевидно стало, что до восстановления ж.-д. путей и думать нечего о продолжении преследования в Галиции, генерал Людендорф вызвал меня к телефону. Нам обоим было ясно, что восстановление это займет довольно продолжительное время и что было бы жалко оставлять войска так долго в бездействии. Генерал Людендорф сказал мне, что при данном положении вещей на западе он не может заранее сказать, надолго ли ему можно будет оставить у нас подкрепления, присланные для прорыва под Злочовым, но что очень было бы желательно в непродолжительном времени нанести русским еще один сильный удар, чтобы этим ускорить разложение русских войск. Поэтому он спросил меня, возможно ли, по моему

мнению, с имеющимися в нашем распоряжении силами выполнить старый, излюбленный план командующего восточным фронтом: перейти Двину и занять Ригу. Если возможно, то он, генерал Людендорф, попытается еще на некоторое время оставить подкрепления у нас на фронте. Я, конечно, ответил утвердительно.

Еще во время злочовской операции я вызвал к себе подполковника Брухмюллера и поручил ему отправиться в Митаву к 8-й армии и там, на месте, предпринять обследование позиций артиллерии для подготовки переправы через Двину, о которой в свое время мне говорил генерал Отто фон Белов и которую я сам проектировал.

К сожалению, прошло довольно много времени, пока мы вывели войска из Галиции, погрузили их на жел. дорогу и расположили их в боевом порядке под Митавой. Все это завершилось лишь к концу августа. Несколько дней мы провели в величайшем напряжении, не зная, сможем ли мы оставить войска у себя, или еще до занятия Риги мы должны будем вернуть их обратно.

На западе с 31 июля происходила великая фландрская битва, и как раз в последних числах августа там последовали сильные атаки, и положение стало критическим. Дважды генерал Людендорф телефонировал мне, что ему нужны войска, и дважды, — что он может обойтись без них. В конце концов, мы получили уверенность, что можем их оставить у себя, и приступили к последним приготовлениям для атаки.

Командующий фронтом отправился, как это он обычно делал, к месту действия, чтобы в случае необходимости отдать личные распоряжения.

Наступательная операция поручена была 8-й армии генерала фон Гутира (нач. штаба генерал Зауберцвейг). В нашем распоряжении для прорыва имелось три корпуса, всего одиннадцать пехотных дивизий и две кавалерийские. Глав-

ный удар наносился тремя дивизиями: 19-й резервной, 14-й баварской и 2-й гвардейской, под начальством командующего 51-м корпусом, генерала Беррера, после подготовки дела 170-ю батареями подполковника Брухмюллера и 230-ю средними и большими минометами. Эти три ударные дивизии должны были переправиться сначала на понтонах, а затем по мостам, при чем каждой дивизии предоставлялся один мост.

1 сентября в 4 часа утра началась газовая атака на неприятельские позиции, на рассвете в 6 часов—артиллерийская стрельба, а в 9 часов 10 минут отошли первые понтоны. Работа артиллерии и на этот раз была безупречной. При начале нашей атаки стреляли лишь немногие неприятельские орудия, но и то плохо и с перерывами.

Как только первые пехотные части достигли северного берега, началась наводка мостов. Лишь один мост, расположенный всего далее к востоку, был немного обстрелян неприятельским огнем во время наводки и переправы по нем войск; мы понесли при этом некоторые потери. В остальном переправа прошла почти шутя.

Первым перешедшим по среднему мосту был принц, командующий фронтом, стремившийся, как всегда, вперед, чтобы сопутствовать войскам в атаке. Серьезное сопротивление наш натиск встретил лишь на малом Егеле, но и оно было скоро сломлено.

Результаты прорыва в отношении пленных и другой добычи были менее значительны, чем мы ожидали. Еще задолго до того, как мы начали наступление, русские добровольно очистили западную часть рижского предмостного укрепления, а когда наступление началось, то с лихорадочной поспешностью очистили и все остальное.

Я очень сожалею, что нам не довелось наступать на Ригу двумя годами раньше, как того так хотелось тогдашнему командующему восточным фронтом. В то время рус-

ские не очистили бы предмостное укрепление, и весь его большой гарнизон попал бы в наши руки, так как я нимало не сомневаюсь, что и тогда переправа удалась бы нам так же хорошо, как и 1 сентября 1917 г., разве только с несколько большими потерями.

Сами войска были полны воодушевления и охотно продолжали бы маневренную войну до самого Петербурга. В военном отношении это не составило бы затруднений, при условии, если бы верховное командование могло оставить нам войска. Но, к сожалению, это было невозможно. Через несколько дней мы вынуждены были задержать движение 8-й армии, чтобы выделить часть войск на запад, часть на итальянский фронт.

Трогательна была радость, с которой нас встретили в самой Риге. Население сильно пострадало от поведения войск, мораль и дисциплина которых сильно понизились под влиянием революции, а также и от ненависти латышей, и с облегчением вздохнуло, когда германские войска заняли город и принесли с собой спокойствие и порядок.

Таким образом, для дальнейших операций командующему восточным фронтом оставалось рассчитывать лишь на свои силы. Цели могли ставиться лишь ограниченные, так как бои под Злочовым и Ригой, особенно же на Малом Египте, показали, что русские хоть и пострадали морально и уже не обладали прежней стойкостью, но все же еще оказывали сопротивление.

Два таких ограниченных предприятия напрашивались сами собой: взятие предмостного укрепления у Якобштадта, где русские все еще держались на южном берегу Двины, и занятие о-вов Эзеля, Моона и Даго. На первом предприятии настаивала 8-я армия, а второе было необходимо, чтобы спокойно занимать Ригу; в то же время оно являлось еще большей угрозой для Петербурга.

Для захвата якобштадского предмостного укрепления в 8-й армии оставлен был подполковник Брухмюллер с нужным количеством артиллерии. Как и всегда, подполковник Брухмюллер образцово выполнил артиллерийскую подготовку, и 21 сентября предмостное укрепление с легкостью было взято.

Подготовка к занятию островов потребовала более продолжительного времени вследствие участия флота, у которого, понятно, не было никакого практического опыта в такого рода десантных предприятиях. Морское ведомство с удовольствием приняло участие в этом деле, так как оно опять получало здесь возможность, после долгого промежутка времени, проявить свою активность, помимо одной подводной войны.

Продолжительная бездеятельность флота и тесная скученность столь большого количества людей в одном месте благоприятствовали пропаганде недовольных элементов. Уже давно ходили печальные слухи о настроении во флоте, особенно в связи со слухами о мятежах, имевших место летом на некоторых кораблях и ставших известными благодаря судебному разбирательству и прениям в рейхстаге.

Для обсуждения этой операции я один раз с'ездил в Берлин и перед самым ее началом в Либаву. Командующий восточным фронтом поручил проведение этой операции генералу Катену. В его распоряжение отданы были 42-я пехотная дивизия и одна бригада самокатчиков.

В начале октября все приготовления были, наконец, закончены, но неблагоприятные ветры задерживали начало операции. Лишь 11-го числа вышел транспортный флот под защитой части линейных кораблей из Либавской гавани и 12-го числа бросил якорь в Таггарской бухте на северном берегу о-ва Эзеля. Остров был хорошо укреплен рядом долговременных укреплений. Высадка, особенно на северном берегу, явилась для русских совершенной неожиданностью.

Особого сопротивления она не встретила. Десантные войска быстро прошли к югу и востоку через весь остров, смелым натиском взяли дамбу к о-ву Моону и без труда заняли в ближайшие дни Моон и Даго.

Я впоследствии хорошо познакомился с руководителем обороны островов; это был адмирал Альтфатер, принимавший в качестве эксперта участие в большевистской комиссии о перемирии. Он рассказывал мне, что в то время большевистская пропаганда уже так глубоко проникла в войска, что о фактическом сопротивлении нельзя было и думать. Войска прямо-таки растаяли у него в руках.

В то время как восточный фронт одерживал легкие победы над все более разлагавшимися русскими войсками, на западе шли тяжелые бои во Фландрии, во время которых наши войска лишь с трудом удерживались на своих позициях.

С августа месяца и на итальянском театре войны также шли атаки против австрийских армий. Бои, происходившие в августе и сентябре и известные под общим названием одиннадцатой битвы на р. Изонцо, оказались успешными для итальянцев к северу и югу от Горицы; стало и тут совершенно ясно, что силы австрийских войск подходят к концу. Можно было опасаться, что если начнется двенадцатая битва на Изонцо, то они иссякнут совершенно. В связи с этим австрийцы обратились к германскому верховному командованию с просьбой об активной поддержке. Тут снова возник вопрос, какова должна быть эта помощь: только ли произвести сильный удар на фронте Изонцо и тем облегчить положение австрийцев, или же предпринять большую операцию, которая нанесла бы итальянцам окончательное поражение.

Генерал Людендорф об'ясняет в своей книге, почему в то время можно было осуществить только первое. Из его об'яснений следует, что высшее командование обсуждало и

второй вариант, т.-е. одновременное наступление из Тироля и на Изонцо. В качестве единственного основания против этого генерал Людендорф приводит то, что Германия не могла дать всех нужных для этой операции войск, а только шесть — восемь дивизий, которых нехватило бы для большого двойного удара. Я не вполне с этим согласен. Восточный фронт в это время мог свободно отдать более значительные силы, если бы это потребовалось. Нельзя было предполагать, что русские еще раз предпримут наступление, и риск был бы очень невелик, хотя бы мы и очень сильно ослабили восточный фронт. Если только вспомнить, как ничтожно было сопротивление итальянских войск германскому натиску, то трудно себе даже представить, какого успеха можно было бы достичь крупной операцией.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ПЕРЕМИРИЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ.

Между тем в России события развивались. Офицеры были лишены своих привилегий и смещены. Были созданы солдатские советы. Таким уничтожением дисциплины армия была сведена на-нет, войсковые части превращены в вооруженные скопища, не представлявшие никакой ценности в военном отношении. На-ряду с распадом армии шло разложение и внутри страны. После первой неудачной попытки большевикам удалось в ноябре захватить власть.

Одним из первых мероприятий нового правительства было радио, посланное 26 ноября народным комиссаром Крыленко, произведенным из унтер-офицеров в главнокомандующие, в котором он запрашивал, согласно ли германское верховное командование заключить перемирие.

Генерал Людендорф вызвал меня к телефону и спросил: «Что же, можно с этими людьми вести переговоры?».

Я ответил: «Да, с ними можно вести переговоры. Вам нужны войска, и отсюда вы их получите скорее всего».

Я часто раздумывал о том, не лучше ли было бы, если бы имперское правительство и верховное военное командование уклонились от всяких переговоров с большевистскими властями. Тем самым, что мы дали им возможность заключить мир и таким образом исполнить страстное желание народных масс, мы им помогли прочно захватить власть и удержать ее.

Если бы Германия отклонила переговоры с большевиками и заявила бы, что согласна вести переговоры только

с правительством, избранным свободным голосованием, то большевики не могли бы удержаться у власти.

Тем не менее я полагаю, что ни один благоразумный человек не станет упрекать нас в том, что мы приняли предложение Крыленко о перемирии.

Верховное командование ответило согласием на радио Крыленко, и 2 декабря русская мирная делегация перешла в Двинске наши линии и отправилась в Брест-Литовск.

Командующий восточным фронтом получил приказ заключить перемирие и уполномочил меня вести переговоры. В качестве представителя министерства иностранных дел уже за несколько дней до того в ставку приехал Розенберг. Ему было поручено только присутствовать при переговорах и высказать пожелания министерства иностранных дел. Верховное командование смотрело на заключение перемирия как на чисто-военное мероприятие. В качестве представителей союзных держав прибыли со стороны Австро-Венгрии подполковник Покорный, со стороны Турции генерал Зекки, со стороны Болгарии полковник Ганчев.

В общем и целом необходимые условия были выработаны верховным командованием заранее и сообщены командующему восточным фронтом. Они сводились к тому, что с восточным фронтом необходимо покончить во что бы то ни стало, и не содержали ничего несправедливого или оскорбительного для русских. Враждебные действия должны были прекратиться, и каждая сторона сохраняла свои прежние позиции.

На этих основаниях, в нормальных условиях, перемирие могло бы быть заключено в несколько часов. Но с русскими это было не так просто.

Русская комиссия состояла из Иоффе, которого, увы, к сожалению, у нас слишком хорошо потом узнали, Каменева (зятя Троцкого), госпожи Биценко, уже получившей некоторую известность убийством какого-то министра, за-

тем одного унтер-офицера, одного матроса, одного рабочего и одного крестьянина. Это все были члены, имевшие право голоса.

Эта комиссия была еще пополнена некоторым количеством офицеров генерального штаба, в том числе адмиралом Альтфатером. Они не имели права голоса и были только экспертами. Секретарем комиссии был Карахан.

Размещение комиссии в некоторых из занимаемых нами бараков Брест-Литовской крепости не представило затруднений. Что касается стола, то я велел спросить комиссию, желают ли ее члены столоваться у себя дома, или с нами в офицерской столовой штаба. Русские согласились на это последнее предложение.

В одном из бараков я велел устроить в большой комнате зал для переговоров. В этом бараке мы и встретились с русской комиссией перед первым заседанием.

Главнокомандующий восточным фронтом принц Леопольд Баварский обратился к прибывшим с несколькими приветственными словами, сообщив, что он уполномочен четверным союзом заключить перемирие и что он поручает ведение переговоров мне. Иоффе ответил ему несколькими словами.

Переговоры начались.

Первым требованием, выставленным русскими, была полная гласность. Они требовали права после каждого совещания опубликовывать путем телеграмм и радио точный текст всего, что было сказано с обеих сторон. Против этого у меня не было никаких возражений. Однако, во избежание ошибок передачи, я предложил назначить подкомиссию, которая должна была тотчас же после совещания точно составить протокол, при чем этот одобренный обеими сторонами текст и должен был оглашаться. Русские были с этим согласны.

Затем последовала пропагандистская речь, в стиле тех речей, каких впоследствии так много пришлось нам вы-

слушать от Троцкого. Она сводилась к призыву ко всем воюющим державам окончить войну и заключить сначала перемирие, а затем и мир.

Мой ответ заключал в себе запрос, имеет ли русская делегация полномочия от своих союзников делать нам такое предложение. Со стороны четверного союза военные представители на месте, сказал я, и готовы вступить в переговоры. Русские должны были сознаться, что таких полномочий они не имеют. Поэтому я предложил, чтобы они придерживались своих полномочий и приступили бы к переговорам о заключении сепаратного перемирия.

Мне также удалось противодействовать позднейшим попыткам русских внести в переговоры пропаганду. По существу дела возникло небольшое затруднение, когда адмирал Альтфатер вдруг потребовал эвакуации Риги и Моонзундских островов.

Я счел такое требование при существующем положении вещей за невероятную дерзость и поэтому коротко и энергично отказал в нем. Из брошюры, изданной позднее одним из русских экспертов, я узнал, что все офицеры генерального штаба единогласно высказались против идеи Альтфатера, так как невозможно было предположить, чтобы мы согласились на это требование. Поэтому оно отпало после моего отказа.

Русские придавали большое значение тому, чтобы задержать на восточном фронте находящиеся там войска и помешать нам перевести их на западный фронт. Нам легко было возразить на это требование. Уже раньше чем начались переговоры в Брест-Литовске, было отдано распоряжение о перевозке большей части войска с восточного фронта на западный. Поэтому я с легкостью мог уступить русским в том, чтобы во время заключаемого перемирия никакие перевозки германских войск не имели бы места, кроме тех, которые были решены и начаты до этого времени.

Некоторые затруднения вызывал еще вопрос о сношениях между обеими сторонами. Русские, естественно, придавали большое значение — в целях пропаганды — неограниченному и беспрепятственному доступу в окопы, тогда как мы были заинтересованы в обратном. Так как было невозможно совершенно запретить доступ в окопы, то я предложил ограничить его определенными пунктами. Таким образом все-таки возможно было установить известный контроль и перехватить ожидающуюся агитационную литературу.

Я должен был воспротивиться следующему требованию, — разрешению ввоза большевистской литературы в Германию, но выразил свою полную готовность содействовать вывозу этой литературы во Францию и Англию.

После долгих переговоров мы выработали, наконец, проект договора о перемирии в общем по германскому плану. Тогда Иоффе сообщил мне за завтраком, что он должен поехать в Петербург, чтобы получить полномочия для окончательного подписания перемирия. Как ни была мне неприятна эта отсрочка, однако я не разделял опасения некоторых союзных делегатов, высказавших мысль, что требование Иоффе только маневр, чтобы прервать переговоры, и что делегация, возможно, и не вернется.

Я не ошибся в своих предположениях; комиссия вернулась к назначенному времени, а обусловленный на время их отсутствия перерыв военных действий был обоюдным подписанием договора превращен в перемирие.

Так как комиссия обедала с нами в офицерском клубе, то мы имели возможность поближе познакомиться с ее отдельными членами. За столом я посадил, конечно, членов с правом голоса выше, чем экспертов, так что рабочий, матрос и унтер-офицер сидели выше, чем адмирал и офицеры. Я никогда не забуду первого обеда с русскими. Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов. Против меня сидел рабочий, которому множество

приборов на столе доставляло видимые затруднения. Он пытался так или иначе употребить их в дело, но, в конце концов, воспользовался только вилкой для того, чтобы ковырять ею в зубах. Наискось от меня рядом с князем Гогенлоэ сидела госпожа Биценко, с другой стороны которой поместился крестьянин, — типично-русская фигура с длинными седыми кудрями и большой косматой бородой. Он вызвал улыбку у прислуживающего денщика, когда на вопрос, какого он желает вина, красного или белого, ответил, что выберет то, которое покрепче.

Иоффе, Каменев, Сокольников, особенно первый, производили впечатление чрезвычайно интеллигентных людей. С большим воодушевлением говорили они о лежащей перед ними задаче возвести русский пролетариат на вершину благополучия и счастья. Все трое ни минуты не сомневались, что так оно и будет, если народ сам будет управлять страной, руководствуясь учением Маркса. Самое меньшее, о чем мечтал Иоффе, это — чтобы всем людям жилось хорошо, а некоторым, в числе которых он, по-моему, считал и себя, даже несколько лучше. Кроме того, все трое совершенно не скрывали, что русская революция есть лишь первый шаг к счастью народов. Само собой разумеется, говорили они, невозможно, чтобы государство, управляемое на началах коммунизма, продержалось долго, если окружающие государства будут управляться на основах капиталистических. Поэтому цель, к которой они стремятся, есть мировая революция.

Во время этих разговоров у меня в первый раз появились сомнения, правильно ли было то, что мы вошли в переговоры с большевиками. Они обещали своему народу мир и благоденствие. Если им теперь удастся вернуться домой, заключив мир, то их положение в глазах широких масс, годами жаждавших мира, сильно упрочится. Новые сомнения возникли у меня из разговоров с офицерами, особенно с адми-

ралом Альтфатером. С ним я много говорил о прекрасном царском войске и о том, как это могло случиться, что революция его окончательно уничтожила.

Альтфатер ответил: «Влияние большевистской пропаганды на массы огромно. Ведь я вам уже много раз рассказывал и сокрушался о том, что при защите Эзеля войска прямо растаяли у меня меж пальцев. Так было во всем войске, и я говорю вам заранее, что и в вашей армии случится то же самое».

Тогда я прямо поднял на-смех злосчастного, впоследствии убитого адмирала [1]).

---

[1]) Гофман хочет сказать, что Альтф. был расстрелян или злодейски убит (ermordet). — В действительности Альтфатер скоропостижно скончался в Москве 22/IV 1919 г. от склероза сердца в звании ком. всеми морск. силами республики. В приказе Предреввоенсовета от 23/IV 1919 г. адм. Альтф. характеризуется как неутомимый, компетентный, энергичный и честный работник, память о котором будет жить в летописях флота. Этой справкой я обязан любезности т т. Зофа и Озолина.

Прим. перев.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ.

Проведение заключенного перемирия фактически натолкнулось на многих участках фронта на сопротивление. Не то, чтобы русские войска не желали перемирия, но, как на южном фронте, так и на Кавказе, они не признавали петербургскую большевистскую делегацию уполномоченной заключить перемирие. Из отдельных комиссий, избранных для осуществления условий перемирия, лишь одна, назначенная на северный фронт, имела возможность отправиться к месту своего назначения, — в Двинск, тогда как назначенная на южный фронт, пока не могла переступить линии фронта.

Перемирие было заключено в целях установления мира между Россией и четверным союзом. Для этого теперь и собрались представители четырех держав в Брест-Литовске.

В качестве представителя германской империи прибыл статс-секретарь Кюльман. По распоряжению верховного командования я был назначен представителем последнего при статс-секретаре. Я был ему подчинен и имел лишь право высказывать пожелания и соображения верховного командования и в нужных случаях протестовать против мероприятий статс-секретаря. Мне хотелось бы особенно подчеркнуть это обстоятельство, так как общественное мнение склонно было возложить ответственность за все, что произошло в Брест-Литовске,—в первую очередь за последовавший насильственный мир — на верховное командование и на меня, как его представителя. Это неверно. За ход переговоров

и заключение мира ответственность несут тогдашний рейхсканцлер граф Гертлинг и статс-секретарь по иностранным делам.

В качестве представителя Австро-Венгрии приехал граф Чернин, умный и благородный человек, — к сожалению с совершенно истрепанными нервами. Он был твердо убежден, что Австро-Венгрия должна погибнуть, если она вскоре же не заключит мира.

Им всецело владела мысль — притти непременно к соглашению, хотя бы с Россией, и вернуться домой, заключив мир.

Болгарская миссия возглавлялась министром Поповым, незначительной личностью с узким политическим кругозором, но, может быть, именно вследствие этого тем более упрямым. Умный министр-президент Радославов появился позднее, так же как и великий визирь Талаат. Пока же представителями Турции были турецкий посланник в Берлине и бывший великий визирь Хакки, необычайно ловкий и способный дипломат и статс-секретарь по иностранным делам Мессими-Бей.

Представителями русской делегации были в то время Иоффе, Каменев и профессор Покровский.

Размещение и питание многочисленных миссий (в общем более 400 человек) представляло, естественно, некоторые трудности. Однако опытные квартирьеры и заведующие офицерскими столовыми справились с этим. В прежнем русском театре, который сохранился почти в порядке, был устроен зал для заседаний, предоставлявший достаточно места. Для переговоров в более тесном кругу в нашем распоряжении был меньший зал, в котором мы раньше вели переговоры о перемирии.

Вскоре после приезда Кюльмана и Чернина, я был приглашен на одно совещание, происходившее между ними и касавшееся вопроса о первых шагах, которые следовало

предпринять. В первую очередь следовало дать ответ русским на их мирное предложение, которое, так же как и приглашение к заключению перемирия, было обращено ко «всем» с воззванием окончить войну и сообща приступить к мирным переговорам. Русское предложение говорило о мире без аннексий.

Статс-секретарь Кюльман стоял на той точке зрения, что Германия может принять это предложение, если этим самым ей удастся воздействовать на государства Антанты, чтобы они также приступили к мирным переговорам.

Он был того мнения, что урегулирование вопроса о пограничных государствах — Польше, Литве и Курляндии — не относится к области аннексий, так как законно уполномоченные представители этих государств уже давно решили отделиться от России и предоставить Германии, или вообще центральным державам, дальнейшее урегулирование их будущего государственно-правового положения.

Само собой разумеется, что граф Чернин был готов принять мир без аннексий; так он и должен был поступать, если б ему удалось на таких началах вступить в переговоры с враждебными державами, решившими разделить Австро-Венгрию. Поэтому Кюльман и Чернин сошлись на ответе, который без ограничений признавал мир без аннексий, «в случае, если и державы Антанты выразят свою готовность начать переговоры на этих же условиях».

Мне этот ответ не понравился. С одной стороны, во вступлении он содержал целый ряд замечаний в русском стиле, противоречивших моим взглядам, и затем по существу он являлся ложью. Он основывался на условном тезисе: «Если и Антанта» и т. д. Я бы считал правильнее прямо стать на почву фактов и ответить русским, что центральные державы, действительно, готовы вести переговоры о всеобщем мире, — что доказывается многократными мирными предложениями рейхстага, — но что, однако, русская мир-

ная делегация отнюдь не имеет полномочий говорить от имени других держав Антанты и что поэтому, пока русские не представят таких полномочий, можно говорить лишь о сепаратном мире России с четверным союзом.

Я высказал все эти соображения статс-секретарю Кюльману. Он остался при своем мнении. Так как он непосредственно перед от'ездом своим в Брест-Литовск был вместе с рейхсканцлером в Ставке, то я должен был предположить, что там произошло совещание имперского правительства с высшим командованием относительно образа действий на мирной конференции, и не настаивал.

Когда дело дошло до подписания ответа русским, болгары представили серьезные возражения. Министр Попов об'явил, что при заключении союза им, болгарам, обещаны были некоторые части сербских областей и Добруджа и что они вовсе не намерены подвергать опасности подобным подписанием выполнение этих обещаний. Они и в войну-то вступили из-за аннексий и не намерены от них отказываться. Напрасно Кюльман и Чернин расточали перед Поповым свое красноречие, сотни раз доказывая ему, что данные им обещания не подвергаются никакой опасности; что все дело только в том, чтобы произвести хорошее впечатление при начале переговоров; что невозможно допустить, чтобы Англия и Франция вступили в мирные переговоры и что раз это так, то все декларации, которые теперь делают центральные державы, отпадают в случае, если Антанта еще не подготовлена для мирных переговоров. Попов твердо стоял на своем «нет».

Генерал Ганчев, второй болгарский представитель, оказался уступчивее и более способным понять логику дипломатов. Он подробно телеграфировал царю Фердинанду и добился того, что Попову дан был приказ подписать ответ. Мессими-Бей также колебался относительно подписания, однако уступил скорее болгар под давлением увещаний

Чернина и Кюльмана. Ответ был передан русским 24 декабря. Перед этим мне удалось изменить или вычеркнуть некоторые чересчур унизительные по форме обороты речи.

Русские торжествовали и, весьма довольные, телеграфировали в Петербург. После согласия обеих сторон пришлось выжидать еще десять дней, в течение которых Антанта должна была сообщить, примет ли она участие в переговорах.

Статс-секретарь Кюльман и граф Чернин предложили русским не проводить эти десять дней в бездеятельности, но тотчас же образовать несколько комиссий, которые проработали бы некоторые разделы мирного договора. Русские были с этим согласны. Сам Иоффе с некоторыми из своих товарищей предполагал употребить это время на то, чтобы еще раз с'ездить в Петербург. Он указал при этом, что оттуда с ним, вероятно, приедет комиссар по иностранным делам Троцкий.

Из случайных разговоров, которые мне приходилось вести, у меня все больше и больше получалось впечатление, что русские неверно поняли предложение наших дипломатов. Они держались того мнения, что мир без аннексий отдаст им польские, литовские и курляндские губернии. Мое впечатление подтвердилось разговором, который майор Бринкман имел с русским подполковником Фокке. Фокке высказал предположение, — и это вполне определенно выражало ожидания русских, — что тотчас же после подписания мирного договора германские войска отойдут за старую границу 1914 года.

Я сказал статс-секретарю, что считаю невозможным допустить, чтобы русские ехали в Петербург с подобной уверенностью. Если они в Петербурге не только перед правительством, но и перед широкими народными массами будут утверждать, что заключаемый мир обеспечивает им границы 1914 года, а потом окажется, что утверждение это неверно,

что ноту центральных держав надо понимать иначе, что, иными словами, они обмануты, то это может вызвать ужасное возмущение. Я находил, что теперь своевременно раз'яснить русским этот пункт и готов был это сделать сам.

Статс-секретарь, так же как и граф Чернин, признал правильность моих выводов и согласился с моим предложением.

В полдень, за завтраком, я сказал сидящему рядом со мной Иоффе, что у меня создалось впечатление, будто русская делегация понимает мир без аннексий иначе, чем представители центральных держав. Последние стоят на той точке зрения, что если части прежнего русского государства добровольно и по решению законных учреждений выскажутся за выделение из состава русского государства и за присоединение к Германской империи или к какому-либо иному государству, — то это не является насильственной аннексией. Основания для этого взгляда высказали ведь сами русские правители в их декларациях о праве самоопределения народов в отдельных государствах. Этот случай как раз подходит к Польше, Литве и Курляндии. Представители трех народов заявили о выходе своем из состава русского государства. Поэтому центральные державы не считают аннексией определение дальнейшей судьбы этих трех государств путем непосредственного сношения с их представителями, без участия русских властей.

Иоффе был совершенно ошеломлен. После завтрака Иоффе, Каменев и Покровский, с одной стороны, статс-секретарь, граф Чернин и я, — с другой, устроили длинное совещание, на котором русские дали полную волю своему изумлению и негодованию. Со слезами ярости Покровский об'явил, что нельзя же говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний. В конце концов, русские стали угрожать от'ездом и перерывом переговоров.

Граф Чернин был вне себя. Он получил предписание от своего императора ни в коем случае не допускать прекращения переговоров в Бресте, и, в крайнем случае, если германские требования будут мешать ходу переговоров, даже заключить с русскими сепаратный мир. Он потерял всякое самообладание и очень возбужденно говорил на тему о сепаратном мире не только со статс-секретарем, но даже прислал и ко мне, в мой рабочий кабинет, своего военного советника Чичерича с такой же угрозой, повидимому для того, чтобы произвести давление на германское верховное командование.

Я не мог понять волнение графа. По моему мнению, и речи не могло быть о прекращении переговоров со стороны русских. Русские массы страстно желали мира, войско было деморализовано, — оно состояло только из недисциплинированных вооруженных скопищ; единственная возможность для большевиков удержаться у власти состояла в том, чтобы заключить мир. Они принуждены будут принять условия центральных держав, как бы они ни были тяжелы. Поэтому я очень спокойно ответил Чичеричу на его угрозу заключения сепаратного мира, что я эту идею нахожу блестящей, так как, благодаря ей, у меня освободится двадцать пять дивизий, которые до сего времени были заняты на австрийском фронте для поддержки австро-венгерских войск. При сепаратном мире правый фланг немецких войск был бы автоматически прикрыт нейтральной Австро-Венгрией, так что, благодаря такой мере, военное положение германских войск восточного фронта чрезвычайно улучшилось бы.

Статс-секретарь Кюльман отнесся также очень спокойно к угрозам заключения сепаратного мира со стороны Чернина. Он сказал мне, что он истребовал для себя письменное изложение точки зрения австро-венгерского правительства, и мне показалось, что ему не неприятно получить таким образом известный противовес против некоторых чересчур

далеко заходящих требований верховного командования. Об'яснения в повышенном тоне и оживленный обмен телеграммами в эти дни не привели ни к каким результатам, поэтому оставалось только спокойно ждать, вернется ли русская делегация из Петербурга, или, — как этого больше всех боялся граф Чернин, — нет.

Во время перерыва переговоров граф Чернин поехал в Вену, а Кюльман — в Берлин. По его желанию, и я присоединился к нему.

Когда я явился к генералу Людендорфу, он встретил меня гневным вопросом: «Как вы могли допустить, чтобы появилась такая нота?».

Я ответил, что я предполагал, — и не мог не предполагать, — что по вопросу об основных линиях переговоров состоялось соглашение между верховным командованием, рейхсканцлером и Кюльманом на совещании в Крейцнахе, имевшем место непосредственно перед началом переговоров. Генерал Людендорф отрицал это, но согласился со мной, что я имел основание так думать.

До сих пор для меня остается загадкой, почему между верховным командованием и имперским правительством не состоялось соглашения во время их совещания 18 декабря. Одни только общие разговоры не могли ведь дать нам руководящих начал для ведения таких серьезных мирных переговоров.

После моего об'яснения с генералом Людендорфом я явился в замок Бель-вю к кайзеру. Последний очень заинтересовался как вопросами возникшими во время перемирия, так и текущими переговорами. Я должен был подробно описать ему все события и всех в них принимавших участие лиц и так как не кончил своего рассказа до завтрака, то был приглашен к столу. После завтрака кайзер продолжал беседу о делах на восточном фронте и при этом коснулся польских затруднений. Он предложил мне выска-

зать мои взгляды на польский вопрос. Я был в некоторой нерешительности и попросил его величество освободить меня от этого, так как мои взгляды не сходятся со взглядами верховного командования.

Его величество ответил: «Когда ваш верховный военный вождь желает узнать ваше мнение по какому-либо вопросу, то вы должны его высказать независимо от того, совпадает ли ваше мнение с мнением штаба верховного командования или нет».

Я был врагом всякого решения польского вопроса, которое привело бы к росту польской национальности в Германии. Несмотря на все мероприятия, которые в течение десятилетий принимала Пруссия, мы до сих пор не разрешили польского вопроса, и я не мог ожидать добра от увеличения числа польских граждан. Присоединение к Германии широкой пограничной полосы с почти двухмиллионным польским населением, как того требовало верховное командование, по моему мнению, принесет лишь ущерб Германской империи. Еще более невыгодной для нас считал я так называемую «германо-польскую комбинацию». По-моему, новую польскую границу следует провести так, чтобы она дала нам как можно меньше новых польских подданных. Следует ограничиться только необходимым исправлением границы. Под последним я разумею присоединение небольших участков у Бендзина и Торна, для того чтобы в будущей войне неприятельская артиллерия не могла непосредственно обстреливать угольные копи в Верхней Силезии и главный вокзал в Торне; к этому я еще прибавлял высоты у Млавы для лучшей защиты местности вокруг Сольдау и, наконец, переправу через Бобр у Оссовца, которая так часто причиняла нам затруднения. С увеличением польских жителей, примерно, на 100.000 человек мы могли бы помириться. Но свыше этого — ни одного человека.

Кайзер присоединился к моему мнению.

На 2 января было назначено совещание имперского правительства с верховным командованием в здании генерального штаба и, вслед затем, в Бель-вю коронный совет. Я был приглашен на то и на другое. Я старался поговорить наедине с генералом Людендорфом, чтобы сообщить ему о своем докладе кайзеру, но напрасно.

На совете прежде всего говорили о продолжении переговоров в Брест-Литовске. Статс-секретарь Кюльман доложил обо всем, что до сих пор случилось, и как он представляет себе дальнейший ход переговоров; его доклад был одобрен кайзером. После этого кайзер взял слово и заговорил о польском вопросе. На основании моего доклада он велел начертить на карте новую польскую границу и об'явил, что считает ее правильной. Он не может не согласиться с серьезными возражениями, говорящими против решения верховного командования, о которых я ему доложил; поэтому он должен взять обратно свое согласие с этим решением, данное им ранее.

Генерал Людендорф возражал в довольно резкой форме. Он не может считать окончательным такое решение кайзера и настоятельно просит еще раз выслушать верховное командование по этому вопросу. К этой просьбе присоединился и фельдмаршал Гинденбург. Кайзер положил конец этой довольно неприятной сцене, при чем он сказал:

«Итак я ожидаю другого доклада от верховного командования».

Коронный совет не дал ничего положительного. Статс-секретарю Кюльману не была ясно указана его линия поведения в Бресте, и польский вопрос не был выяснен. Кайзер лишь одобрил образ действий Кюльмана и уполномочил его итти по намеченному пути. Трудная проблема устроения пограничных государств так и осталась висеть в воздухе. Правда, верховное командование высказалось за скорое и энергичное ведение переговоров в Бресте, которое должно

было отделить от России пограничные государства, находящиеся в германских руках и передать их центральным державам. Однако Кюльман настоял на том, что определение пограничных государств следует попытаться провести не в форме аннексий, но примирительным путем. С этим мы и уехали вечером 2 января обратно в Брест-Литовск.

Мне было ясно, что генерал Людендорф рассердится на меня за мое несогласие в польском вопросе, и я не ошибся. Уже на следующий день мне телеграфировали из Берлина, что Гинденбург и Людендорф в связи с этим пригрозили своей отставкой. Поступая таким образом, они требовали моего отозвания. В польском вопросе кайзер уступил, но в вопросе, касающемся лично меня, — нет. Как и следовало ожидать, он взял меня под свою защиту. Кроме этого переданного мне факта, я и сам почувствовал недовольство мною верховного командования, сказавшееся в целом ряде распоряжений и запросов, притом сделанных в такой форме, которая показала мне, что и великие люди могут быть крайне мелочными.

В первых числах января вернулись из Петербурга, — в чем я и не сомневался, — русские делегаты для продолжения переговоров. Прежний глава делегации, правда, вернулся вновь, но уже не как глава, — на его место был назначен Троцкий. Относительно этой перемены рассказывали две версии: по одной — Троцкий был возмущен, что Иоффе не сразу понял дипломатическое коварство в ответе центральных держав, — и потому последнего сместили; Иоффе взяли с собой лишь для того, чтобы использовать его знакомство с местными условиями и населением Брест-Литовска, приобретенное им во время своего продолжительного в нем пребывания. По другой версии — Иоффе сам был возмущен неискренним поведением представителей центральных держав и отказывался продолжать мирные переговоры.

Поехал он против воли, уступая просьбе Троцкого, считавшего, что его участие в переговорах будет полезным.

Троцкий был, несомненно, наиболее интересной личностью в составе нового русского правительства: умный, разносторонне образованный, очень энергичный, работоспособный и красноречивый, — он производил впечатление человека, точно знающего чего он хочет и не останавливающегося ни перед какими средствами, чтобы добиться желанной цели. Много было споров о том, приехал ли он вообще с намерением заключить мир или его прежде всего интересовала возможность найти широкую арену для пропаганды большевистских идей. Однако, хотя пропаганда и стояла на первом плане во всех переговорах первых недель, я все-таки думаю, что прежде всего Троцкий пытался сначала добиться заключения мира. Лишь позднее, когда не уступающая ему диалектика Кюльмана поставила его в безвыходное положение, он пришел к мысли сделать театральный жест и закончить конференцию заявлением, что Россия не может согласиться на мирные предложения центральных держав и даже не может вдаваться в обсуждение таковых, и что тем не менее делегация считает, что война окончена.

Еще до начала этих переговоров в Брест-Литовске появилась новая группа участников, а именно представители украинской народной республики. Они были посланы Радой с тем, чтобы, основываясь на декларации петербургского советского правительства о праве народов на самоопределение, заключить сепаратный мир для Украины. Кюльман и я приняли украинцев с радостью, потому что, с их появлением, представилась возможность использовать их в игре против петербургской делегации. Их приезд принес графу Чернину новые заботы, так как можно было предполагать, что представители Украины будут пред'являть требования, касающиеся политических прав их единомышленников, живущих в Буковине и Восточной Галиции.

С приездом Троцкого прежнее непринужденное общение вне заседаний прекратилось. Троцкий просил, чтобы делегации была предоставлена возможность столоваться у себя на-дому и запретил своим коллегам всякие частные разговоры и сношения. Перед началом переговоров произошло маленькое столкновение. Арена в Брест-Литовске показалась Троцкому не достаточно большой для его пропагандистских целей. Он требовал перенесения переговоров в Стокгольм. При этом им прежде всего руководило соображение, что в Брест-Литовске, т.-е. в военной зоне, ему не удастся войти в непосредственное соприкосновение с недовольными элементами центральных держав, при помощи которых можно было бы распространить в широких народных кругах и использовать в целях пропаганды его зажигательные речи. Само собой разумеется, что это требование было представителями центральных держав отклонено. Тогда начались между Троцким и Кюльманом словопрения, которые длились много недель и ни к чему не привели.

Только постепенно стало всем участникам ясно, что главной целью Троцкого было провозглашение большевистского учения, что он обращался через голову конференции ко всему миру, не придавая никакого значения работе по существу. Параллельно с его речами распространялись радио ко «всем», призывавшие к неповиновению, разжалованию и убийству офицеров. Я заявил против этого энергичный протест; Троцкий обещал свою помощь, однако возбуждающие радио продолжались.

Переговоры все дальше уходили от реальной почвы, превращаясь в теоретическую дискуссию. При этом тон Троцкого с каждым днем становился все агрессивнее. Поэтому я обратил однажды внимание Кюльмана и графа Чернина на то, что так мы к цели никогда не придем, что совершенно необходимо снова поставить переговоры на реальную почву. Я вызвался, при первой же возможности как

в зеркале показать русской делегации каково действительное положение дел и для чего мы, собственно, все здесь собрались.

Как и всегда, Кюльман вполне разделил мое мнение. Граф Чернин, который с каждым днем становился все нервнее, колебался. Он ни на йоту не приблизился к своей цели,— вернуться в Вену непременно заключив мир, — он все еще надеялся при помощи любезности и дипломатической ловкости сблизиться с большевиками. Но, в конце концов, и он уступил. Было условлено, что Кюльман, при первом же удобном случае, даст мне слово, и я скажу тогда все, что мне покажется необходимым.

Такой случай представился скорее, чем мы предполагали.

На следующий день Каменев, зять Троцкого, выступил по его поручению с речью, от которой всем нам, присутствующим офицерам, кровь бросилась в голову. Она была дерзостью; русские имели бы некоторое право так говорить, если бы положение было обратным, т.-е. если бы германская армия была разбита и повержена в прах, а русские войска победоносно стояли бы на германской земле.

Один взгляд на Кюльмана показал мне, что и его терпение истощено. Он дал мне слово, и я начал об'яснять русским, каково истинное положение дел и какая разница существует между их речами и их поступками; они говорят громкие слова о свободе совести, свободе слова, самоопределении народов и о других прекрасных вещах, а в действительности, у себя на родине, не терпят свободного общественного движения; они штыками разогнали учредительное собрание, выборы в которое закончились не в их пользу, разогнали вооруженной силой белорусское народное представительство в Минске и теперь разгоняют свободно избранную украинскую Раду. Для немецкого верховного командования вопрос о пограничных государствах решен: оно стоит на той

точке зрения, что законные представители этих государств высказались за их отделение от советской России, — поэтому вторичное голосование бесцельно. Говорил я сидя и совершенно спокойно; я ни разу не возвысил голоса и не ударял кулаком по столу, как об этом говорит создавшаяся легенда [1]).

Когда я окончил, воцарилось глубокое молчание. Даже Троцкий в первый момент не мог ни слова возразить. Да и трудно было что-нибудь сказать, так как все, что я утверждал, было правдой. Заседание было вскоре прервано.

Фактические результаты моих доводов были не так велики, как я надеялся. Троцкий ограничился тем, что на следующем заседании сказал несколько ничего не значащих слов и с приемами агитатора осудил мою речь, как выражение милитаризма. Но и впредь он не стал на почву практической работы и продолжал свои диалектические кунштюки. К сожалению и Кюльман не воспользовался случаем на основании моей речи потребовать, чтобы конференция вступила, наконец, на путь органической работы.

Через начальника оперативного отделения я изложил генералу Людендорфу основания для моего выступления и просил его сообщить мне его мнение по этому предмету. Генерал Людендорф одобрил мой образ действий и просил меня по возможности содействовать ускорению переговоров и направлению дебатов в реальное русло. После того, как мне не удалось добиться фактического успеха моим вмешательством в переговоры с Троцким, мне оставался еще другой путь: переговоры с украинской делегацией.

В противоположность Троцкому украинские делегаты от нас не отделялись. Они столовались вместе с нами в офи-

---

[1]) Описание К. Ф. Новака в его книге «Падение центральных держав» (гл. Брест-Литовск), составленное со слов участников и во всех подробностях отвечающее действительности, говорит о том же.

церской столовой и спокойно разговаривали о своих целях и желаниях. У меня составилось впечатление, что с ними скоро можно притти к соглашению. Поэтому я предложил графу Чернину, который, естественно, являлся главным лицом в переговорах с Украиной, свое посредничество. Я исходил при этом из того взгляда, что заключение сепаратного мира центральными державами с Украиной заставит и Троцкого выйти из состояния бездеятельности. Молодые представители Киевской Центральной Рады были несимпатичны графу Чернину, и переговоры на началах равенства с Любинским и Севрюком, едва сошедшими со студенческой скамьи, были ему неприятны. Я предложил графу Чернину уполномочить меня сначала в частном разговоре с украинцами твердо установить, на каких условиях они склонны заключить сепаратный мир с центральными державами. Граф Чернин дал мне такое полномочие.

После некоторых настояний с моей стороны оба украинца высказали свои желания. Они простирались до присоединения к Украине Холмщины, а также и русинской части Галиции и Буковины.

Ввиду того, что образование самостоятельного польского государства я считал, и теперь считаю, утопией, я не задумался обещать украинцам свою поддержку в отношении Холмщины. Наоборот, требование австро-венгерских областей я считал неприличным и не преминул заявить об этом обоим украинцам в довольно резкой форме. Они, повидимому, ожидали подобного ответа, — по крайней мере, они самым любезным образом ответили мне, что, основываясь на наших переговорах, они должны запросить для себя новых инструкций из Киева.

Положение графа Чернина стало в это время особо затруднительным из-за внезапной продовольственной катастрофы в Вене, случившейся благодаря непредусмотрительности австро-венгерского правительства. Чтобы дело не до-

шло до голода, нужно было просить помощи из Берлина. Берлин, правда, откликнулся, но тем самым у графа Чернина была отнята возможность угрожать нам впредь заключением сепаратного мира с Троцким или пытаться заключить таковой. С другой стороны, украинский мир, на который я смотрел скорее как на средство произвести давление на Троцкого, стал в качестве «хлебного мира» настоятельной необходимостью для графа Чернина. Особенно плохо для Австрии было то, что ее тяжелого положения нельзя было, конечно, скрыть от украинцев.

Тем временем, новые инструкции из Киева ими были получены, и они на новом совещании мне их сообщили. Холмщина являлась conditio sine qua non. Но, очевидно, киевским властям стало ясно, что побежденная сторона не может требовать от другой уступки территории. Они отказались поэтому от Галиции и Буковины, но требовали, чтобы из этих областей была создана особая австро-венгерская имперская область под скипетром Габсбургов. Мне казалось, что украинцы не отступят от своих требований и что им совершенно ясно безвыходное положение графа Чернина. Затруднения графа Чернина были двоякого рода: если он согласится на присоединение Холмщины к Украине, то ему будет угрожать смертельная вражда поляков; если же он согласится на создание русинской имперской провинции, то тем самым внесет вопрос о праве самоопределения в самую гущу народов Австро-Венгрии, в то время как уступка Холмщины без опроса народонаселения и является как раз нарушением именно этого права самоопределения.

После двухдневного перерыва по случаю кратковременной болезни графа Чернина, последний уполномочил меня продолжать переговоры с украинцами на основе их требований и, по возможности, притти к какому-нибудь соглашению.

Тем временем переговоры с Троцким затягивались до бесконечности. Повидимому, русский народный комиссар за-

метил опасность, грозившую ему от наших украинских сепаратных переговоров, потому что он вдруг об'явил, что украинские делегаты, которых он до сих пор признавал, не имеют права вести сепаратные переговоры от имени Украины, так как границы между Украиной и Советской Россией еще твердо не установлены. По этому и по некоторым другим вопросам он должен снестись с петербургским правительством на несколько дней, так как он должен с'ездить в Петербург.

Все это, конечно, не могло являться причиной его поездки в Петербург. Я полагаю, что он хотел убедиться, насколько господство большевиков утвердилось за это время в Петербурге: должен ли он, считаясь с желанием народа действительно заключить мир с центральными державами или он может рискнуть закончить переговоры театральным жестом, действительно потом последовавшим. Кюльман поехал в Берлин дать отчет рейхстагу, граф Чернин отправился в Вену, чтобы получить одобрение для заключения мира с Украиной.

По возвращении всех участников в первых числах февраля, Троцкий пустил в ход еще одно средство для того, чтобы помешать украинским сепаратным переговорам. Он привез с собой двух украинцев, Медведева и Шахрая, которых прислала не Центральная Рада, а новое большевистское правительство, образовавшееся в Харькове.

Представители Центральной Рады протестовали против этого шахматного хода, и дело дошло до довольно энергичных столкновений между украинской и русской делегациями. В превосходной речи Любинский перечислил большевикам все их грехи. Троцкий в своем ответе ограничился указанием, что власть Центральной Рады кончилась и что единственное место, где еще могут распоряжаться ее представители, — это их комнаты в Брест-Литовске.

По имевшимся у меня сведениям о положении дел на Украине я, к сожалению, не имел оснований считать слова Троцкого несправедливыми. Большевизм победоносно распространялся; Центральная Рада и временное украинское правительство обратились в бегство.

Кюльман и граф Чернин решили держаться этого украинского правительства, несмотря на его временные затруднения. «Временными» эти затруднения были постольку, поскольку мы во всякое время могли силой оружия поддержать и снова водворить его на Украине. Поэтому они отвели новых украинских представителей, привезенных Троцким, мотивируя это тем, что сам Троцкий в начале января признал украинскую делегацию как правомочных представителей украинского народа.

Я удивлялся молодым украинцам. Они, конечно, знали, что кроме возможной помощи со стороны немцев у них ничего нет, что правительство их — одна фикция. Тем не менее в переговорах с графом Черниным они твердо стояли на своем и в своих требованиях ни на йоту не уступали.

Мир с Украиной был подписан. Это был тяжелый удар для Троцкого, так как теперь стало очевидно, что и с ним переговоры будут так или иначе приведены к концу.

Тем временем, несмотря на мои протесты, несмотря на соответствующие обещания Троцкого, продолжали появляться зажигательные воззвания ко «всем»; особенно они распространялись в войсках. Как раз в это время появилось воззвание, призывавшее войска к избиению офицеров.

Если до сего времени лишь верховное командование настаивало на том, чтобы кончить переговоры с Троцким, то теперь Кюльман получил телеграмму уже от кайзера о том, что Троцкому должен быть пред'явлен 24-часовой ультиматум. Но как раз в этот момент у Кюльмана сложилось впечатление, что, может быть, все же удастся притти к со-

глашению с Троцким, так как последний под влиянием заключения мира с Украиной впервые подошел практически к вопросу о мире. Троцкий велел спросить статс-секретаря, нет ли какой-нибудь возможности оставить за Россией Ригу и близлежащие острова.

Положение статс-секретаря было очень затруднительным. Он ни одной минуты не колебался пожертвовать собой за дело, которое он считал справедливым: он телеграфировал в Берлин, что момент для ультиматума выбран неудачно и что он настоятельно советует отказаться от его пред'явления. Если же кайзер настаивает на пред'явлении ультиматума, то в таком случае имперское правительство должно поручить это другому лицу. Он будет ждать до $4\frac{1}{2}$ часов пополудни; если до того времени не будет получено другого распоряжения касательно ультиматума, то он перейдет к порядку дня. До половины пятого ответа не последовало, и Кюльман не пред'явил ультиматума.

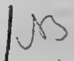
касающихся Риги. Он послал к нему Розенберга и велел

Он попытался поймать Троцкого на его требованиях, ему сказать, чтобы Троцкий письменно изложил ему свою готовность заключить мир при условии, если Рига и острова останутся во владении русских; тогда можно будет об этом разговаривать. Это требование Троцкий, после некоторого колебания, отклонил. Но он понял, что с одними речами и проектами далеко не уйдешь, что теперь центральные державы потребуют деловых предложений. К тому же он нашел, что уже достаточно сделал в смысле пропаганды и начал искать возможности закончить переговоры в Бресте с возможно большим эффектом. Он об'явил 10 февраля, что хотя он и не заключает мира, но что Россия заканчивает войну, распускает свои войска по домам и оповещает об этом факте все народы и государства.

Молчание воцарилось на заседании после оглашения декларации Троцкого. Смущение было всеобщее.

В тот же вечер между австро-венгерскими и германскими дипломатами состоялось совещание по поводу создавшегося положения, на которое был приглашен и я.

Дипломаты обеих стран заявили единогласно, что они примут эту декларацию. Хотя декларацией мир и не заключен, но все же восстановлено состояние мира между обеими странами. Протестовал только я один. Мы заключили с русскими перемирие с намерением при помощи последующих переговоров притти к заключению мира. Раз дело до мира не дошло, то значит цель перемирия не осуществилась; таким образом перемирие автоматически кончается, и должны возобновиться враждебные действия. По-моему, декларация Троцкого была не чем иным, как прекращением перемирия.

Мне не удалось убедить дипломатов в правильности моего мнения. Один из сотрудников Чернина, Визнер, не понимая создавшегося положения, — этим недостатком всегда отличался этот дипломат, — даже телеграфировал в Вену, что мир с Россией уже заключен. Я сообщил о результатах совещания в Ставку и получил оттуда известие, что верховное командование вполне разделяет мою точку зрения. Как известно, эту точку зрения верховное командование противопоставило точке зрения канцлера и министерства иностранных дел.

На восьмой день после прекращения Троцким переговоров армии восточного фронта снова начали наступление.

Деморализованные русские войска не оказывали никакого сопротивления. Собственно о войсках вообще нельзя было говорить; в сущности остались только штабы; главная масса войск уже разошлась по домам. С быстротой молнии оккупировали мы всю Лифляндию и Эстляндию. Наши войска были встречены, как спасители от большевистского террора, не только балтийскими немцами, но и состоятельными латышами и эстонцами.

На другой день после начала наступления из Петербурга пришло радио о том, что русские готовы к возобновлению переговоров и заключению мира и просят приостановить наступление. Очень скоро выяснилось, что теории Троцкого не выдерживали столкновения с реальной действительностью.

Немецкие войска продвинулись лишь до Чудского озера и Нарвы, чтобы освободить, по крайней мере, всех своих балтийских единоплеменников от большевиков и их позорных деяний. Затем наступление было приостановлено, и русским ответили, чтобы для заключения мира они прислали полномочную делегацию в Брест-Литовск. Она была прислана немедленно с Сокольниковым во главе. Раз'ехавшиеся представители четверного союза также поспешно вернулись обратно. Но как с нашей стороны, так и со стороны русских на этот раз фигурировали, если можно так выразиться, деятели второго сорта: Кюльман, Чернин, Талаат, Радославов уехали тем временем на открытие мирных переговоров в Бухарест. Они не вернулись, а прислали своих заместителей. Со стороны Германии приехал посланник Розенберг.

Переговоры и на этот раз сложились очень своеобразно. Розенберг предложил в первом заседании обсуждать отдельные пункты мирного договора, проект которого он привез с собой; Сокольников ответил на это предложение просьбой сначала прочесть ему весь проект целиком. По прочтении он об'явил, что отказывается от обсуждения отдельных пунктов и что русские готовы подписать прочитанный текст договора.

Единственным основанием для такого поступка являлось намерение еще более подчеркнуть вынужденность «насильственного мира». Так как в агитации, которая велась в связи с заключением «насильственного мира», указывают всегда на мою особу, как на главного его виновника, то

мне бы хотелось еще раз подчеркнуть, что я не имел ни малейшего влияния на составление текста мирного договора; я ознакомился с ним в первый раз во время оглашения его в присутствии русских делегатов. Окончательное принятие его Сокольниковым последовало в частном заседании дипломатов, на которое я не был приглашен.

Самую энергичную агитацию в связи с заключением «насильственного» мира развила, конечно, пресса Антанты. Мне поэтому хотелось бы здесь предложить Антанте вопрос, почему же она не изменила содержание мирного договора, когда она выиграла войну, и когда по ее указке до основания были изменены все политические отношения Европы. Правда, Брест-Литовский мир был об'явлен отмененным, но его главные условия остались в силе, Антанта и не подумала вернуть Польшу, Литву, Латвию, Эстляндию и Бессарабию своей бывшей союзнице России. Она изменила лишь форму зависимости отнятых у России областей.

Тем временем и на южной половине восточного театра войны мы были принуждены снова взяться за оружие. Верное своему принципу, уважать право на самоопределение лишь когда оно ему выгодно, русское большевистское правительство, как уже сказано выше, открыло военные действия против Украины и ее правительства, т.-е. Рады. Украинское правительство было свергнуто и прогнано.

Таким образом, если центральные державы желали получить хлеб в результате своего «хлебного» мира, то они должны были сами достать этот хлеб.

Впрочем, после заключения мира и сами украинские уполномоченные не скрывали безвыходного положения своего правительства и открыто обратились к Германии с просьбой о поддержке. Для меня было ясно, что мы не можем игнорировать этой просьбы. Мы сказали А, и должны были теперь сказать Б; мы признали законность украинского правительства и заключили с ним мир; мы обязаны были, сле-

довательно, позаботиться, чтобы мир, который мы провозгласили, действительно осуществился, а поэтому в первую очередь должны были поддержать правительство, заключившее с нами мир.

Вследствие этого наши войска вступили в Украину. Наступление, главным образом по железнодорожным путям, быстро продвигалось вперед; тем не менее мы во многих местах встречали сопротивление. Большевистские банды, наступавшие для занятия Украины, оказывали нам сопротивление, но наиболее ожесточенные бои происходили с чехословацкими дивизиями, с которыми мы впервые пришли в соприкосновение. Однако сопротивление было повсюду сломлено, и наступление проведено по всей Украине до степей Донской области.

Сначала австро-венгерские войска медлили присоединиться к нашему наступлению.

Австро-венгерское правительство желало мира и прекращения боев и неохотно дало себя убедить, что при данных условиях мир невозможен и что прежде всего, если Австрия желает иметь хлеб, который ей еще нужнее, чем Германии, то она должна достать его себе сама. Поэтому мы начали это наступление одни, но вскоре нашему примеру последовали и австрийцы, и тут даже началось не лишенное трений соревнование в стремлении к достижению крупных целей. В то время как Киев бесспорно попал в сферу германских интересов, австрийцы завладели Одессой и примыкающей к ней железной дорогой.

Одно из условий мира с Советской Россией касалось, конечно, возобновления дипломатических сношений. За это время я достаточно узнал большевиков, чтобы правильно оценить опасность, которую могло бы создать для Германии большевистское посольство в Берлине и учреждение таковых же консульств, как центров большевистской агитации. Да большевики ни на минуту и не скрывали, что их цель —

мировая революция, и что первым шагом к ней они считают революционизирование Германии. Для пропаганды они пользовались всякой возможностью; попытался же известный Радек, один из членов мирной делегации, раздавать нашим солдатам агитационные листки из окон вагона. Поэтому я настойчиво предостерегал против допущения большевистского посланника в Берлин; я высказал свой взгляд верховному командованию и предложил, пока война еще не окончена, выбрать ставку командующего восточным фронтом как место пребывания для обоих посольств, германского и русского. Здесь я имел бы возможность обуздать слишком энергичную деятельность господина Иоффе. Прежде всего можно было бы помешать его слишком близкому общению с германскими коммунистами. Насколько мне известно, верховное командование попыталось провести мое предложение, но оно натолкнулось на противодействие нашего министерства иностранных дел.

Криге, начальник юридического отдела этого министерства, клятвенно уверял всех в благородстве Иоффе и горел желанием продолжить с ним в Берлине переговоры, начатые в Брест-Литовске. События, к сожалению, показали, что опасения мои были справедливы. Статс-секретарь Зольф допустил, чтобы ящик с пропагандой «разбился» слишком поздно, и, как сказать, запер хлев тогда, когда корову уже украли [1]).

---

[1]) Гофман имеет в виду «случай» с дипломатической вализой советского курьера на берлинском вокзале в окт. 1918 года.

Прим. перев.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

1918 ГОД.

С окончанием германского продвижения на Украине прекратилась и вообще вся военная деятельность командующего восточным фронтом, так как маленькие стычки с большевистскими бандами не причиняли никаких серьезных забот. Не занимали и административные дела всего свободного времени у меня и у моего штаба; к тому же генерал Людендорф постепенно все сокращал поле деятельности командующего восточным фронтом. Так, в Киев был назначен генерал Гренер для создания там германско-украинского сырьевого и закупочного общества. Предприятие это на бумаге казалось блестящим, но на деле дало относительно мало результатов.

Преувеличила ли в свое время украинская делегация количество имевшегося на Украине зерна, или крестьяне спрятали весь свой хлеб, — этот вопрос, вероятно, никогда не будет разрешен. Мне кажется, что вернее последнее. Как бы то ни было, нашему закупочному обществу не удалось открыть сколько-нибудь значительных запасов. Я думаю, что мы добились бы лучших результатов без такой большой центральной организации, если бы мы просто-на-просто предложили торговцам-евреям доставить нам зерно на основе свободной торговли. Возможность влияния на политические события в Киеве у командования восточным фронтом была также отнята. Оно нисколько не повлияло на падение прежнего правительства и на водворение гетмана Скоропадского.

Вопрос об управлении прибалтийскими губерниями разрешился так же, как и на Украине. И тут командованию восточным фронтом в самой любезной форме предложено было не вмешиваться в дела управления, а 8-й армии было поручено привести в исполнение планы верховного командования. Новый начальник штаба этой армии, подполковник Франц, пользовался особым доверием генерала Людендорфа.

Бесполезно критиковать германскую окраинную политику, так как позднейшие события аннулировали все, что мы предполагали сделать на востоке. Мне хочется лишь заметить, что лично я не сочувствовал идее отнятия у России Прибалтики. Россия, как великая держава, — а такой она всегда была и останется, — не может долго примириться с тем, чтобы Рига и Ревель, представляющие из себя как бы ключи к ее столице, Петербургу, были у нее отняты. Также и в количественном отношении немецкое население Лифляндии и Эстляндии не так велико, чтобы оправдать управление этими окраинными государствами немцами.

1 мая 1918 года командование восточным фронтом переехало в Ковно, куда было опять переведено и административное управление. На южной части фронта делать нам больше было нечего, а для внутреннего управления было, конечно, желательнее снова соединить части штаба вместе.

Тем временем, до начала марта, совершалась перевозка всех боеспособных частей войска с восточного фронта на западный. Впервые за все время войны западный фронт имел численный перевес над противником. Теперь перед генералом Людендорфом встал тяжелый вопрос: должен ли он использовать этот перевес в целях большого решительного наступления, и если должен, то в каком месте и каким образом? Большие наступления Антанты на западе, которые всегда велись с огромным количеством войск и снаряжения, не считаясь с крупными потерями, никогда не увенчивались решительным успехом; поэтому некоторые наши

полководцы держались того мнения, что и наше наступление не будет иметь серьезного значения.

Имея в тылу мирно настроенную Россию, из которой изголодавшиеся центральные державы могли бы извлекать продовольствие и сырье, — можно было притти к заключению не начинать на западе наступления, но выжидать, чтобы инициатива наступления исходила от Антанты. Но этой предпосылки как раз и не было. Слухи, шедшие из России, с каждым днем становились все печальнее; там происходили всякие ужасы, убийства многих тысяч образованных и имущих людей, разбой и кражи, — междоусобица, исключавшая всякую возможность возобновления правильных торговых сношений. Таким образом, для того, чтобы вступить на вышеуказанный «выжидательный» путь на западном фронте, следовало сначала создать на востоке условия, открывающие возможность снабжения центральных держав продовольствием и сырьем.

К командованию восточным фронтом ежедневно обращались с мольбами о помощи из всех кругов русского населения. Наши делегации, посланные нами в Россию, в большинстве случаев заявляли, что мы ни в коем случае не должны, сложа руки, смотреть на неистовства большевиков, — но, несмотря на это, следовало признаться, что трудно было решиться нарушить уже заключенный мир и снова с оружием в руках выступить против России. Я откровенно признаюсь, что в первое время и я никак не мог примириться с таким решением.

Русский колосс в течении 100 лет в политическом отношении оказывал такое давление на Германию, что нельзя было не испытывать известного чувства облегчения при мысли о том, что русское могущество на целый ряд лет уничтожено революцией и большевистским хозяйничаньем. Но чем больше до меня доходили сведения о неистовствах большевиков, тем больше я склонялся к тому, чтобы пересмотреть мое

отношение к этому вопросу. По-моему, порядочный человек не мог спокойно и безучастно наблюдать, как избивают целый народ. Поэтому я завязал сношения с различными представителями старого русского правительства. К тому же настоящего мира на восточном фронте не было: мы, хотя и со слабыми силами, но все-таки сохраняли фронт против большевистских банд; со дня на день мы ждали перестрелки.

Что происходит в России, мы не знали, относительно целей чехо-словацкого движения у нас царило полное неведение. Как и всегда на войне, носились преувеличенные слухи об их численности и их намерениях. Рассказывали, что Англия снабжает их деньгами и что они, опираясь на Англию, собираются с востока напасть на Москву и захватить правительственную власть. В таком случае снова сомкнулось бы кольцо вокруг Германии. Поэтому с весны 1918 года я стал на ту точку зрения, что правильнее было бы выяснить положение дел на востоке, т.-е. отказаться от мира, пойти походом на Москву, создать какое-нибудь новое правительство, предложить ему лучшие условия мира, нежели в Брест-Литовске, — например, вернуть ему в первую голову Польшу, — и заключить с этим новым русским правительством союз. Подкреплений для этого похода восточному фронту не понадобилось бы.

Майор Шуберт, наш новый военный атташе в Москве, первым высказавшийся за решительное выступление против большевиков, полагал, что двух батальонов было бы вполне достаточно для водворения порядка в Москве и установления нового правительства. Хотя я и считал его точку зрения слишком оптимистической, но все-таки я думал, что нам вполне бы хватило для проведения этого начинания тех немногих дивизий, которыми мы еще располагали. В то время у Ленина и Троцкого еще не было Красной армии. Они были заняты разоружением остатков старой армии и

отправкой ее по домам. Их власть опиралась всего лишь на несколько латышских батальонов и вооруженных китайских кули, которых они употребляли, да и теперь еще употребляют, главным образом, в качестве палачей.

Таким образом, по-моему, было бы легко смести большевистское правительство, если бы мы, например, продвинулись на линию Смоленск — Петербург и, заняв ее, образовали бы новое русское правительство. Последнее пустило бы, просто-на-просто, ложный слух, что цесаревич жив, назначило бы регента, — при этом я имел в виду великого князя Павла, с которым командующий восточным фронтом завязал сношения через его зятя, полковника Дурново, — и мы перевезли бы это временное правительство в Москву [1]. Таким образом Россия была бы избавлена, по крайней мере от невыразимых страданий, и была бы предотвращена смерть миллионов людей. Какое впечатление произвели бы эти события в Германии и на Западе, это нетрудно себе представить. Несомненно, что значение этого начинания было бы огромно, если бы только мы решились на это раньше, чем Людендорф начал свое первое наступление в марте 1918 г.

Генерал Людендорф, несомненно, не принял в соображение этих возможностей, т.-е. воссоздания нормального порядка на востоке, заключения союза с каким-нибудь новым русским правительством и занятия выжидательного положения на западном фронте. Он решил добиться развязки наступлением на западном фронте и был убежден, что оно удастся, что германские войска смогут победить. Остается невыясненным, насколько на такое решение влияло то обстоятельство, что при выжидательной тактике на западе две опасности с каждым днем становились для нас все более грозными: увеличение американских войск и страшная пер-

---

[1]) Здесь Гофман имеет в виду полк. П. Дурново, женатого на дочери жены в. к. Павла Александровича от первого ее брака — на Пистолькорс. Прим. перев.

спектива, что противнику удастся вырабатывать у себя наши новые газы.

Против решения наступать ни один военный критик ничего не может возразить. Вопрос лишь в том, выдерживает ли критику самое выполнение, и тут надо указать на две слабые стороны. Во-первых, наступление не было сосредоточенным в пункте, намеченном для прорыва, и во-вторых, не были введены в дело все имевшиеся боевые силы. Избранной для наступления позицией было южное крыло английских войск к северу от Соммы; против этого пункта и нужно было бросить все наличные силы. Вместо этого наступление было произведено и к северу, и к югу от Соммы.

Появившаяся в 1922 году брошюра капитана Райта, под заглавием «Как это было в действительности», показывает нам, что германское мартовское наступление все же было очень близко к победе и что мы лишь на волосок были от решительного исхода войны в нашу пользу. Но так как нам не удалось взять Амьена и тем раз'единить линию английских и французских войск, то мы лишь вплотную подошли к победе, но не могли ее одержать. Судьба нашего наступления была такова же, как и многочисленных неприятельских наступлений: оно лишь вдавило фронт противника, но пробить его не смогло.

Войска, находившиеся в распоряжении верховного командования весной 1918 года были бесспорно хороши. Доказано, что коммунисты и социалисты всеми средствами старались подорвать моральное состояние войск. Однако по свидетельству сотен офицеров, которых я по этому поводу опрашивал, весной 1918 года в войсках еще не чувствовалось серьезного влияния этой агитации. Хуже обстояло дело в тылу. Распространявшийся тут яд, правда, медленно, но все же проникал в войска, и только под впечатлением длительных тяжелых боев летом 1918 года наступило раз-

ложение, которое привело к крушению самой доблестной армии в мире.

Когда верховное командование убедилось, что оно не может взять Амьена и что, следовательно, прорыв не удастся, оно должно было бы понять, что решительной победы на западном фронте ожидать уже нельзя. Если не удалась эта первая попытка, предпринятая с лучшими боевыми силами, то оно должно было себе сказать, что дальнейшие наступления, которые пришлось бы вести со все более и более слабыми силами, не имеют никаких шансов на успех. В тот самый день, когда верховное командование приказало приостановить наступление на Амьен, оно обязано было обратить внимание имперского правительства на то, что нет никаких шансов закончить войну на западном фронте решительной победой и что пора завязать мирные переговоры.

Возможно ли было заключить в апреле 1918 года достойный мир, — я не знаю, но думаю, что это было возможно. Во всяком случае, он был бы лучший, нежели Версальский. Как бы то ни было, дальнейшие наступления должны были быть приостановлены. Они стоили нам страшных потерь в людях и снаряжении, которых мы больше не могли возместить. И тогда было еще не поздно осуществить планы командования восточным фронтом насчет России. Мне кажется по меньшей мере сомнительным, чтобы у народов Антанты хватило энергии настаивать на продолжении войны, если бы мы создали в мае и июне новое правительство в России и, заключив с ним союз, держались бы оборонительной тактики на западном фронте; наше же правительство сделало бы мирное предложение, которое гарантировало бы восстановление Бельгии и, может быть, пожертвовало бы некоторыми частями Лотарингии.

Продолжение наступления требовало мероприятий, опасных для боеспособности и морального состояния войска.

Требования к отдельным дивизиям становились чрезмерно велики, время, в течение которого некоторые из них должны были бессменно оставаться в передовых линиях боевого фронта, было слишком длительно. Хороших пополнений больше не было, и верховное командование набирало людей отовсюду и составляло пополнения, считаясь только с численностью и не принимая во внимание никаких других соображений. Таким образом были выбраны все солдаты младших возрастов из восточных дивизий и переправлены на западный фронт. Особенно сказывался этот недостаток в обученных артиллеристах: из батарей восточного фронта были взяты все сколько-нибудь способные к службе люди.

Я того мнения, что именно эта переброска отдельных солдат из войсковых частей восточного фронта на западный имела роковые последствия. Большевистская пропаганда оказывала, несомненно, влияние на армию. Если старая дисциплина об'единяла еще войска, если еще можно было положиться на войсковые единицы в целом, то уже нельзя было, к сожалению, помешать тому, что отдельные люди, недовольные тем, что их вырвали из своих частей и со спокойного фронта послали на новые бои, распространяли яд большевистских теорий, с которыми они познакомились на востоке. Таким образом проникали в армии, сражавшиеся на западном фронте, элементы разложения, встречавшие особо благоприятную почву в солдатах, переутомленных длительными тяжелыми боями.

Подобно тому, как генерал Людендорф отказался признать, что после неудавшегося мартовского наступления германские войска потеряли последние шансы на победу, точно так же он закрывал глаза на грозные признаки на фронтах наших союзников. Хотя в апреле и мае турки еще могли отбивать атаки под Иерусалимом и удержали свои позиции, однако перевес англичан с каждым днем становился чувствительнее.

Маршал Лиман фон Сандерс ясно предвидел события, которые неизбежно должны были наступить осенью. Об'яснив положение дел, он просил помощи, но верховное командование не отозвалось. Так же мало внимания обратило оно и на многочисленные предостережения, шедшие с болгарского фронта. Для большого наступления на западе с македонского фронта были взяты почти все германские войска, составлявшие основу этого фронта, за исключением немногих батальонов. Несомненно, что германская победа на западе поддержала бы и болгарский фронт; но так как победы этой не последовало, то верховное командование должно было, по крайней мере летом 1918 года, подумать о том, чтобы послать на болгарский фронт другие германские войска. Их было достаточно на восточном фронте, и если даже дивизии восточного фронта, состоявшие из ландвера и ландштурма, непригодны были для боев на западном фронте, я уверен, однако то, что на болгарском фронте они исполнили бы свой долг.

Так мы неминуемо шли к гибели. К тому следует прибавить, что в стране никто еще и не подозревал о серьезности положения.

Донесения верховного командования об одержанной после мартовского наступления победе, почести, возданные лицам верховного командования и участвовавшим в этих боях командирам, поселили не только в народных массах, но и в войсках уверенность, что все обстоит благополучно. Мы, — и даже командующий восточным фронтом, — ничего не знали о тяжелых потерях, которых стоило это наступление, мы не знали, что Германия более не в состоянии их покрывать. Войска были убеждены, что в худшем случае западные армии сумеют удержаться на своих позициях. И мне положение дел стало ясно только в течение лета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я хотел бы еще раз вкратце резюмировать мое мнение о перспективах Германии во время мировой войны и о причинах, по которым эти перспективы не оправдались.

В августе 1914 года мы должны были на западе разом выиграть войну, если бы мы вели ее сообразно первоначальному плану графа Шлиффена, т.-е. если бы мы, прорвавшись через Бельгию, усилили и удлинили правое крыло всеми имевшимися в нашем распоряжении войсками. То, что этого не случилось, что, наоборот, с правого крыла были взяты войска на восточный театр войны, является, несомненно, ошибкой верховного командования первого состава. Однако поражение на Марне не должно было обязательно случиться. Дальнейшей ошибкой генерала Мольтке является то, что оно произошло. Критическое положение, в котором очутилась 2-я армия, не было ликвидировано энергичными мероприятиями; решимость 1-й армии справиться с создавшимися затруднениями переходом в атаку не была поддержана, а злосчастная отправка подполковника Хентша с неясным устным поручением и неопределенными полномочиями сделала возможным для самих французов непонятное «Чудо на Марне».

После поражения на Марне можно было еще раз попытаться двинуть уже начавшие застывать в позиционной войне армии вперед. Это можно было бы осуществить, если бы было принято твердое решение перевести не менее десяти—двенадцати корпусов с левого фланга на правый и тут начать решительное большое наступление. Этот план, пред-

ложенный в свое время генералом Гренером, не был приведен в исполнение по вине верховного командования второго состава. После этого выиграть на западе войну стало невозможным; нужно было искать развязки на востоке, где события в то время развивались таким образом, что обусловливали возможность успешной развязки. Поздней осенью 1914 года и летом 1915 года представлялись две возможности окончательно разбить русские войска. Обе эти возможности генерал Фалькенгайн упустил. Кроме того, на его же ответственности лежит наступление на Верден, неудовлетворительное ведение сербской кампании, нерешимость занять Салоники и отказ от общего наступления на Италию. После того как не были использованы возможности нанести такое решительное поражение России, чтобы довести дело до заключения мира, нужно было сознаться, что «по человеческому разумению» выиграть войну Германия уже не может. С этого момента все внимание имперского правительство должно было быть направлено на заключение мира на началах status quo ante, а верховного командования на то, чтобы не терпеть крупных поражений и удержать занятые войсками территории. Я полагаю, что мы могли бы заключить мир на указанных условиях в 1917 году, если бы мы твердо и определенно отказались от Бельгии.

Как раз в это время, против всякого ожидания, произошло событие, которое еще раз дало шансы германской империи победоносно выйти из войны: это была русская революция, которая вывела из строя численно сильнейшего врага и дала нам на западном театре войны численный перевес, несмотря на то, что против нас было очень много противников.

Были две возможности использовать вновь создавшееся положение: или следовало решиться восстановить в России порядок, заключить с новым русским правительством дружественный союз, а на западе перейти к выжидательной

тактике. Тут мы, конечно, не могли бы одержать крупной, решительной победы, но зато и сами не были бы побеждены; или же следовало сосредоточить все имевшиеся в наличности силы для большого, решительного наступления. Генерал Людендорф избрал последний путь. Он хотел победить, но он не использовал все силы и ввел их в дело неудачно. Большой прорыв не удался; вместо того, чтобы признать, что таким образом потеряны последние шансы на победу, вместо того, чтобы с этого момента ограничиться исключительно обороной и побудить имперское правительство начать переговоры о мире, — он упорно продолжал наступление, пока не истощил последних сил войска. Это привело генерала Людендорфа к необходимости требовать немедленного (в 24 часа) заключения перемирия и отдало беспомощную Германию во власть холодной ненависти Англии, фанатической мстительности французов и душевно-больного Вильсона.

1 р. 10 к.

